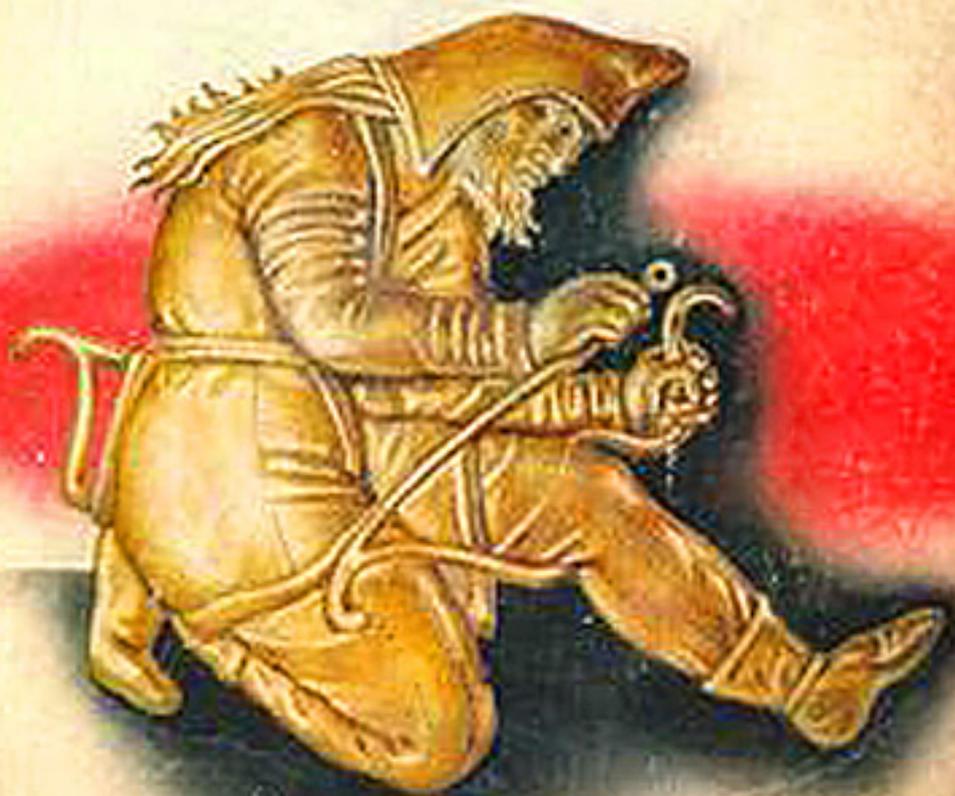

Е.В.Черненко

СКИФСКИЕ ЛУЧНИКИ

Скифские лучники

В монографии рассматриваются проблемы, связанные с использованием лука и стрел в скифское время. Проанализированы типология, форма и устройство луков, стрел и их отдельных частей. Особое внимание уделено приспособлениям для ношения луков и стрел, в том числе и парадным, золотые и серебряные украшения которых являются подлинными шедеврами северопричерноморской торевтики. Исследуются вопросы производства луков и стрел, снаряжения скифских лучников. Описаны различные способы стрельбы из луков скифского типа. Подчеркивается широкое распространение этого оружия в Евразии.

Для археологов, историков, работников музеев, преподавателей и студентов исторических факультетов; всех, кто интересуется прошлым нашей страны.

Киев. "Наукова думка". 1981 г. Тираж 5000 экз.

OCR Halgar Fenrirsson

[3] - конец страницы.

Предисловие

I. Лук

II. Стрелы

III. Гориты и колчаны

Гориты VI в. до н.э.

Гориты V в. до н.э.

IV. Парадные гориты IV в. до н.э.

Парадный горит из Толстой Могилы

Горит из кургана Солоха

Гориты чертомлыкской серии

V. Некоторые вопросы производства снаряжения лучников

Наконечники стрел

Парадные гориты

VI. Лук и стрелы на вооружении скифских воинов

Приложения

1. Изображения луков и горитов на скифских стелах
2. Изображения луков и горитов на предметах причерноморской торевтики
3. Костяные "гвоздики" и "столбики" от горитов
4. Застежки горитов
5. Наконечники стрел в курганах Степной Скифии
6. Наконечники стрел в курганах Днепровского лесостепного Правобережья
7. Наконечники стрел в курганах Днепровского лесостепного Левобережья

Список сокращений

Предисловие

*Для эпохи дикости лук и стрелы были тем же,
чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие
для цивилизации, — решающей силой.*

Ф. Энгельс¹⁾

Основным и наиболее распространенным оружием в Скифии были лук и стрелы, с одинаковым успехом использовавшиеся в бою и на охоте. «Стрела в древности — национальный символ скифа», — писал В. Н. Граков.²⁾ Наконечники стрел — наиболее массовый материал, который можно встретить в составе инвентаря погребений представителей разных слоев скифского общества — от могил царей до рядовых общинников. Они встречаются в могилах воинов мужчин и женщин-воительниц, нередко и в детских погребениях.

Наконечники скифских стрел усеяли просторы Евразии, четко очерчивая ареал распространения луков скифского типа. Пожалуй, из всех предметов скифской материальной культуры, исключая лишь обломки керамики на поселениях, скифские наконечники чаще других встречаются при разведках. О массовости находок наконечников стрел свидетельствует хотя бы тот факт, что только на дюнах возле небольшого украинского села Лихачевка на Ворскле археолог-любитель прошлого века И. А. Зарецкий нашел их более двух тысяч.³⁾

В музейных собраниях нашей страны (прежде всего, в музеях Украины, Москвы и Ленинграда) хранятся десятки тысяч наконечников стрел, происходящих из целых или потревоженных при ограблении комплексов, найденных при археологических разведках.

Помимо такого массового материала, как наконечники стрел, позволяющего составить стройную картину эволюции форм наконечников, смены одних типов другими, археологические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют судить об устройстве скифских луков, способах стрельбы из них, о применении воинами Скифии различных средств снаряжения лучника, приспособлениях для ношения лука и стрел — горитов и колчанов. Есть и некоторые данные о производстве наконечников стрел и горитов. Разумеется, ценность этих материалов во многом зависит от степени сохранности предметов, находимых в могилах.

Кроме того, для исследования вопросов, связанных со скифскими луками, может быть [3] использован материал, выявленный на соседних со Скифией территориях, и прежде всего из савроматских могильников, которые дают образцы оружия во многом близкого, если не абсолютно тождественного скифскому.

Широчайшее распространение лука скифского типа у племен Северного Причерноморья находит полное соответствие в свидетельствах античных авторов, где лук и стрелы упоминаются намного чаще, чем все остальные виды скифского оружия, вместе взятые. Приведем лишь некоторые наиболее интересные упоминания о луках, которые можно встретить в трудах античных авторов.

В древних схолиях к «Илиаде» описываются скифский способ стрельбы из лука и его тетива, сделанная из конского волоса.⁴⁾ Со скифами связывал, как говорят древние схолии к «Одиссее», «кривые луки» древнегреческий поэт Анакреонт.⁵⁾ Плиний Старший утверждал даже, что «лук и стрелы изобрел Скиф, сын Юпитера».⁶⁾ У Гекатея Милетского в его большом труде «Землеописание», фрагмент из которого дошел до наших дней в передаче Аммиана Марцеллина (XXII.8), содержится древнейшее сравнение формы северного побережья Черного моря со скифскими луками.⁷⁾ Это же сравнение встречается у многих греческих и римских авторов. Полная сводка этих высказываний дана в работе Е. Буланды.⁸⁾

Интересное указание о способе ношения скифских колчанов или торитов можно найти в схолиях к Пиндару: «...скифы обыкновенно носят стрелы под локтем». Упоминание о луках можно найти в трагедиях Эсхила, где говорится о кочевниках-скифах, «...вооруженных дальнобойными луками»⁹⁾ и упоминаются «...стрелы луков скифских с загнутыми концами».¹⁰⁾ Очень часто пишет о скифских луках и Геродот. Лук он упоминает в рассказе о войне скифов с «детьми рабов» после возвращения скифов из Азии [IV.3], трижды упоминает в

легенде о происхождении скифов [IV.9-10]. Покрышка от колчана, сделанная из кожи убитого врага, названа при описании военных обычаев скифов [IV.64]. Стрелы использовались скифами в обряде побратимства [IV.70], «стрелой из лука» был убит скифский мудрец Анахарсис [IV.76]. Наконечники стрел упоминаются в рассказе о подсчете численности скифов [IV.80], о «дарах», посланных скифами Дарию [IV.131-132].¹¹⁾ Описывая воинские обычаи скифов, Геродот писал «многие (скифы. — Е. Ч.) ... содрав кожу вместе с ногтями с правых рук убитых неприятелей, делают покышки для колчанов».¹²⁾ Это свидетельство Геродота нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Интересное описание лука скифского типа приводит Аммиан Марцеллин: «В то время, как луки всех народов сгибаются из гнущихся дровков, луки скифские..., выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок».¹³⁾ Это описание полностью подходит к тем лукам, которые хорошо известны по их изображениям, относящимся к скифскому времени.

Ценный материал об устройстве и способе ношения горитов с помещенными в них луками дают скифские каменные изваяния. По подсчетам П. Н. Шульца, гориты воспроизведены на 25 из 42 известных к моменту написания его работы, скифских каменных изваяния.¹⁴⁾ (Сейчас этих изваяний известно намного больше*.) Здесь отмечен факт очень частого воспроизведения лука или горита на стелах. Описание наиболее интересных находок будет сделано при рассмотрении устройства горитов или луков.

Изображения луков в руках воинов или в горитах обычны на предметах северопричерноморской торевтики.* Луки в руках держат воины на бляшке из Куль-Обы и на Воронежском сосуде, из лука стреляют скиф-охотник на чаше из Солохи, царь Атей на монете, убивает оленя скиф-охотник на ажурной пластине из Гюновки. Лук показан па горитах Чертомлыцкой серии (Чертомлыцком, Ильинецком, Пятибратнем, Мелитопольском). [4] Древнейший скифский лук, из которого стреляют фантастические существа, изображен на ножнах Мельгуновского и Келермесского мечей.

Известны изображения горитов с луками и без них. Без лука изображен горит у одного из скифов на Чертомлыцкой вазе, у двух воинов на Солохском гребне, у одного из воинов Сахновской диадемы. Из горитов вынуты луки, которые держат в руках стрелки на пластине из Гюновки и на монете Атея.

Гориты с луками воспроизведены у воинов Гермесовой пластины, на пекторали из Толстой Могилы, на Чертомлыцкой вазе, на бляшках из Куль-Обы, на чаше из Солохи со сценой охоты, на Куль-Обском, Воронежском сосудах, на чаше из Гаймановой Могилы, на Сахновской диадеме, на пластине из Карагодеуашха. А на чашах из Куль-Обы и Воронежа воины имеют по два лука — один лежит в горите, а другой они держат в руках. Вряд ли это случайно. В этой связи хочется вспомнить слова Геродота о том, что «...Геракл натянул один из луков (до тех пор он носил два)...».¹⁵⁾

О скифских луках и стрелах существует довольно обширная литература, где более или менее детально исследуются общие и частные стороны этой проблемы. Здесь названы основные работы. Подробнее об остальных работах будет идти речь в главах, где рассматриваются конкретные вопросы, связанные с луком и стрелами.

Типология скифских наконечников стрел рассматривается в работах П. Рау¹⁶⁾ и А.И. Мелюковой.¹⁷⁾ Большое значение имеет раздел о луке и стрелах у савроматов в монографическом исследовании вооружения савроматов, проведенном К.Ф. Смирновым.¹⁸⁾

Вопросы, связанные с использованием лука и стрел на различных территориях лесостепной Скифии, рассматриваются в работах В.А. Ильинской.¹⁹⁾ При этом она не ограничивается узким кругом вопросов, связанных с применением этого оружия в сравнительно небольших районах Скифии, а затрагивает и более общие проблемы.

В обобщающей работе по археологии Скифии, написанной В.А. Ильинской и А.И. Тереножкиным, есть раздел, посвященный луку и стрелам.²⁰⁾ Горитам, прежде всего парадным, посвящены статьи Б.В. Фармаковского²¹⁾ и М.В. Фармаковского,²²⁾ А.П. Манцевич²³⁾ и В.П. Шилова.²⁴⁾ Производство такого массового материала, как бронзовые наконечники стрел, тщательно исследовал Б.Н. Граков.²⁵⁾ Им же были высказаны интересные соображения о типологии наконечников стрел, о роли и месте лука и стрел в составе вооружения воинов степей Евразии в раннем железном веке. Занимаясь вопросами, связанными с производством, Б.А. Шрамко определенное внимание уделил луку и стрелам. Наиболее полная сводка материалов, характеризующих скифские луки, стрелы, колчаны и гориты приведена в монографическом исследовании скифского вооружения А.И. Мелюковой.

Обобщающая статья, посвященная скифским лукам, написана А. Ганчар, широко использовавшей материалы, опубликованные в работе А.И. Мелюковой.²⁶⁾ В последнее время очень плодотворно работает над вопросами типологии скифских наконечников стрел и использования лука и стрел скифами В. И. Ключко.

В целом, несмотря на довольно обширную литературу, многие вопросы, связанные со скифскими луками и стрелами, еще не разработаны.* Вопросы устройства луков и его отдельных частей, приспособлений для ношения лука и стрел — колчанов и горитов, происхождению горитов, о месте лука и стрел в составе вооружения скифских воинов, приемам стрельбы из лука посвящена данная работа

В работе используются в основном опубликованные материалы, хранящиеся в научных [5] фондах и архивах Института археологии АН УССР, Государственного Эрмитажа и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Московского и Киевского исторических музеев, Музея исторических драгоценностей УССР, музеев Украины. Особое внимание уделено данным, полученным в результате археологических раскопок, проводимых Институтом археологии АН УССР на новостройках юга Украины.

Автор благодарит за любезное разрешение использовать в работе неопубликованные материалы из раскопок И. Б. Врашинского, О. Д. Ганиной, В. В. Ковалевской, В. Г. Петренко, Д. Я. Телегина, О. Г. Шапошниковой, Э. В. Яковенко, за помощь в работе над книгой Л. К. Галанину, М. В. Горелика, А. П. Манцевич, Г. И. Смирнову, Б. А. Шрамко. Особую благодарность выражает сотрудникам Отдела археологии раннего железного века Института археологии АН УССР, в котором выполнялась эта работа, за помощь и советы при работе над книгой и при ее обсуждении.

Для иллюстрирования книги использованы материалы фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (заведующая Э. С. Доманская), фотографии В. И. Ключко, реконструкции М. В. Горелика, иллюстрации, выполненные художниками М. М. Иевлевым, Г. С. Ковпаненко, М. А. Кричаком, А. В. Симоненко. [6]

[К оглавлению](#) [Дальше](#)

---

¹⁾ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 30.

²⁾ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арпаите. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 112.

³⁾ Ковпаненко Г. Т. Племена скифського часу на Ворсклі. К., 1967, с. 138.

⁴⁾ ВДИ, 1947, № 1, с. 283.

⁵⁾ Там же, с. 298.

⁶⁾ Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1978, с. 103.

⁷⁾ ВДИ, 1947, № 1, с. 299.

⁸⁾ Bulanda E. Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums. Wien; Leipzig, 1913.

⁹⁾ Прикованный Прометей, 729-767, — ВДИ, 1947, № 1, с. 303.

¹⁰⁾ Хоэфоры, 154. — ВДИ, 1947, № 1, с. 303.

¹¹⁾ ВДИ, 1947, № 2, с. 258, 260, 269, 271, 272, 273, 274, 284, 285. {в книге место сноски 11 не указано; здесь выставлено из общих соображений. *HF*}

¹²⁾ Геродот, IV.64.

¹³⁾ Аммиан Марцеллин. История, XXII.8-10. — ВДИ, 1949, № 3, с. 285.

¹⁴⁾ Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 228.

* Сводку изображений горитов и луков на скифских каменных изваяниях см. в приложении 1.

* Сводку изображений горитов и луков на изделиях северопричерноморской торевтики см. в приложении 2.

¹⁵⁾ Геродот, IV.10. — ВДИ, 1947, № 2, с. 260.

¹⁶⁾ Rau P. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

¹⁷⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САИ, 1964, Д1-4, с. 14-32.

¹⁸⁾ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101, с. 31-69.

¹⁹⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968; Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

²⁰⁾ Археологія Української РСР. К., 1971, т. 2, с. 132-133.

²¹⁾ Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и кургана в м. Ильинцах. — Сборник археологических статей. Спб., 1911.

²²⁾ Фармаковский М. В. Горит из кургана Солоха. — Изв. РАИМК, 1922, т. 3.

²³⁾ Манцевич А. Л. Горит из кургана Солоха. — Тр. Государственного Эрмитажа, 1962, т. 7.

²⁴⁾ Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. — СА, 1961, № 1; Шилов В. П. Золотой клад скифского кургана.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1962.

²⁵⁾ Граков Б. И. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — ТСА РАНИОН, т. 5. 1930. [151]

²⁶⁾ Hančar A. Die Bogenwaffe der Skythen. — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1973, Bd. 102. S. 3-25.

* Прежде всего это касается сложнейшего вопроса типологии наконечников стрел. Существующая ныне и используемая в скифологии типология в значительной мере устарела. Не собран, не обобщен и не учтен колоссальный материал, характеризующий наконечники стрел. В активный фонд скифологии не введен обширный материал из раскопок последних десятилетий. Существенная корректировка имеющейся типологии наконечников стрел или разработка новой — одна из важнейших задач скифологии.

І. Лук

... Сложный лук был в употреблении у скифов.

Д. Н. Анучин

Устройству луков, вопросам их типологии посвящена довольно обширная литература. В данном разделе рассматриваются важнейшие из них.

Д. Н. Анучин разделил луки на два типа, назвав их простыми и сложными. К простым он отнес лук, который «...делается из простого согнутого сука»,¹⁾ к сложным — «...из нескольких соединенных вместе частей, именно из разных сортов дерева или из дерева и рога (а также кости)».²⁾ Распространенные у скифов луки он отнес к сложным.³⁾ Мнение Д. Н. Анучина было принято большинством исследователей. Сложными считают скифские луки К. Ф. Смирнов,⁴⁾ А. И. Мелюкова,⁵⁾ А. Ф. Медведев,⁶⁾ С. И. Руденко,⁷⁾ А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская⁸⁾ и др. На простые и сложносоставные делит луки Б. А. Литвинский.⁹⁾

Г. Раузинг, предлагая свою классификацию луков и исходя из особенностей их конструкции, делит их на простые, соединенные, усиленные и сложные.¹⁰⁾ Р. Харди разделил луки на простые и составные, выделив внутри каждого типа несколько вариантов.¹¹⁾ С подобным делением можно согласиться, заменив термин «составной» термином «сложный», более точно передающим особенность лука, в конструкцию которого входили разные материалы, образующие это сложное и совершенное оружие.

В делении луков на сложные и составные, или сложносоставные, допускается некоторая непоследовательность, приводящая к путанице. Очевидно, желая подчеркнуть основное отличие составного лука, заключавшееся в использовании единой деревянной основы и других материалов, от сложного, деревянная основа которого состояла из нескольких кусков дерева, иногда не указывается, что в нем, кроме дерева, применялись и другие материалы: костяные детали и сухожилия.

Чтобы избежать путаницы в терминологии, считается возможным вслед за [7] Д. Н. Анучиным отнести скифские луки к сложным, не деля их на сложные и составные, или сложносоставные, тем более, что для такого деления по отношению к собственно скифским лукам, остатки которых найдены в самой Скифии, сейчас нет почти никаких данных. Из имеющихся в распоряжении археологов материалов можно лишь говорить о широком распространении в Скифии асимметричного, сравнительно небольшого лука, состоящего из нескольких деревянных частей, с использованием в его конструкции деталей из коры, рога, кости и, очевидно, сухожилий. Такой лук и следует называть сложным.

Этот лук получил широчайшее распространение, о чем убедительно свидетельствуют сотни тысяч наконечников стрел «скифского» типа, найденных на огромной территории — от крайнего запада Европы¹²⁾ до глубин Сибири. Исключительная близость типов наконечников, найденных на необъятных просторах, позволяет утверждать об использовании воинами и охотниками одинаковых луков или очень близких типов. Убедительным свидетельством являются и памятники изобразительного искусства.

Хуже обстоит дело с реальными остатками луков, находки которых на территории Скифии очень редки. К скифским лукам с полным основанием (лишь с некоторыми оговорками) можно отнести слова К. Ф. Смирнова по поводу лука савроматов, который, по его мнению, также относится к «скифскому» типу, «...до сих пор, вследствие плохой сохранности дерева, мы не имеем ни одной достоверной находки остатков лука».¹³⁾

Б. Н. Граков, публикуя материалы раскопок курганов на Никопольском курганном поле, пишет, что при раскопках, которые проводил сотрудник Никопольского краеведческого музея Ф. И. Керанов, в двух курганах были найдены остатки луков. В погребении 17 кургана № 2, входившего в состав I курганной группы, «вдоль тела слева вверх стрел в руке скелета прослеживался деревянный истлевший лук (длина 40 см)».¹⁴⁾ Обломки дерева, связанные, по мнению Ф. И. Керанова, с луком, обнаружены и в кургане № 20 того же могильника.¹⁵⁾ Однако вряд ли стоит относиться к этим известиям с полным доверием. Раскопки 30-х годов у Никополя велись недостаточно тщательно, неудовлетворительной была фиксация находок, очень многие детали устройства погребальных сооружений, погребального обряда, состава и положения инвентаря остались неясными. Против достоверности фактов находок луков в двух погребениях этого могильника говорит и то, что при раскопках того же могильника, которые в послевоенные годы проводил крупнейший советский скифолог Б. Н. Граков, возглавивший коллектив высококвалифицированных археологов, остатки луков не обнаружены. Практически нет их и во многих сотнях раскопанных за последнее десятилетие скифских погребениях на территории всей Скифии.

Б. Н. Мозолевский при описании бокового погребения в кургане Толстая Могила писал, что рядом с костяком воина-охранника вместе с остатками горита прослеживался след предмета в форме лука. Вряд ли это так. Тем более, что и сам Б. Н. Мозолевский отметил, что не имеет достаточных оснований настаивать на этом.¹⁶⁾

Впрочем, даже в случае достоверности сообщений Ф. И. Керанова и Б. Н. Мозолевского они ничего не дают не только для выяснения самой конструкции лука, но даже не позволяют судить о его форме.

Единственный на территории Скифии лук, сравнительно неплохой сохранности, был найден С. С. Бессоновой в кургане № 2 группы «Три брата» в 20-и км к югу от Керчи в 1967 г. Вот [8] описание этой находки: «Рядом со стрелами... лежало древко лука длиной 64,6 см. Это был простой¹⁷⁾ сегментовидный лук, состоящий из трех деревянных пластин, обмотанных по спирали полоской коры шириной 1,3-1,5 см. Общая толщина древка 2 см. В момент открытия кургана лук был прямой и только после высыхания приобрел слегка выгнутую форму. Верхняя пластина с одной стороны закруглена и по толщине сведена на нет. Второй ее конец толще и сужается до 0,5 см. Средняя пластина заканчивается с обеих сторон плоскими лопастями, одна из которых слегка расширяется. Длина обеих пластин 58 см. Третья пластина обломана с двух сторон. Две верхние сдвинуты по отношению друг к другу на 6,5 см. На внутренних поверхностях боковых пластин имеется по одному продольному желобку для склеивания. На всех склеиваемых плоскостях сделаны мелкие косые насечки. Каких-либо следов обкладок в погребении не обнаружено».¹⁸⁾ Этот лук был, очевидно, положен в могилу в свободном состоянии, без тетивы (рис. 1).

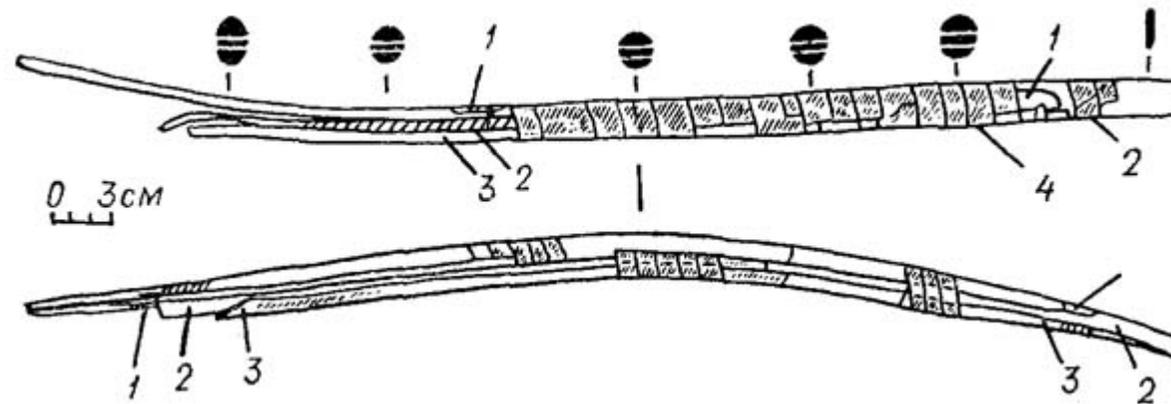

Рис. 1. Остатки лука из кургана Три Брата, 1-3 — деревянные пластины; 4 — кора.

Следует отметить, что луки встречаются редко и при раскопках на соседних со Скифией территориях. На территории савроматов найдено два лука. Лук в виде слегка изогнутого деревянного бруска с заостренными концами найден К. Ф. Смирновым в погребении 7 кургана № 7

Мечетсайского могильника в Южном Приуралье. Он сохранился на длину 75-80 см. Общая сохранность его хуже, чем у лука из Керчи. Осталось неясным, был ли он изготовлен из одного куска дерева или склеен из разных пород дерева, соединенных сухожилиями. К. Ф. Смирнов верно указывает, что этот лук был простым и имел дуговидную форму, отличную от скифских сложных луков.¹⁹⁾ По его мнению, лук такого типа изображен на грани бронзового наконечника стрелы из кургана № 6 Мечетсайского могильника²⁰⁾ (рис. 2, 1).

В погребении 1 кургана № 13 Новокумакского могильника под Орском рядом с колчанным набором лежали «...остатки лука из березы, возможно, сложного: сохранились три куска, из них один с зарубкой»²¹⁾ (рис. 2, 2).

В курганах Скифии известны находки костяных или роговых деталей, которые с большим или меньшим основанием связывают с луками. Эти детали чаще всего находились на концах сложного лука. Довольно полная подборка их имеется в работе В. А. Ильинской.

Прежде всего, отметим находку первой половины VI в. до н. э. из кургана № 2 у с. Волковцы (раскопки С. А. Шзараки 1897—1898 гг.). Погребение ограблено. Слева у плеча погребенного лежала костяная обкладка конца лука в виде «...изогнутой, слегка утолщенной у конца пластины с углубленным пером с внутренней стороны и кольцевой муфтой, в которую, очевидно, продевался [9] деревянный конец лука»²²⁾ (рис. 3, 2). На остром конце имеется шипообразное утолщение. Очень близкая по форме обкладка конца лука происходит из кургана № 503 у с. Броварки. Она изготовлена из распиленной вдоль трубчатой кости животного. На внутренней стороне кости оставлен желобок, здесь же находится кольцевая муфточка из неспиленной части. Пластина изогнута, один конец ее заострен, широкий противоположный конец оформлен в виде стилизованной головы животного. Наружная сторона выпуклая в разрезе, украшена резным геометрическим узором²³⁾ (рис. 3, 2). Близок по типу и функциональному назначению этим наконечникам небольшой, имеющий в разрезе форму многогранника рог, украшенный поясками из прочерченных с помощью циркуля кружков с точкой в центре. Губчатая масса на обрезанном конце рога выбрана — сюда входил конец лука. Вблизи линии отреза проходит вырезанный паз, очевидно, для закрепления тетивы. Наконечник найден в одном из курганов Роменской группы²⁴⁾ (рис. 3, 3).

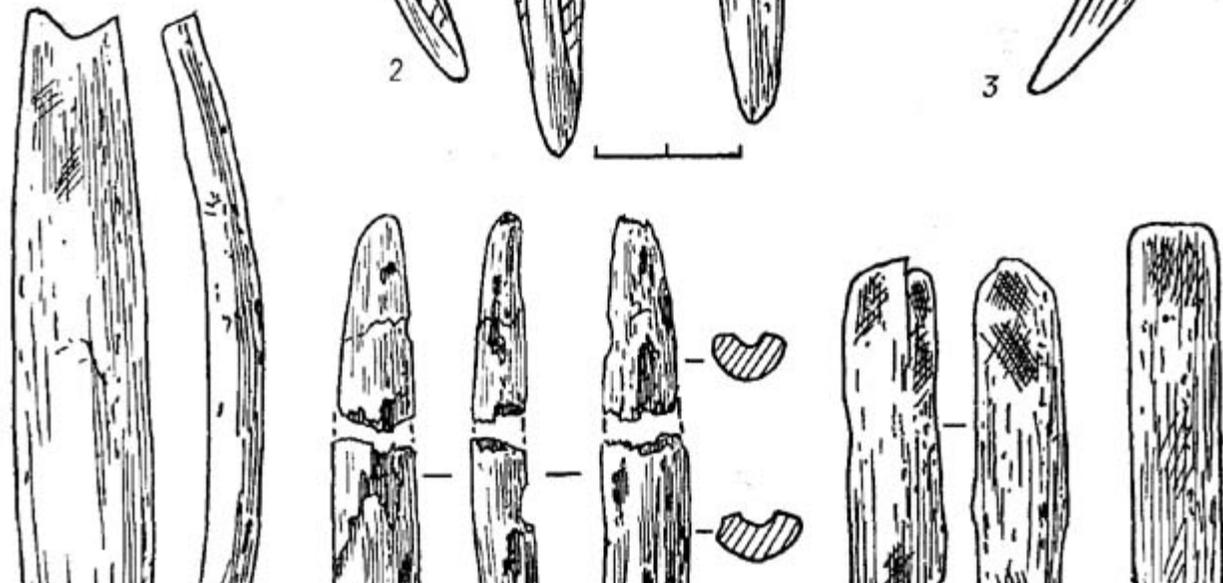
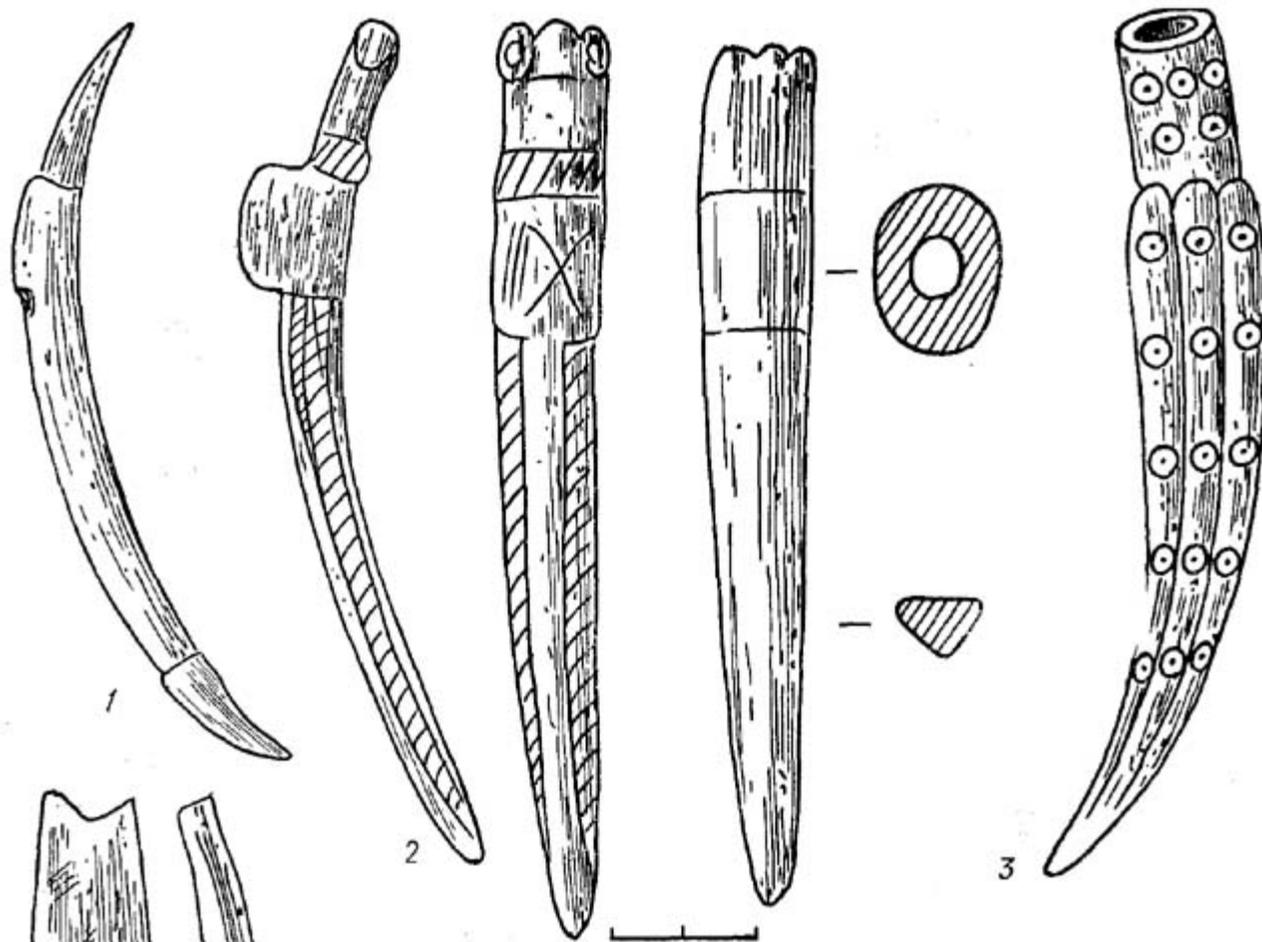
Рис. 2. Савроматские луки. 1 — остатки лука из Новокумакского могильника; 2 — изображение лука на наконечнике стрелы.

Роговый наконечник лука происходит из кургана № 13 у с. Кириковка на Ворскле. К сожалению, он не сохранился и о находке можно судить только по скупому сообщению в отчете о раскопках, где сказано, что «наряду со стрелами сохранилась также принадлежность лука: длинный заостренный наконечник из оленьего рога».²⁵⁾

Не совсем ясно, в каких местах луков размещались изогнутые, изготовленные из распиленной вдоль трубчатой кости пластины, украшенные гравированным орнаментом из различного сочетания прямых и ломаных линий, кружков и точек из кургана № 1 у с. Будки (материалы раскопок В. В. Хвойки, хранящиеся в КИМ) (рис. 3, 4).

Скорее всего, эти пластины находились в средней части лука, в том месте, где за него брались рукой при натягивании тетивы. Безусловно, в этом месте помещалась расколотая пополам и отполированная снаружи часть трубчатой кости животного из кургана № 17 у с. Новоалексеевка Скадовского р-на Херсонской области. Это погребение VI в. до н. э. было разрушено при ограблении.²⁶⁾ Сохранились пара наконечников стрел, костяные «столбики» от горита и отмеченная выше пластина. К сожалению, она состоит из двух частей и общая длина срединной накладке не восстанавливается. Ясно только, что она была несколько больше 15 см (рис. 3, 5). Может быть в этом же месте лука помещалась тонкая пластина из расколотой трубчатой кости длиной 20 и шириной от 1,8 до 0,7 см из кургана № 9 у с. Кут.²⁷⁾

Вместе с остатками дерева и железной пластиной, покрывавшей горит, в кургане № 7 у Жданова лежали две костяные пластинки длиной 10,5 и шириной 2 см из расколотой трубчатой кости, местами покрытые насечками в виде сетки, по-видимому, для более надежного приклеивания к дереву лука²⁸⁾ (рис. 3, 6). Прямоугольная костяная накладка на лук найдена на Вельском городище²⁹⁾ (рис. 3, 7). [10]

Рис. 3. Костяные и роговые детали скифских луков. 1 — курган № 2 у с. Волковцы; 2 — курган № 503 у с. Броварки; 3 — бывший Роменский уезд; 4 — с. Будки; 5 — с. Новоалексеевка (Лазурное), курган № 17; 6 — Жданов, курган № 7; 7 — Бельское городище. [11]

Две интересные находки, которые связывают с луком, относятся к погребениям скифского времени (VI в. до н. э.), раскопанным на территории Венгрии.³⁰⁾

Одна из них найдена в могильнике на территории скотобойни г. Ньиредьхаза. Она находилась в урне вместе с сожженными останками человека. В настоящее время этот предмет утрачен. Автор раскопок А. Йоша считал ее обкладкой рукоятки ножа. Это пластина, сделанная из части распиленной большой трубчатой кости животного, слегка изогнутой формы с расширением на одном конце. На пластине просверлено три круглых отверстия для крепления на основе. Большая часть поверхности пластины украшена довольно сложным резным орнаментом в виде зигзагов, полос больших и малых заштрихованных треугольников. Пластина сохранилась плохо. Она собрана из фрагментов после пребывания в огне. Ее общая длина не восстанавливается. Длина сохранившейся части 14 см, ширина от 2,2 до 3,3 см в месте расширения (рис. 4, 1, 2).

Из города Сегед происходит продолговатая, чуть изогнутая в средней части пластина, сделанная из трубчатой кости крупного животного. В средней части пластина орнаментирована полосами из заштрихованных треугольников различной величины, полосами и линиями зигзагов, также заштрихованных. Рисунок выгравирован на гладкой поверхности кости. Пластина собрана целиком из четырех фрагментов. Ее размеры 15,7 * 2,6 см, толщина 0,4 см (рис. 4, 4).

Публикуя эти две находки, Д. Чаллани сделал попытку реконструировать лук, частями которого они являлись. У него не было материалов о луках скифов (их очень мало и сейчас), а из памятников изобразительного искусства можно было использовать только изображение лука на вазе из Куль-Обы.

Поэтому для реконструкции в качестве основы использован лук из раннего аварского могильника. Длина этого лука (151,5 см) почти в два раза превышает длину скифских. Пластина из Ньиредьхазы была помещена на концах лука, а из Сегеда — в средней его части (рис. 4, 3).

С таким вариантом реконструкции вряд ли можно безоговорочно согласиться. С луком, по-видимому, можно связывать лишь пластину из Сегеда. Ее форма и размеры близки описанным выше пластинам-накладкам средней части луков из курганов Скифии.

С размещением пластины из Ньиредьхазы на концах лука нельзя согласиться по нескольким причинам. Автор публикации в целом виде определяет ее длину в 28-30 см. Учитывая размеры скифских луков — в среднем около 80 см, конечные пластины занимали бы 3/4 их общей

длины. Против помещения этих накладок на луке говорит и наличие отверстий для их крепления на основе. И скифские, и средневековые³¹⁾ луки не имели накладок с просверленными отверстиями — их приклеивали или привязывали (по-видимому, сочетая оба способа). Отверстия для крепления накладок на луке в большой мере ослабляли его прочность и этого стремились избежать. Кроме того, тетива привязана как раз в том месте, где на накладках находится орнамент, и закрывает его. Все это не позволяет согласиться с вариантом реконструкции, предложенным Д. Чаллани.

Помимо простых или орнаментированных геометрическим узором костяных или роговых наконечников луков, применялись и детали, выполненные в зверином стиле. Это убедительно подтверждает изображение лука на стеле из Терновки с головкой грифона на конце, у которой различается ухо, глаз и мощный, опущенный вниз клюв. От уха грифона идет полоса, передающая [12] тетиву³²⁾ (рис. 5, 1). Такой же лук помещен в горите на сахновской диадеме³³⁾ (рис. 5, 2).

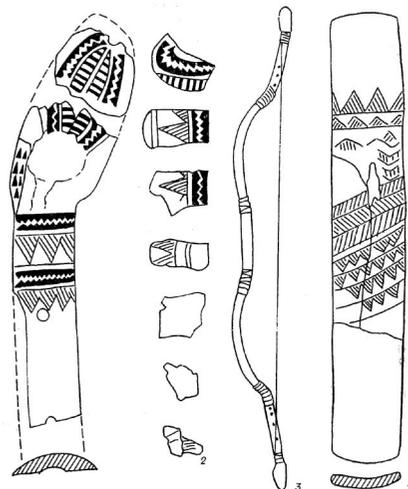

Рис. 4. Костяные луки из Венгрии. 1, 4 — пластины; 3 — фрагменты пластины; 5 — реконструкция лука. 1, 2 — Ньиредьхаза; 4 — Сегед. [13]

В качестве аналогии лука на Терновской стеле Н. Г. Елагина верно указывает бронзовую бляшку в виде лука в горите из села Омары в Татарии (рис. 5, 3). Выступающий из горита конец лука завершается головкой грифона, почти аналогичной Терновской.³⁴⁾ Головки грифонов на концах лука на Терновской стеле и пластинке из Омар позволяют связать с луком еще некоторые находки. Имеется в виду костяная резная головка длинноклювой птицы из кургана на Темир-Горе (рис. 6, 1) из раскопанного А. М. Лесковым погребения под Каховкой, из Сергоз и Жаботина. По поводу назначения первой существует несколько мнений: Т. Н. Троицкая считает, что это часть уздечки,³⁵⁾ В. А.

Ильинская видит в ней верхнюю часть деревянного псаля, ³⁶⁾ С. В. Киселев — обойму для ремня, ³⁷⁾ а Э. В. Яковенко — часть декора колчана. ³⁸⁾ Я считаю, что этот предмет можно связать со сложным луком. Очевидно, то же назначение имели и близкие головке из Темир-Горы костяные детали из Жаботина (рис. 6, 2) и Серогоз (рис. 6, 3), ³⁹⁾ связываемые В. А. Ильинской с костяными головками деревянных псалиев. ⁴⁰⁾

Костяная головка хищной птицы, которая также скорее всего является частью лука, была найдена вместе с наконечниками стрел VI в. до н. э. в разрушенном погребении 1 кургана № 2 у пос. Зеленый Лагерь (Семеновка) под Каховкой ⁴¹⁾ (рис. 6, 4).

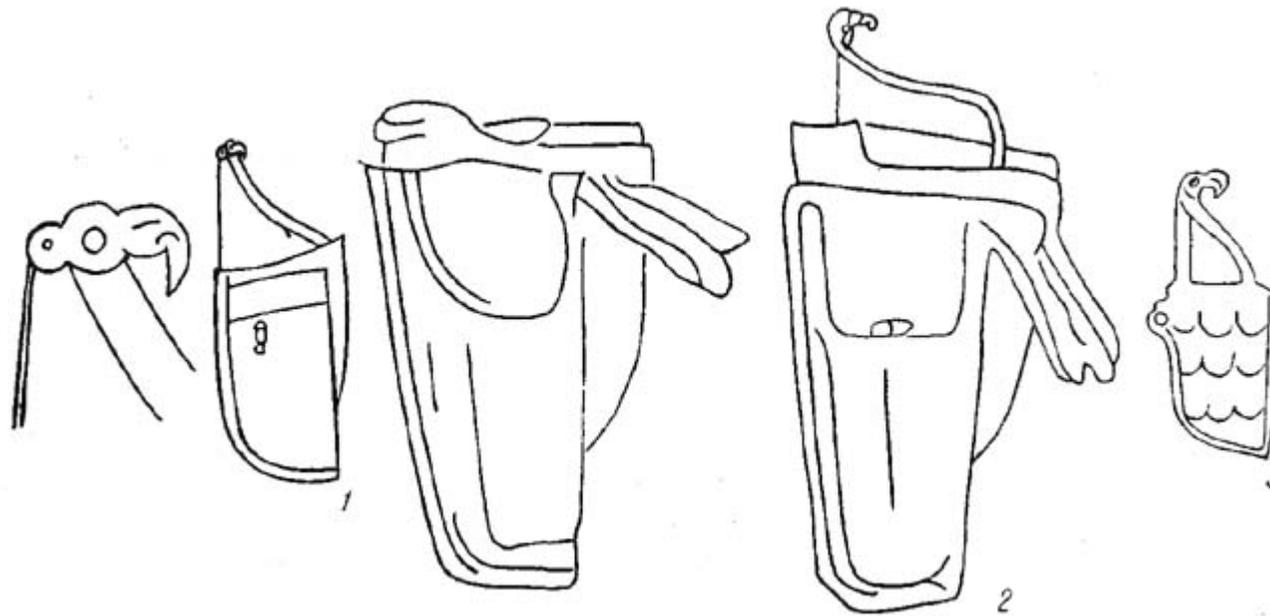
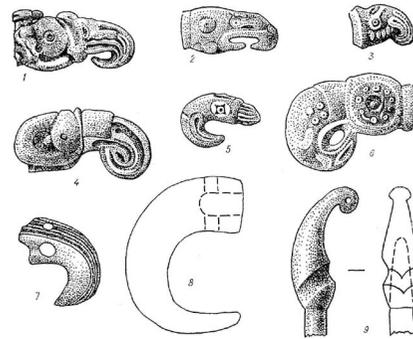

Рис. 5. Изображения луков в горитах. 1 — стела из Терновки;
2 — пластина из Сахновки; 3 — бляшка из Омар.

Вместе с остатками горита — набором наконечников стрел, костяными застежками — в кургане VI в. до н. э. у с. Новоалександровка-I под Ростовом найден очень интересный фрагмент конца лука в виде головки орла или грифона (рис. 6, б). С ними найден еще какой-то предмет, названный авторами раскопок «навершием конической формы». Он не опубликован, поэтому его место в составе лука или горита установить невозможно. ⁴²⁾

В погребении 3 Комаровского могильника под Моздоком, относящемся к VI в. до н. э., был найден очень интересный предмет (рис. 6, 5) в виде орлиной головки с глазом, оформленным в виде соляного знака.⁴³⁾ Сквозь него проходит отверстие. Он найден рядом с головой коня и связывается автором [14] раскопок М. П. Абрамовой с конской уздой. Вряд ли это так. Скорее всего этот предмет следует отнести к луку. В пользу этого говорит его типологическое сходство с описанными выше частями луков, а этот предмет, очевидно, украшал окончание лука. Рядом с «навершием» находилась орнаментированная костяная пронизь, подобная тем, что входили в состав украшений горитов. Более подробно об этих предметах будет идти речь в главе «Гориты». Очевидно, частями луков являются также и клыки диких кабанов с просверленными отверстиями из кургана № 3 у с. Подгородное под Днепропетровском (один был найден вместе с луком (рис. 6, 8), раскопанным И. Ф. Ковалевой⁴⁴⁾ и из Зивие (рис. 6, 7).⁴⁵⁾

Рис. 6. Окончания луков из рога и кости. 1 — Темир-Гора; 2 — Жаботин; 3 — Серогозы; 4 — Семеновка; 5 — Комаровский могильник; 6 — Новоалександровка-1; 7 — Зивие; 8 — Подгородное; 9 — английские спортивные луки.

Во всех случаях подобные детали были найдены в одном экземпляре, что делает невозможным толкование их в качестве наконечников псалиев. В противном случае должно быть две или четыре, если они находились на обоих концах каждого псалия. Не может быть эта деталь и частью декора колчана или (тем более) обоймой ремня. Сама форма круглого отверстия не допускает крепления ее на ремне, а на горите нет таких частей, которые бы оканчивались круглой деталью. Использовать в качестве застежки тоже невозможно. Самое естественное ее расположение — [15] на верхнем конце лука. Вряд ли парная деталь могла находиться на нижнем конце лука — ее неминуемо сорвали бы, вынимая лук из горита.

Рис. 7. Изображения луков на ножнах мечей. 1 — Мельгунов; 2 — Келермесс.

По мнению В. А. Анохина, лук, который держит в руках царь Атей на своей монете, имеет на верхнем конце небольшой наплыв, придающий ему сходство с головкой хищной птицы.⁴⁶⁾ Помимо стелы из Терновки, такая головка помещена на диадеме из Сахновки и на стеле из

городища «Чайка» под Евпаторией.⁴⁷⁾ Несмотря на большую схематизацию, такую же головку можно видеть на луке в руках воина куль-обского сосуда.

Такие головки украшали, по-видимому, окончания луков, выступающие из горитов. Располагались они вдоль лука, являясь его продолжением (Темир-Гора, Серогозы, Зеленый Лагерь, Новоалександровка-I) или поперек (навершие из Комаровского могильника). В последнем положении такие «навершия» воспроизведены на стеле из Терновки и на бляшке из Омар (рис. 5, 3).

Интересно, что роговые окончания имеют и современные английские охотничьи и спортивные луки. Форма их очень близка форме наконечников скифских луков⁴⁸⁾ (рис. 6, 9).

Для соединения частей лука, помимо использования для лука из Керчи коры, могли, по-видимому, применять клей или перевязывали их сырыми сухожилиями, которые при высыхании образовывали упругую однородную массу. Об использовании сухожилий в [16] скифских луках писала А. И. Мелюкова.⁴⁹⁾

Из приведенного выше перечня находок луков и их частей в курганах Скифии ясно видна их немногочисленность. Если количество погребений, в составе инвентаря которых есть целые или сохранившиеся частично наборы стрел, приближается к двум тысячам, то луки или их фрагменты найдены менее чем в десяти погребениях.

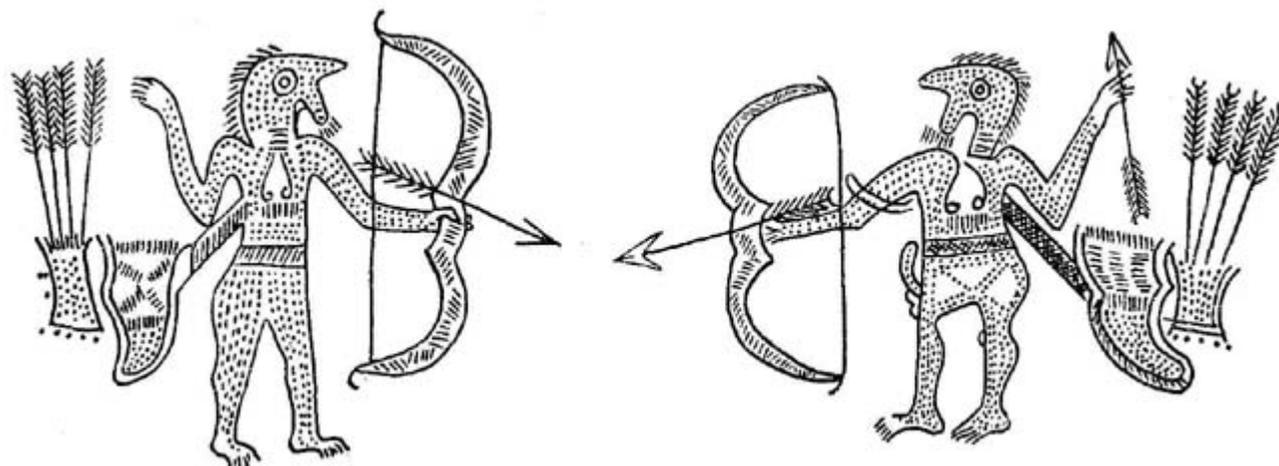
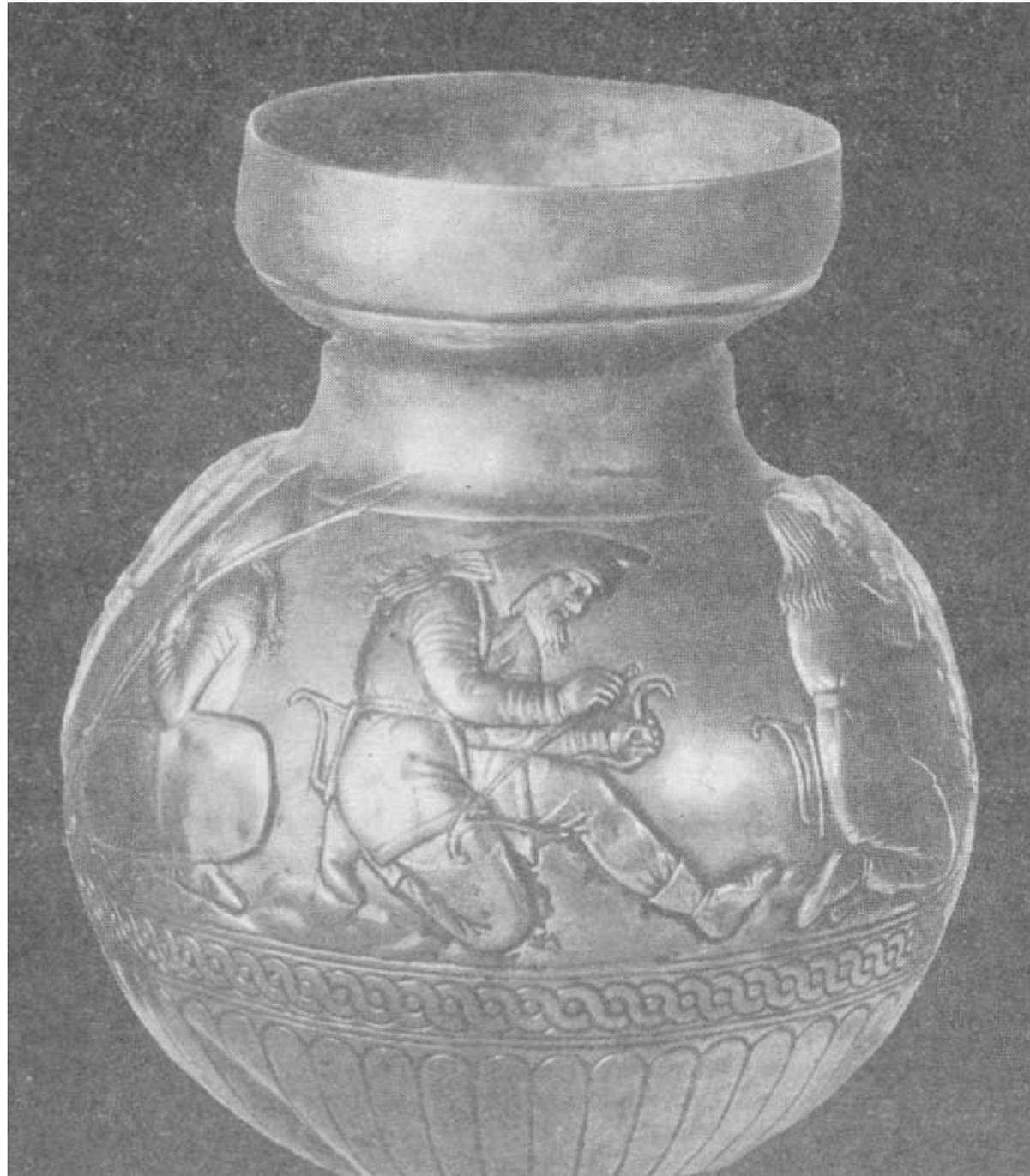

Рис. 8. Изображения лучников на поясе из Тлийского могильника.

К. Ф. Смирнов объясняет этот факт следствием плохой сохранности дерева.⁵⁰⁾ Однако его довод противоречит фактам довольно частого наличия сохранившегося деревянного материала в могилах скифского времени: сосудов, подносов для жертвенного мяса, заслонов, досок, на которых лежат погребенные, части древков копий и ручек топоров. На значительную длину сохраняются древки стрел* и даже тростниковые древки стрел. Для примера приведем курган № 400 у с. Журавки.⁵¹⁾

Этот перечень можно было бы продолжить, но даже сейчас ясно, что в погребениях сохраняются тонкие древки стрел, деревянные стрелы и не сохраняются луки, сделанные из твердого дерева и имеющие большую, чем [17] древки, массу. Бесспорно, причину редкого нахождения лука в погребениях нельзя объяснять только плохой сохранностью дерева. Очевидно, лук не всегда клали в могилу вместе с его хозяином или хозяйкой. Это могло объясняться не только материальной его ценностью, часто в погребениях лежат более ценные вещи — драгоценное оружие, роскошные украшения и т. д. В качестве осторожного предположения, можно говорить о том, что лук, занимавший особое место в составе скифского оружия, мог передаваться по наследству. В какой-то мере это подтверждает рассказ Геродота, как Геракл оставил лук сыновьям.⁵²⁾ И может быть не таким уж абсурдным является помещение в могиле стрел без лука.⁵³⁾

Характерно, что находки луков чрезвычайно редки и в степях Евразии к востоку от Скифии. На территории савроматов найдено только два лука — Мечетсайский и Новокумакский (курганы № 13, погребение 1; № 7, погребение 7),⁵⁴⁾ хотя дерево там неплохой сохранности и древки стрел сохраняются на значительную длину. Не найдены луки или их остатки даже в таких курганах, как горноалтайские, где изделия из дерева дошли до наших дней даже не деформировавшись.⁵⁵⁾ Интересно, что луки сравнительно неплохо сохраняются [17] в более ранних, чем скифские, могилах. По подсчетам С. Н. Братченко, в степях Северного Причерноморья сейчас известно не менее пяти находок луков в могилах катакомбной культуры. Условия их залегания в погребениях практически не отличаются от скифских погребальных сооружений, а возраст на добрую тысячу лет старше. Для примера можно указать лук из погребения 3 в кургане № 6 курганной группы Аккермень-1, сохранившийся на длину 0,6-0,9 м,⁵⁶⁾ и лук из погребения 1 кургана № 12 того же могильника, сохранившийся на длину 1,2 м.⁵⁷⁾

Рис. 9. Сосуд из Куль-Обы. [18]

А. В. Мишулин высказал мнение об использовании скифами луков, изготовленных из пары рогов.⁵⁸⁾ В подтверждение этого он приводит рассказ Гомера об оружии одного из троянцев — Пандара, который держал в руках

лук... лоснистый,
рога быстроскачущей серны дикой.
Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Их обработав искусно, сплотил рогадел знаменитый,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его золотом поверхность.⁵⁹⁾

Из рогов луки не изготовлялись, и на ошибочность этого мнения верно указала А. И. Мелюкова.⁶⁰⁾ Из-за крайней фрагментарности археологических материалов, характеризующих скифский лук, основными источниками, позволяющими говорить о его внешнем виде, являются памятники искусства и свидетельства древних авторов. Основная группа этих материалов перечислена в начале главы. Здесь следует отметить абсолютное тождество всех их, дающих в общем один тип оружия, оставшийся неизменным на всем протяжении истории скифов.

Древнейшие скифские луки изображены в руках у фантастических существ на ножнах мечей из Мельгуновского и Келермесского курганов. Это характерный лук «скифского» типа в виде сигмы с асимметричными плечами, перехватом в средней части, где его берут рукой и загнутыми наружу концами (рис. 7).

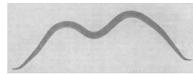
Луки этого же типа воспроизведены на поясе из Глийского могильника в Южной Осетии (рис. 8). Исследователь могильника Б. В. Техов справедливо помещает эти изображения в таблице вместе с вещами скифского типа, найденными на территории Северного Кавказа.⁶¹⁾

Наиболее четкое изображение скифского лука находится на сосуде из Куль-Обы (рис. 9). Его держит в руках воин, натягивающий тетиву. Лук небольшой, с плечами разной величины и разного изгиба, концы сильно отогнуты наружу. К этому луку полностью подходит описание, оставленное Аммианом Марцеллином: «В то же время как луки всех народов сгибаются из гнущихся древков, луки скифские..., выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок».⁶²⁾

Одна из особенностей скифских луков — загнутые края концов. Так они изображены на всех предметах торевтики. О загнутых концах скифских луков упоминал Эсхил,⁶³⁾ о «кривых луках» скифов читаем в древних схолиях к «Одиссее».⁶⁴⁾

Интересная модель скифского лука была найдена в детском погребении 49 некрополя Ольвии, относящемся к середине V в. до н. э. Она воспроизводит лук сигмообразной формы с плечами разной величины, перехват для рукоятки небольшой, чуть загнутые вверх концы заострены. Хотя сама тетива отсутствует, лук показан в боевом положении — с натянутой тетивой. В разрезе лук круглый, длина его 10 см⁶⁵⁾ (рис. 10).

Тетива — важнейшая часть лука. Она должна быть прочной, чтобы выносить многократные нагрузки при [19] одевании на лук и при стрельбе, и устойчивой к деформации — одинаково опасны и вытягивание тетивы, и ее сокращение.

Рис. 10. Модель лука из Ольвии.

Тонкая тетива в погребениях сохраниться не могла. В древних схолиях к «Илиаде» тетива скифских луков, сделанная из конского волоса, противопоставляется воловьей тетиве критян.⁶⁶⁾ Возможность использования тетивы из конского волоса подтверждается данными этнографии.⁶⁷⁾ Для этой же цели могли использоваться конские жилы.⁶⁸⁾

Рис. 11. Изображение простого (?) лука на ножнах меча из кургана Пять Братьев.

Скифские сложные луки были небольшими. Впервые мнение об использовании скифами небольшого по размерам лука высказал Э. Ленц.⁶⁹⁾ [20] Вслед за ним Б. Н. Граков отметил, что длина натянутых луков колебалась в пределах $1/5$ — $1/2$ человеческого роста.⁷⁰⁾ Мнение Б. Н. Гракова поддержала А. И. Мелюкова, определившая длину луков чуть более 60 см.⁷¹⁾ Максимальную длину скифского лука в 70 см определили А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская.⁷²⁾

Это полностью подтверждается памятниками изобразительного искусства, где луки составляют менее $1/3$ роста стрелка.⁷³⁾ По мнению А. И. Мелюковой, на обычные размеры луков, немного превышающие 60 см, указывают и величина золотых обкладок горитов (длина равна 45-47

см), из которых, судя по изображениям на предметах торевтики, лук выступает на 1/3 своей длины,⁷⁴⁾ и изображения луков в горитах на скифских стелах. Длина савроматских луков, однотипных скифским, была определена К. Ф. Смирновым в 80 см.⁷⁵⁾ Тагарский лук имел длину 60-80 см.⁷⁶⁾ Длина единственного сохранившегося скифского лука равнялась 64,5 см.⁷⁷⁾

А. И. Мелюкова достаточно убедительно высказала мнение о существовании у скифов и больших луков, длина которых доходила до 1 м, что подтверждается находками в Битовой Могиле древков стрел длиной более 71 см и в могиле № 31 Бобрицкого могильника колчана (?) длиной 70 см.⁷⁸⁾

Применение скифами коротких и длинных луков подтверждает и разная длина использовавшихся в Скифии древков стрел. Не исключено, что в Скифии использовались и простые луки. Изображение такого лука есть в батальной сцене на золотой пластине меча чертомлыцкой серии (рис. 11).

Подводя итоги рассмотрения конструкций скифских луков, следует отметить, что здесь у археологов больше невыясненного, чем достоверного. Исключительная редкость находок луков скифского типа не дает возможности во всех деталях представить это главное оружие скифов, а лишь составить самое общее впечатление, основанное на памятниках изобразительного искусства и реальных, достаточно хорошо сохранившихся, экземплярах.

[Назад](#) [К оглавлению](#) [Дальше](#)

---

¹⁾ *Анучин Д. Н.* О древнем луке и стрелах. — В кн.: Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887, с. 342.

²⁾ Там же, с. 350.

³⁾ Там же.

⁴⁾ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 31.

⁵⁾ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 15.

⁶⁾ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. — САИ, 1966, Е1-36, с. 7.

- ⁷⁾ Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М., Л.; 1953, с. 260.
- ⁸⁾ Археологія Української РСР, т. 2, с. 132.
- ⁹⁾ Литвинский В. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 83.
- ¹⁰⁾ Rausing G. The bow. Bonn-Lund, 1967, p. 16.
- ¹¹⁾ Hardy R. Longbow. Cambridge, 1976, p. 12.
- ¹²⁾ Kleeman O. Die dreiflügeligen Pfeilspitzen in Frankreich. — Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang, 1954, N 4; Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965, с. 46-51, 178-185.
- ¹³⁾ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 31.
- ¹⁴⁾ Граков В. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, № 115. с. 59.
- ¹⁵⁾ Там же, с. 67.
- ¹⁶⁾ Мозолевский Б. М. Товста Могила. К., 1979, с. 177.
- ¹⁷⁾ Бессонова С. С. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1971, с. 247, рис. 6, 1, 2. С. С. Бессонова ошиблась, называя лук простым. Безусловно, здесь был сложный лук.
- ¹⁸⁾ Там же, с. 247, рис. 6, 1-2.
- ¹⁹⁾ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 120, 163, рис. 42, 1, 7.
- ²⁰⁾ Там же, с. 163, рис. 37, 9.
- ²¹⁾ Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников. — В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. с. 16, рис. 7, 3.
- ²²⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 98. рис. 26, 1.

- [23\)](#) Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. — СА, 1957, т. 27, с. 236, рис. 1, 12.
- [24\)](#) Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 98, рис. 26, 2.
- [25\)](#) Мельник Е. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг. — В кн.: Труды XII Археологического съезда. М., 1905, т. 1, с. 685.
- [26\)](#) Черненко Е. В., Бреловская Э. И., Полин С. В., Ольговский С. Я. Работы Краснознаменной экспедиции. — АО 1974 г, М., 1975, с. 370.
- [27\)](#) Березовец Д. Т. Розкопки курганного могильника ..., с. 59.
- [28\)](#) Черненко С. В. Скифські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. — Археологія, 1970, 23, с. 180, рис. 2. 2.
- [29\)](#) Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Вельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир, с. 116, рис. 11, 9.
- [30\)](#) Csállany D. Szkita íjmaradványok. — A Nyiregyházi Josa András múzeum Évkönyve IV—V. 1961. Nyiregyhaza, 1864, 7-14, kép. 1-4.
- [31\)](#) Медведев А. Ф. Указ. соч., табл. 2-6.
- [32\)](#) Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. — СА, 1959, № 2, с. 192, рис. 4, в; 7; 8, 1.
- [33\)](#) Черненко Е. В., Клочко В. И. О подлинности золотой пластины из Сахновки. — СА, 1979, № 4. рис. 2; 3, 1, 2.
- [34\)](#) Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, № 30. табл. XIX, 19.
- [35\)](#) Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе. — СА, 1972, № 3, с. 265.
- [36\)](#) Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. — СА, 1965, № 1, с. 102.
- [37\)](#) Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 249.
- [38\)](#) Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе с. 265; Яковенко Э. В. Древнейший памятник искусства скифов. — СА, 1976, № 2.
- [39\)](#) Браун Ф. Отчет о раскопках в Таврической губернии. — ИАК, 1906, вып. 19, с. 85.

⁴⁰⁾ *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. — СА, 1965, № 1, рис. 13, 1, 6. Кстати, среди вещей, найденных в Серогозах, нет ни одной, относящейся к узде. Все они связываются с луком и стрелами.

⁴¹⁾ *Leskov A. M.* Die skythischen Kurgane. Antike Welt. Sondernummer. 1974, S. 58. Abb. 74.

⁴²⁾ *Лукьяшко С. И., Головкова Н. Н., Обозный В. И., Гамаюков А. К.* Раскопки курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы. — АО 1977 г. М., 1978, с. 128, рис. на этой же странице. [152]

⁴³⁾ *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья. — СА, 1974, № 2, с. 202, рис. 5.

⁴⁴⁾ *Ковалева И. Ф., Мухонад С. Е.* Скифские памятники орельско-самарского междуречья. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1979, с. 114, рис. 2, 5.

⁴⁵⁾ *Ghirshman R.* Iran, Protoiranier, Meder, Achämeniden. — München, 1964, S. 380, Tabl. 3, № 540

⁴⁶⁾ *Анохин В. А.* Монеты Атея. — В кн.: Скифские древности, с. 26, рис. 1.

⁴⁷⁾ *Шульц П. Н.* Скифское изваяние, найденное у городища «Чайка» под Евпаторией. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М.; Л., 1968, рис. 1, 2, 3.

⁴⁸⁾ *Hardy R.* Longbow, fig. on p. 191.

⁴⁹⁾ *Мелюкова А. И.* Указ. соч., с. 15.

⁵⁰⁾ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 31.

* Подробно о длине древков стрел, сохранившихся в погребениях, см. главу «Стрелы».

⁵¹⁾ ИАК, 1905, вып. 14, с. 11.

⁵²⁾ Геродот, IV.9-10. — ВДИ, 1947, № 2, с. 260.

⁵³⁾ *Мозолевський Б. М.* Указ. соч., с. 176.

- ⁵⁴⁾ *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, с. 120; *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников, с. 15, рис. 7, 3.
- ⁵⁵⁾ *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М., Л.; 1952, с. 131.
- ⁵⁶⁾ *Вязьмитина М. И., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф. и др.* Курганы біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». — АП, 1960, т. 8, с. 52, рис. 36.
- ⁵⁷⁾ Там же, с. 57-58, рис. 43.
- ⁵⁸⁾ *Мишулин А. В.* О военном искусстве скифов. — Исторический журнал, 1943, № 8/9, с. 66.
- ⁵⁹⁾ Илиада, IV.105-125 / Пер. Н. И. Гнедича. М., 1960, с. 69.
- ⁶⁰⁾ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 15.
- ⁶¹⁾ *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 214, рис. 77, 12, 13; *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 129-130, рис. 99, 6, 12.
- ⁶²⁾ История, XXII.8.10. — ВДИ. 1949, № 3, с. 285.
- ⁶³⁾ Эсхил, 214, Хоэфоры, 154. — ВДИ, 1947, № 1, с. 303. {так — *HF*.}
- ⁶⁴⁾ ВДИ, 1947, № 1, с. 298, фр. 136.
- ⁶⁵⁾ *Козуб Ю. И.* Модель лука из Ольвии. — В кн.: Скифские древности, с. 270, рис. 1.
- ⁶⁶⁾ К песне VI.122. — ВДИ, 1947, № 1, с. 281.
- ⁶⁷⁾ *Мелюкова А. И.* Указ. соч., с. 15.
- ⁶⁸⁾ Публий Овидий Насон. Письма с Понта, I.2.20. — ВДИ, 1949, № 1, с. 235.
- ⁶⁹⁾ *Ленц Э.* Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки. — ИАК, 1905, вып. 14, с. 75.

⁷⁰⁾ Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — В кн.: Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1930, т. 5, № 78.

⁷¹⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 14.

⁷²⁾ Археологія Української РСР. К., 1971, т. 3, с. 133.

⁷³⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 14.

⁷⁴⁾ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 32.

⁷⁵⁾ Там же, с. 32.

⁷⁶⁾ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 64.

⁷⁷⁾ Бессонова С. С. Указ. соч., с. 247.

⁷⁸⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 15.

II. Стрелы

*Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой завострил*

А. С. Пушкин

Стрелы, использовавшиеся скифами, обычно состояли из трех частей — наконечника, древка и оперения. Общую длину древка скифских стрел, равную 60 см,¹ установил Э. Ленд. Обычно древки в погребениях сохраняются плохо, чаще всего сравнительно небольшой кусок 1,5-2,0 см, примыкающий к наконечнику, обычно пропитанный окислами бронзы или железа, имеющими консервирующие свойства.

Приведем некоторые данные о длине древков.

Самые длинные сохранившиеся древки стрел известны из Битовой Могилы (71,28 см)²⁾ и из погребения 17 кургана № 2 в I курганной группе Никопольского курганного поля (82 см).³⁾ Близкую им длину (около 80 см) имели древки стрел в третьем Пазырыкском кургане.⁴⁾ В кургане № 21 могильника у с. Кут часть древков сохранилась на всю длину — 45 см,⁵⁾ в кургане № 4 группы Страшной Могилы у г. Орджоникидзе — на 50 см.⁶⁾ Длину около 60 см имели древки стрел в кургане № 13 группы БОФ у г. Орджоникидзе,⁷⁾ 70 см — в кургане из Чертомлыка.⁸⁾ В кургане № 5 у с. Булгакове в Николаевской области стрелы сохранились на всю длину древка — 52 и 44 см,^{*} в гробнице № 2 (погребение 1) кургана № 12 группы Носаки древки сохранились на длину 42-43 см.⁹⁾

Интересные данные о длине скифских стрел были получены при раскопках кургана Репяховатая Могила у с. Матусово Шполянского р-на Черкасской обл., проведенных в 1974 г. А. И. Тереножкиным, В. А. Ильинской и Б. Н. Мозолевским. В трех найденных горитах расстояние между наконечниками и костяной застежкой от клапана горита равнялось 40-50 см.¹⁰⁾ Исходя из того что застежка находилась приблизительно на 1/3 длины стрелы от ее ушка, общая длина стрелы определяется [22] в 60-65 см. На плане бокового погребения Солохи изображен парадный горит длиной 42,5 см, из которого стрелы выступают почти на 1/3 его длины.¹¹⁾ Следовательно, длина стрел приближалась к 55 см.^{*}

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют говорить, что длина древков наконечников стрел колебалась от 44-45 см (сохранившиеся на всю длину древки из Кута и Булгаково) до 80-85 см (древки из кургана на Никопольском курганном поле). Такое различие в длине древков, возможно, объясняется использованием скифами разных по длине луков — коротких и длинных, о чем говорилось в главе о луках. Следует отметить, что длина даже полностью сохранившихся древков лишь близка реальной, но не равна ей. Они стали короче при усыхании дерева.

Во всех случаях древки в разрезе круглые и обычно имеют диаметр около 2-3 мм. Очевидно, эта толщина равна половине или трети реальной и объясняется высыханием дерева. Может быть, близки к реальным данные о толщине древков в кургане Три Брата под Керчью, где они у наконечников имеют толщину 0,4 см, а к концу расширяются до 0,3-0,6 см¹²⁾ (рис. 12, 1). В кургане у с. Булгакове короткие (длина 44 см) древки имели диаметр 0,3 см, а длинные (52 см) — 0,5 см. По-видимому, диаметр древка зависел и от его длины.

Сохранившиеся древки гладкие, тщательно отшлифованные. Это объясняется стремлением избежать травм при стрельбе. Оканчиваются древки небольшим расширением, образующим ушко с выемкой для тетивы. Ширина и глубина выемок в ушке в сохранившихся экземплярах из кургана Три Брата колебались от 0,25 до 0,35 см.¹³⁾ Аналогичные ушки сохранились и в Куль-Обе¹⁴⁾ (рис. 12, 2). В Пазырке на Алтае древки стрел имели в среднем диаметр 6-7 мм. Они несколько сужались к наконечнику и расширялись у ушка до 9 мм. Вырез для тетивы в ушке стрелы — шириной около 5 мм, очевидно, близкий диаметр имела и сама тетива.¹⁵⁾

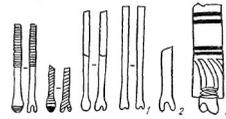

Рис. 12. Древки стрел.* 1 — курган Три Брата; 2 — Куль-Оба; 3 — Пазырык.

Прицельная стрельба из лука стрелой, не имеющей оперения, практически невозможна. Оперение имели и скифские стрелы. Оно хорошо заметно на стрелах, лежащих в горитах, изображенных на предметах торевтики. Стрелы с оперением видны на поясе у воинов из погребения № 76 могильника Тли¹⁶⁾ (см. рис. 7). Две оперенные стрелы поразили оленя на ажурной пластине из кургана у с. Гюновка Запорожской области (рис. 13). На этих стрелах заметны не только часть оперения, но и ушки. Отчетливо видно, что оперение начинается не у ушка, а на некотором отдалении от него. Стрелу с оперением и ушком держит в руках воин на золотом перстне из гробницы IV в. до н. э. на горе Митридат в Керчи.¹⁷⁾ Воин на перстне из Керчи, очевидно, проверяет прямизну стрелы — это очень важно для точности стрельбы (рис. 14, 1). [23]

Арабский средневековый трактат о стрельбе из лука сообщает, что от места нахождения оперения на древке по отношению к ушку зависят точность боя и скорость полета стрелы: близость к ушку обеспечивала точность выстрела, а удаление ее к наконечнику — быстроту полета¹⁸⁾ и, следовательно, ударную силу. Кроме оперенных в древности применялись и неоперенные стрелы (судя по упоминанию Геродота о ликийцах, имевших «неоперенные камышовые стрелы»¹⁹⁾).

Рис. 13. Пластина из Гюновки.

О месте помещения оперения на древке на некотором удалении от ушка говорит пластина из Гюновки. Может быть, об этом же свидетельствует и наличие украшений в виде полос разного цвета (красного, черного, белого, желтого), образующих три системы окраски на древках из кургана Три Брата.²⁰⁾ Скифский лук и стрелы с оперением и ушком изображены на монетах Пантикапея IV в. до н. э.²¹⁾ (рис. 14,

2). Очевидно, оперение прикреплялось к той части древка, где не было окраски. На некоторых древках кургана Три Брата расписаны краской только последние сантиметры, и в этом случае оперение могло крепиться у самого ушка, на других — раскраска кончалась на расстоянии около 5 см от ушка.

Окраска древков стрел нередко встречается в скифских погребениях. Чаще окрашена часть древка, примыкавшая к наконечнику. Для окраски обычно применялась красная или черная краска. Иногда окраска состояла из чередующихся полос разной длины, выполненных в одном или двух цветах. Известна и окраска древков в той части, которая находилась у оперения.

Интересный вариант окраски дают древки стрел из гробницы № 2 (погребение [24] 1 кургана № 12 в уроч. Носаки. На некоторых из них сохранились следы окрашенности: в районе разреза для тетивы нанесена полоска ярко-красного цвета длиной 1-1,2 см, а у наконечников — полоса черного цвета шириной 1-1,3 см. Черная краска окаймлена красной каемкой шириной 0,2-0,3 мм.²²⁾ На этих древках полосы окраски довольно широкие. На большинстве древков из других комплексов эти полосы обычно уже. Во всех погребениях, где были найдены окрашенные древки, известна только окраска полосами краски разной ширины, нанесенными поперек древка.

Полихромная роспись из четырех цветов известна только в одном погребении кургана Три Брата (сочетание полос красного, черного, белого, желтого). В пределах одного набора известны от одного до трех способов окраски части древков. Выяснить, связаны ли они с определенными типами наконечников, не удалось. На тщательную фиксацию способов росписей древков, очевидно, следует обратить внимание при раскопках.

Сложную и красивую систему полихромной росписи имели в нижней части древки стрел из курганов Горного Алтая. В отличие от окраски скифских древков, полосы располагались не только поперек, но и вдоль них. На некоторых экземплярах они начинались у самого ушка и занимали 10-15 см.²³⁾ В кургане № 401 у с. Журовки вместе с наконечниками стрел «...сохранились кое-где ярко-красные блестки от перышек стрел».²⁴⁾ Э. Ленц отнесся к этому с сомнением, связав появление этих блесток с окислением стрел.²⁵⁾ В кургане № 346 (Зеленая Могила) у с. Теклино в месте окончания древков были «...найжены остатки красной краски, которая, может быть, указывает на окраску перьев у стрел в красный цвет».²⁶⁾

1

2

*Рис. 14. Изображения луков и стрел. 1 — перстень из Керчи;
2 — монета Пантикапея.
(в книге расположены вертикально. HF)*

Для оперения обычно использовались перья из крыльев птиц. По свидетельству упомянутого выше арабского трактата в средние века на Руси и на Востоке лучшими для оперения считались перья орла, грифа, сокола и морских птиц, использовались перья и других птиц, имеющих в данной местности.²⁷⁾ Остатки оперения из жестких перьев, вероятно, беркута найдены в одном из сарматских погребений [25] Поволжья (Второй Бережновский могильник, курган № 17, погребение I).²⁸⁾ Оперение из огромных хвостовых перьев имели стрелы из Ноинулинских курганов.²⁹⁾

Процесс изготовления оперения несложен — с выбранного для этой цели пера сдиралось с двух сторон опахало, обычно с верхним тонким слоем стержня, после чего с помощью клея крепилось к древку по оси с двух или трех сторон. Может быть, скифы для крепления оперения на древке использовали полоски из тонкой узкой кожи, как это делали сарматы, судя по находке в упомянутой выше могиле Второго Бережновского могильника.³⁰⁾ С. И. Руденко на основании находки возле ушка одной из стрел третьего Пазырыкского кургана обмотки из сухожилий увидел в ней средство крепления тетивы.³¹⁾ Однако эта деталь не могла, очевидно, использоваться для крепления тетивы, поскольку она находилась непосредственно на ушке и была бы сорвана при стрельбе. Скорее всего обмотка скрепляла треснувшее ушко (рис. 12, 3).

Порода дерева, из которого изготовлены древки скифских стрел, практически еще не определялась. А. И. Мелюкова и К. Ф. Смирнов отмечают, что для этой цели применялись береза, ясень, тополь.³²⁾ Древко должно было быть без сучков и легко подвергаться обработке с помощью такого несложного орудия, как нож, нередко входившего в состав колчанного набора (например, шесть наборов из Толстой Могилы³³⁾).

Древки стрел изготавливались и из тростника. Такие древки были найдены в курганах под Смелой, в Малой Цимбалке,³⁴⁾ известны и среди памятников савроматов и сарматов.³⁵⁾ Широкое распространение в древнем мире тростника для изготовления древков стрел подчеркнул М. П. Грязнов.³⁶⁾ «Камышевые стрелы» персов упоминает Геродот,³⁷⁾ а у Фукидида тростник даже фигурирует как синоним стрелы.³⁸⁾

Очень интересно свидетельство Плиния о значении тростника. «...Если бы кто-нибудь тщательно сосчитал эфиопов, египтян, арабов, скифов, бактров, столь многочисленные сарматские и восточные племена, а также все владения, занимаемые парфянами, то оказалось бы, что во всем мире почти равная часть людей живет, побежденная тростником».³⁹⁾ Тростник — подходящий материал для изготовления древков. Он достаточно прочен, идеально прямой, не требует почти никакой обработки. Немаловажным является и его повсеместное распространение практически на берегах всех водоемов Евразии. Недостатком тростника является его хрупкость. Повысить прочность его можно было закалив стебель на огне, как это делалось в небольшом гималайском княжестве Бутан.⁴⁰⁾

К недостаткам относится и его трубчатость, которая затрудняла надежное крепление наконечника и делала невозможным изготовление ушка для запуска тетивы. При натягивании лука тростник в этом месте неминуемо был бы раздавлен пальцами руки, а при натяжении и выстреле его бы расщепила тетива. Для устранения этого недостатка нужны были дополнительные приспособления на концах древка. Древко должно было быть составным. Без применения дополнительных деталей тростниковым древком пользоваться было нельзя. Интересно был решен переход от тростникового древка к наконечнику, прослеженный в карасукском могильнике Дандыбай (рис. 15, 1). В верхний край тростникового древка был вставлен отрезок ветки груши, заостренный конец которой входил во втулку наконечника.⁴¹⁾ Такой же способ крепления бронзового наконечника, найденного в «сокровищнице» Персеполя, предполагает [26] Э. Шмидт,⁴²⁾ опубликовавший этот комплекс. Бронзовые втульчатые наконечники стрел с железными насадками использовались с VI в. до н. э. до рубежа новой эры на огромной территории азиатских степей, в Китае и Индокитае.⁴³⁾

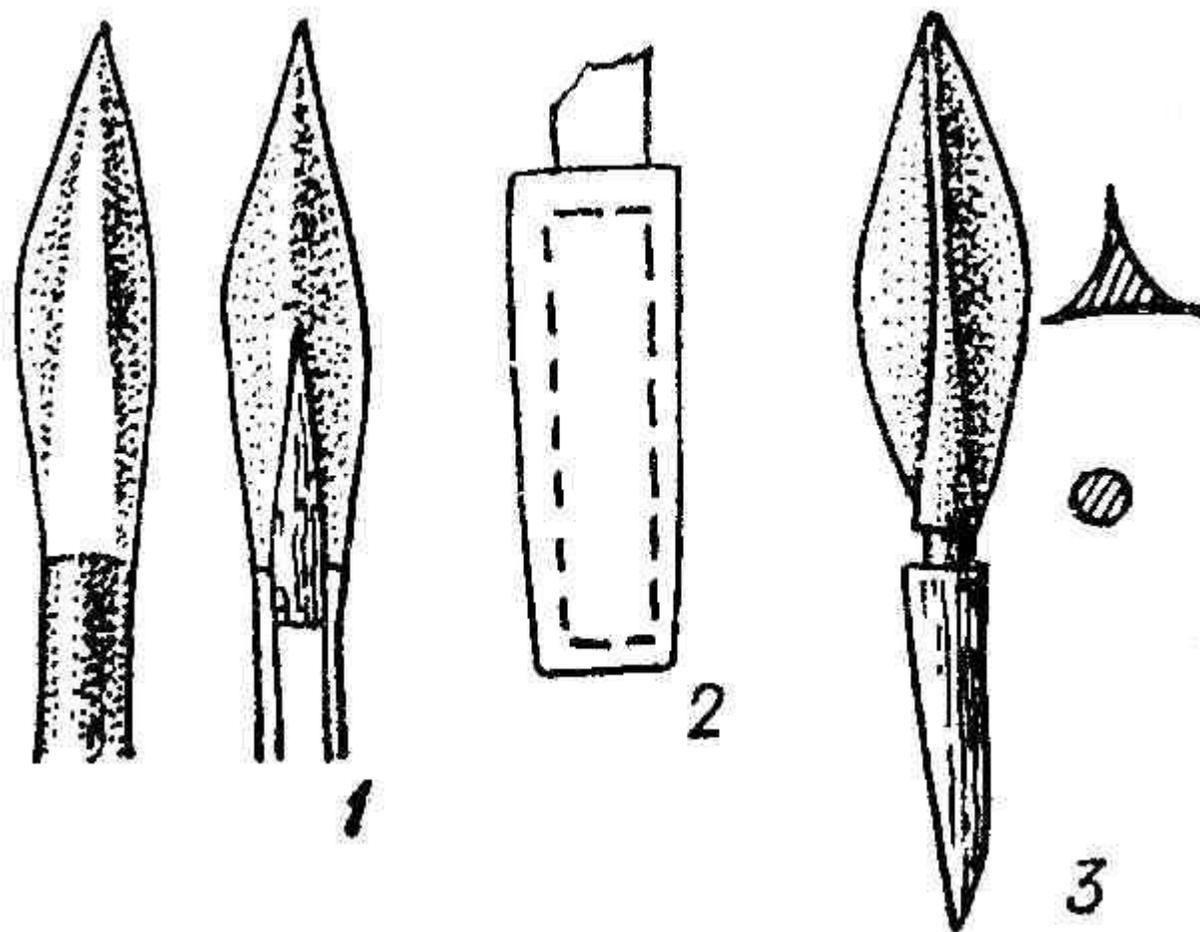

Рис. 15. Части составных древков стрел.
1 — Дандыбай; 2 — Темир-Гора; 3 — Персеполь.

К. Ф. Смирнов верно обратил внимание на то, что в савроматских погребениях во втулках бронзовых наконечников иногда находились короткие деревянные части древков. «Их нижние концы, выходящие из втулки, несколько заострены и не производят впечатления обломанных и истлевших».⁴⁴⁾ Исходя из этого К. Ф. Смирнов делает вывод об использовании савроматами составных древков, когда нижний

конец короткого деревянного стержня вставлялся в конец тростниковой трубки. Такой же способ использования тростника для изготовления древков у скифов предполагает А. И. Мелюкова, оговаривая, правда, что «...точных указаний на это нет».⁴⁵⁾ Веские доводы в пользу существования составных древков у скифов привела Э. В. Яковенко. Ссылаясь на работу Б. А. Шрамко, она приводит его мнение о наличии деталей из твердого дерева, удачно названных «переходными стержнями», в курганах № 456 у с. Макеевки и № 400 у с. Журавки.⁴⁶⁾

Аналогичные переходные стержни, по ее мнению, были найдены в кургане № 12 группы 22-й шахты под г. Орджоникидзе, кургане № 14 группы Широкое-III Скадовского р-на Херсонской обл. Здесь сохранились переходные стержни из дерева длиной от 1,3 до 3 см. «При рассмотрении этих стержней в лупу видно, что они обработаны острым инструментом: одна сторона у них тонкая и заостренная — для втулки наконечника, другая, служившая насадкой тростникового древка, — утолщенная, слегка конусовидная».⁴⁷⁾ Перечень погребений, в состав инвентаря которых входят бронзовые наконечники стрел с переходными стержнями, можно было бы продолжить, включив в него десятки находок.

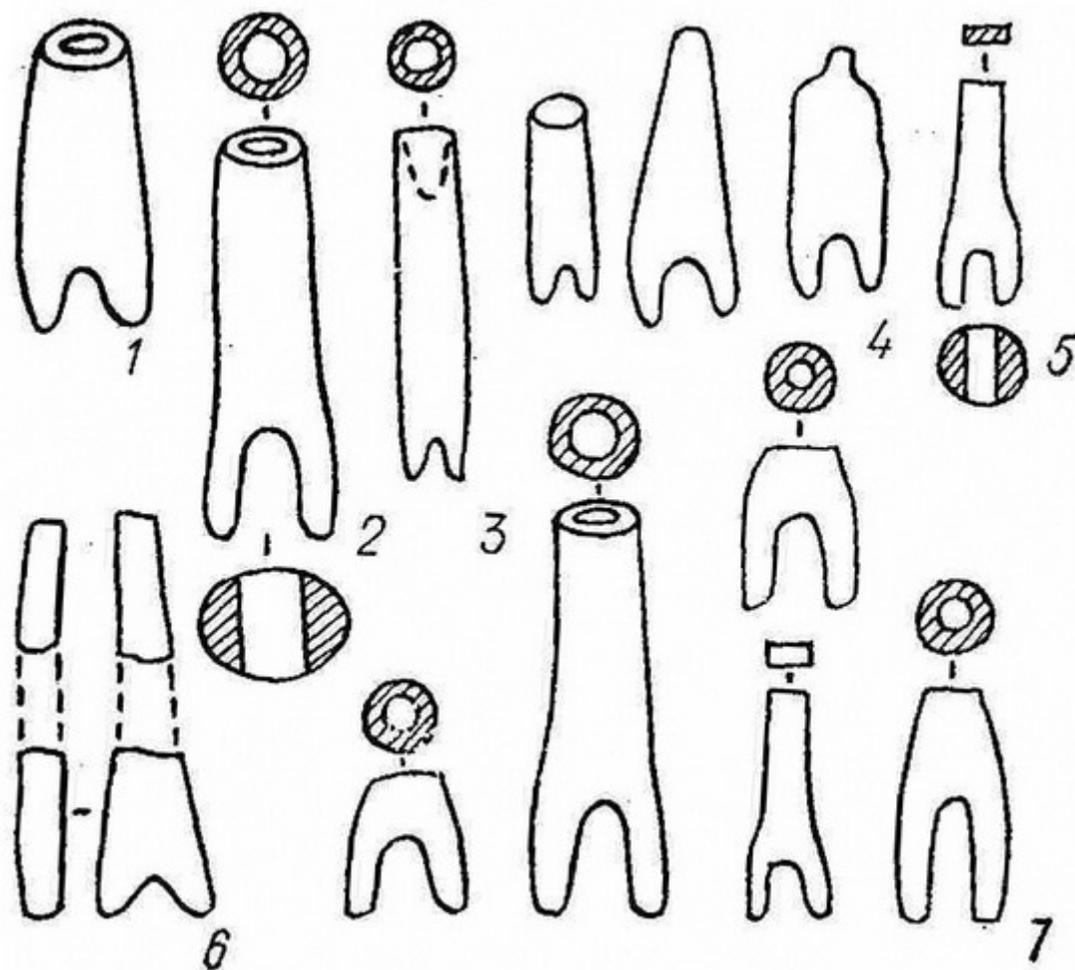

Рис. 16. Костяные ушки стрел. 1 — уроч. Дарьевна, 2 — Сувар; 3 — Ильичевка;
4, 5 — Чербаево, 6 — Елизаветовская, 7 — средневековые.

Помимо этих приспособлений, обычных для погребений IV в. до н. э., в более ранних комплексах применялись, по-видимому, и другие. Э. В. Яковенко обращает внимание на шесть костяных предметов из Темир-Горы, о которых писал исследователь этого интереснейшего

археологического комплекса А. Е. Люценко, отмечая, что в погребении [27] были найдены «...шесть костяных... трубочек с двумя бронзовыми, по-видимому, принадлежащими к ним наконечниками».⁴⁸⁾

Безусловно, костяные трубочки связаны с наконечниками стрел. Это, помимо четкого указания А. Е. Люценко, подтверждает и наличие окислов бронзы именно на тех частях деталей, которые помещались во втулках наконечников (рис. 15, 2).

Детали составных древков представляли собой небольшие, почти цилиндрические, столбики длиной 2,4 см, имеющие у одного конца шип длиной 0,5 см, пропитанный окислами бронзы, и отверстие на другом конце, куда вставлялось древко,⁴⁹⁾ или еще один промежуточный деревянный стержень.

Это трудоемкое в изготовлении и не очень надежное приспособление, по-видимому, не получило распространения в скифском воинском быту, поскольку применение их не позволяло иметь обширные колчаные наборы. Гораздо проще было изготавливать переходные стержни из дерева. Поэтому в более позднее время они, очевидно, не использовались.

В случае применения тростниковых древков из дерева изготовлялось и ушко. Деревянные детали нижней части наконечников, не защищенные окислами бронзы, подобно переходным стержням, не сохранились. Представление о них дает костяное ушко из кургана в уроч. Дарьевка (рис. 16, 1) под Шполой. Оно имеет вид несколько сужающегося в верхней части цилиндра, в нижней части которого находится полуовальный вырез для тетивы, а в верхней — глухое отверстие, куда вставлялось древко. Высота около 2 см, диаметр около 8-9 мм.⁵⁰⁾

Прямой аналогией ушку из Дарьевки является костяное ушко эпохи поздней бронзы из Суvara⁵¹⁾ (рис. 16, 2). Интересно костяное ушко из цилиндрического отрезка кости с выемкой для тетивы на одном конце и выемкой для древка на другом из сабашиновского слоя поселения у с. Ильичевка⁵²⁾ (рис. 16, 3). Набор разнообразных костяных ушек для тростниковых древков стрел из срубного погребения у с. Чербаево на Поволжье представлен тремя типами ушек — цилиндрическое с выемкой для тетивы, по-видимому, вставлявшееся в трубку тростника; более крупное того же типа, но с выступом-шипом, входившим в тростинку, и изготовленное из части трубчатой кости; треугольное в плане с острием, входившим в тростинку⁵³⁾ (рис. 16, 4).

Помимо втульчатых, в эпоху поздней бронзы применялись более простые в изготовлении черешковые ушки из рога или кости, повторявшие форму ушка деревянной стрелы⁵⁴⁾ (рис. 16, 5).

Но основная масса древков, очевидно, имела черешковые ушки, сделанные из прочного дерева. Очень простое, но достаточно рациональное ушко составной стрелы обнаружила в 1976 г. Э. В. Яковенко у станицы Елизаветовской (курган № 67, погребение 1). Оно изготовлено из части трубчатой кости и имеет вид вытянутого треугольника с выемкой в узкой стороне* (рис. 16,6). Ушко абсолютно аналогично чербаевскому.

Следует отметить, что втульчатые и черешковые ушки, применявшиеся со времени поздней бронзы, оказались настолько рациональными, что эта система использовалась на протяжении тысячелетий. Костяные ушки древков русских стрел XVI—XVII вв. из собрания ГИМ имеют ту же схему, что и ушки стрел эпохи поздней бронзы⁵⁵⁾ (рис. 16, 7). [28]

[Назад](#) [К оглавлению](#) [Дальше](#)

---

¹⁾ *Ленц Э. Э.* Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 года близ. с. Журовки, Киевской губ. — ИАК, 1905, вып. 14, с. 65.

²⁾ *Zakharov A. A. J. A. Zaretsky's Excavations in the Governement of Kharkov.* — ESA, VII, Helsinki, 1932, p. 69.

³⁾ *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, № 115, с. 59.

⁴⁾ *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М., Л.; 1953, с. 261.

⁵⁾ *Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. — АП. К., 1960, т. 9, с. 67.

⁶⁾ СД, с. 143.

⁷⁾ Там же, с. 162.

⁸⁾ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага, 1967, с. 49.

* Раскопки О. Г. Шапошниковой.

⁹⁾ *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганный могильник в уроч. Носаки. — В кн.: Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977, с. 143.

¹⁰⁾ *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. — В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, рис. 9; *Клочко В. И.* Новые данные о типах скифских горитов и колчанных наборов VI в. до н. э. — В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. К., 1977, с. 50.

¹¹⁾ Манцевич А. П. Парадный меч из кургана Солоха. — МИА, 1969, № 150, рис. 1.

* Возможно, в этом горите, как и в других скифских парадных горитах IV в. до н. э., стрелы были покороче и длина их не превышала длины горита. Во всяком случае, на всех изображениях горитов близкого типа стрелы не выходят за его габариты.

¹²⁾ Бессонова С. С. Указ. соч., с. 246. [153]

¹³⁾ Там же, с. 246.

¹⁴⁾ ДБК, табл. XXVII, 20.

¹⁵⁾ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, с. 261.

* В книге было «луков» — *HF*.

¹⁶⁾ Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, рис. 77, 12, 13.

¹⁷⁾ Манцевич А. П. Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи, с. 21, рис. 1, 8.

¹⁸⁾ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 51.

¹⁹⁾ Геродот. История, VII.92, с. 337.

²⁰⁾ Бессонова С. С. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана, с. 246-247, рис. 2, 15-16.

²¹⁾ Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям. Одесса, 1884, ч. 1, табл. XIX, 50.

²²⁾ Видзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П. Курганный могильник в урочище Носаки, с. 143.

²³⁾ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, табл. CXIX-CXX.

²⁴⁾ ИАК, вып. 14, с. 18.

- ²⁵⁾ *Ленц Э. Э.* Указ. соч., с. 67.
- ²⁶⁾ Смела, т. 3, с. 20.
- ²⁷⁾ *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 51.
- ²⁸⁾ *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Бруслана. — МИА, 1960, № 78, с. 32.
- ²⁹⁾ *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962, с. 25.
- ³⁰⁾ Там же.
- ³¹⁾ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время, с. 261, табл. СХІХ.
- ³²⁾ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 16; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 32; *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, с. 163.
- ³³⁾ *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы. — В кн.: Скифский мир, Киев, 1975, с. 152; *Мозолевский Б. М.* Указ. соч., с. 177. О ножах при горитах см. главу «Гориты и колчаны».
- ³⁴⁾ Смела, т. 2, с. 105; ИАК, 1910, вып. 35, с. 70; ОАК за 1868, Спб., 1870, с. XVII.
- ³⁵⁾ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 32.
- ³⁶⁾ *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, 1952, т. 16, с. 134-135.
- ³⁷⁾ Геродот, VII.61, с. 332.
- ³⁸⁾ Фукидид. История, IV.40.2 / Пер. Мищенко, с. 178.
- ³⁹⁾ Плиний. Естественная история, XVI.106. — ВДИ, 1949, № 2, с. 312.
- ⁴⁰⁾ *Пессель М.* Путешествия в Мустанг и Бутан. М., 1978, с. 213.

- ⁴¹⁾ *Грязнов М. П.* Указ. соч., с. 134, рис. 3, с. д.
- ⁴²⁾ *Schmidt E. F.* Persepolis. Chicago, 1957, vol. 2, p. 99, fig. 20, A.
- ⁴³⁾ *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 100.
- ⁴⁴⁾ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 32.
- ⁴⁵⁾ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 16.
- ⁴⁶⁾ *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе, с. 263.
- ⁴⁷⁾ Там же.
- ⁴⁸⁾ Там же, с. 263.
- ⁴⁹⁾ Там же, с. 262-263, рис. 1, 3.
- ⁵⁰⁾ Смела, т. 2, табл. XIV, 7.
- ⁵¹⁾ *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 50, табл. II, 10.
- ⁵²⁾ *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. — В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, рис. 7, 20.
- ⁵³⁾ *Синицын И. В.* Археологические раскопки в зоне строительства Сталинградской ГЭС — КСИИМК, 1953, вып. 50, с. 85, рис. 35, 2.
- ⁵⁴⁾ *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 50, табл. 9.
- * Благодарю Э. В. Яковенко и И. Б. Брашинского за разрешение опубликовать этот предмет.
- ⁵⁵⁾ Там же, табл. II, 11-14.

III. Гориты и колчаны

Горит — это футляр, разделенный для удобства на два отделения, т. е. для стрел и для лука».

Маврикий¹⁾

Несмотря на очень широкое распространение в скифской среде стрел и луков, приспособлений, в которых носили лук вместе с необходимым запасом стрел — горитов, или колчанов, использование которых скифами было возможно, известно немного. Еще М. И. Ростовцев, подытоживая степень изученности различных категорий предметов скифской материальной культуры, писал: «Досадно только, что нигде не удалось установить форм колчана для стрел и налучий, столь типичных для военной физиономии конных лучников».²⁾

Памятники изобразительного искусства — скифская монументальная скульптура и предметы северопричерноморской торевтики — были единственным источником, позволявшим составить представление о горитах и колчанах скифских воинов. (Перечень этих материалов приведен в приложениях 1 и 2.) За последние десятилетия в результате интенсивных раскопок скифских погребений в степях Северного Причерноморья и в курганах Лесостепной Скифии появились данные, позволившие решить некоторые вопросы устройства колчанов и горитов.

Первую подборку материалов по горитам и колчанам сделала А. И. Мелюкова,³⁾ гориты, происходящие с Посулья, описала В. А. Ильинская,⁴⁾ а из памятников Ворсклы — Г. Т. Ковпаненко, использовав материалы А. Захарова.⁵⁾

Гориты, состоящие на вооружении основной массы скифов, обычно изготавливались из дерева и кожи, что и обусловило их плохую сохранность. Чаще всего при раскопках встречаются лишь незначительные их остатки, не дающие возможности восстановить внешний вид и конструкцию горитов. Для примера приведем лишь несколько наиболее характерных и обычных сведений — «...деревянный стгоревший колчан, обшитый кожей, которая снизу [29] еще уцелела» (курган № 35 у с. Бобрица),⁶⁾ «...остатки колчана, сделанного из кожи с мехом...» (курган № 4 в уроч. Скоробор),⁷⁾ «совершенно истлевший колчан, сделанный из дерева и кожи» (курган № 400 у с. Шуровки).⁸⁾ Перечень можно было бы продолжить, приводя десятки подобных стереотипных формулировок.

Очень редко в материалах раскопок можно найти более подробные сведения. В ограбленном погребении кургана № 522 у Смелы найдены «остатки кожаного предмета, может быть колчана, к которому было прибито нечто (может быть, золотая доска?) при помощи большого

количества микроскопических бронзовых гвоздиков. Попадались обломки и тонких бронзовых пластинок, и дерева, которые относятся, по-видимому, к тому же колчану».⁹¹ Иногда авторам удавалось восстановить по следам дерева или кожи форму горита. В кургане № 24 у с. Кут был найден «колчан трапециевидной формы, который хорошо прослежен по форме пятна истлевшего дерева».¹⁰ К сожалению, автор раскопок не указал даже его размеры.

В боковом погребении Толстой Могилы вместе с «телохранителем» был найден горит. Сохранившийся от него кожаный тлен дал возможность восстановить его форму и размеры. Он имел форму, близкую к прямоугольной, левый нижний угол был чуть скошен. Горит, очевидно, имел деревянную конструкцию — от нее сохранились остатки дерева вдоль длинных стенок. Длина его 40 см, ширина около 20 см.¹¹

Немного могут дать и более подробные свидетельства о находках остатков горитов, приведенные в публикации материалов из раскопок кургана № 1 у с. Ерквцы на Киевщине, «...два обрывка кожи, размером около 6 X 10 см, происходящие от нижней его (горита. — *Е. Ч.*) части. По краю одного из них идут проколы от шва, другие же края обрезаны, но без следов шва. Нижний край второго обрывка загнут и тоже прошит».¹² Или сообщение о находке в кургане № 5 IV в. до н. э. у с. Протопоповка Дергачевского р-на Харьковской обл., где «ниже тазобедренного сустава погребенного... находился истлевший кожаный колчан, украшенный по краям бронзовыми пластинками. В колчане — прекрасно сохранившиеся 142 втульчатых наконечника стрел, уложенных тремя параллельными рядами».¹³ Следует отметить, что В. Г. Бородулин при описании допустил ошибку, связав части портупейного пояса («бронзовые пластинки») с колчаном.

Обычно в могилах рядовых скифов находят по одному колчанному набору, очень редко — по два (курган № 1 у с. Ерквцы¹⁴). В курганах с захоронениями представителей более высоких слоев общества количество колчаных наборов больше. Это три горита (один из них — парадный) из кургана № 2 у с. Аксютинцы¹⁵ и четыре (один — парадный) из Толстой Могилы.¹⁶

Рекордное количество колчаных наборов известно из кургана Пять Братьев у ст-цы Елизаветовской, где в разных местах гробницы было найдено 16 скоплений наконечников стрел.¹⁷ Девять наборов — из Бердянского кургана.¹⁸

Помимо горитов, о которых в силу целого ряда причин имеются только отрывочные сведения, не позволяющие выяснить их внешний вид и особенности конструкции, есть гориты лучшей сохранности, которые относятся к парадным горитам, имеющим покрытие из драгоценных металлов. Эти экземпляры вместе с горитами, воспроизведенными на памятниках искусства, дают основной материал по этому виду скифского воинского снаряжения.

Описание горитов будет сделано по отдельным хронологическим периодам, [30] начиная от самых ранних, относящихся к VI в. до н. э. Так как все гориты можно разделить на простые, состоявшие на вооружении основной массы воинов, большинства дружинников, и парадные,

входившие в состав вооружения высшей знати, описание их дается по этим группам. Основное внимание уделяется вещественным остаткам и изображениям на предметах торевтики и монументальной скульптуре.

Гориты VI в. до н. э.

Древнейшие образцы подобного вооружения происходят из курганов у ст-цы Келермесс на Кубани и Мельгуновского кургана у с. Куцеровка на Кировоградщине.

От колчанного набора из Мельгуновского кургана сохранилось лишь 40 бронзовых наконечников стрел. К украшению колчана Е. Придик отнес предположительно 23 железных гвоздика, украшенных на шляпке восьмилепестковой розеткой («можно думать об украшении колчана, хотя от него и следов не осталось...»)¹⁹⁾ Здесь же был найден еще один предмет, который связать с горитом с большой степенью вероятности позволяют предметы, найденные в других курганах. По поводу ее назначения Е. Придик ничего не написал, ограничившись кратким описанием.

Это бронзовая, сильно окисленная застежка от горита, обтянутая тонкой золотой пластиной (рис. 17), имеющая вид почти круглой палочки, оканчивающейся стилизованными головками львов. В средней части ее имеется гладкий перехват для ременной петли. Между этим перехватом и головками львов три невысоких рельефных гладких пояска делят палочку на восемь более широких участков, украшенных частыми рубриками, проходящими вдоль нее (по 4 участка с каждой стороны перехвата).²⁰⁾ Скучные остатки горита из Мельгуновского кургана не позволяют провести его реконструкцию.

Несколько золотых предметов, связанных с горитом, позволяющих предложить вариант его реконструкции, известно из кургана № 4 у Келермесса. Описание этого горита будет приведено ниже.

В отчете Н. И. Веселовского о раскопках Костромского кургана указано, что было найдено «...два кожаных колчана, из которых один был вышит мелкими белыми и голубыми бусами; тут же находились бронзовые наконечники от стрел».²¹⁾ Это единственный известный случай украшения горита бусами.

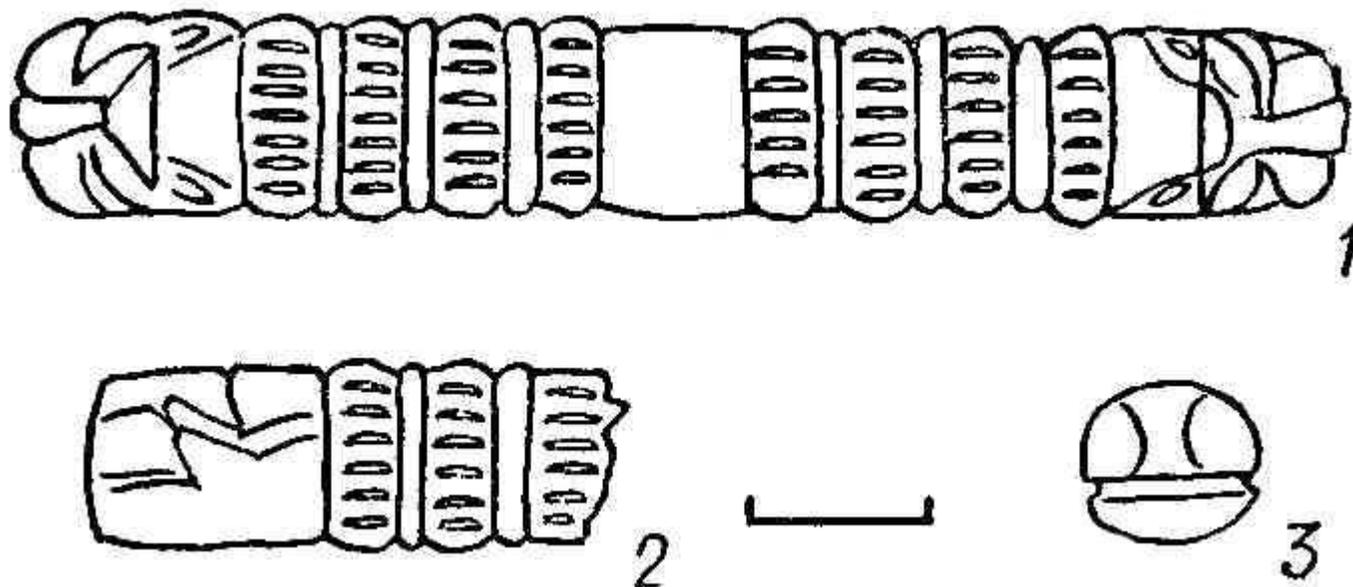

Рис. 17. Застежка горита из Мельгуновского кургана.

В первом Ульском кургане, раскопанном Н. И. Веселовским в 1898 г., «в грабительском ходе найдены золотая пластина, по-видимому, от колчана с рельефным изображением оленя и двух грифонов, нападающих на козла, и небольшая кучка железных трехгранных наконечников стрел».²²⁾ Пластина имеет форму, близкую к прямоугольной со слегка закругленными углами. Размер пластины около 20 X 7,5 см, вдоль края пробиты небольшие отверстия. М. И. Ростовцев полагал, что пластина использовалась «...предположительно для горита».²³⁾ Его поддержала А. И. Мелюкова, отметив, однако, что пластина, покрывавшая «...лишь часть наружной поверхности, могла быть принадлежностью горита и колчана»,²⁴⁾ но не может дать представления о форме горита (рис. 18).

Представляет интерес серия рядовых горитов VI в. до н. э., от которых [31] сохранились металлические и костяные детали, к числу которых следует отнести застежки, однотипные с застежкой из Мельгунова кургана, и небольшие костяные части декора, обычно называемые в отчетах «гвоздиками» или «столбиками». Чаще всего, эти части горитов встречаются в потревоженных погребениях и их первоначальное положение выяснить не удастся. Только в нескольких могилах они были найдены нетронутыми. К сожалению, при раскопках не всегда принимались меры к достаточно четкой фиксации их в погребении и выяснению особенностей конструкции горитов. Это было сделано лишь

при раскопках кургана Репяховатая Могила у с. Матусов Шполянского р-на Черкасской обл. А. И. Тереножкиным, В. А. Ильинской и Б. Н. Мозолевским, чьи наблюдения легли в основу описания горитов подобного рода.²⁵⁾

Рис. 18. Пластина из Ульского аула.

В двух погребениях кургана были найдены остатки трех горитов (один в погребении 1 и два — в погребении 2). К сожалению, форма горитов не восстанавливается. Их кожаные части не сохранились, кроме наконечников стрел и костяных частей горитов. Гориты принадлежат к одному и тому же типу. По-видимому, они имели такой же вид, как и аналогичные приспособления для ношения лука и стрел, воспроизведенные на пластине из Сахновки Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл.²⁶⁾ Горит имеет форму продолговатого футляра, несколько сужающегося книзу, нижние края чуть закруглены. В левой верхней части — прямоугольный выступ для защиты тетивы, помещенного в большое отделение горита лука, сверху которого находится прямоугольное помещение — карман для стрел. Для предохранения оперения стрел отделение имеет крышку в виде прямоугольного клапана. В центре нижнего края клапана помещалась костяная палочка-застежка, которая продевалась в петлю из кожи, закрепленную на лицевой поверхности отделения для стрел* (рис. 19; 20, 2).

Гориты из Репяховатой Могилы, к сожалению, были слегка повреждены при ограблении. Лучше других [32] сохранился первый горит из погребения 2. В нем находились 151 бронзовый и 4 костяных наконечника, лежащих в несколько рядов полосой около 30 см остриями вниз. Ниже наконечников шляпками наружу лежали три костяных «гвоздика» с грибовидной шляпкой, небольшим перехватом и треугольным острием. Высота «гвоздиков» 2 см, диаметр шляпки 1,1 см. Выше наконечников на расстоянии 40-45 см находилась костяная застежка, сделанная из куска трубчатой кости. Форма продолговатая, слегка сужающаяся к концам. В середине — перехват для петли, которой она крепилась к карману для стрел. Поверхность застежки тщательно отполирована. Длина ее 6,8 см, ширина 1,1 см. Несколько выше застежки находилось пять костяных гвоздиков, аналогичных найденным у наконечников, и два «столбика» той же формы, но с ножкой, отрезанной под прямым углом. Столбики имели вид грибков (рис. 19, 21).

Исходя из пропорций горитов на Сахновской пластине, можно восстановить приблизительные размеры подобных горитов — длина 60-65 см,^{*} ширина до 35 см. На этом горите, как и на других, в состав которого входили «гвоздики» и «столбики», они выполняли только роль декора. Закрепить ими что-либо прочно было нельзя. Тщательно отполированная кость их шляпок красиво выделялась на окрашенной коже горитов.^{*}

Аналогичные детали имели и другие гориты из Репяховатой Могилы (рис. 18, 20, 21).

Связь «гвоздиков» и «столбиков» с горитами не вызывает сомнения. Во всех случаях они находятся вместе с наконечниками стрел. Лишь в одном случае в погребении на Никопольском курганном поле были найдены костяные «столбики» без наконечников стрел.²⁷⁾ Хронологические рамки бытования их четко определяются VI в. до н. э.

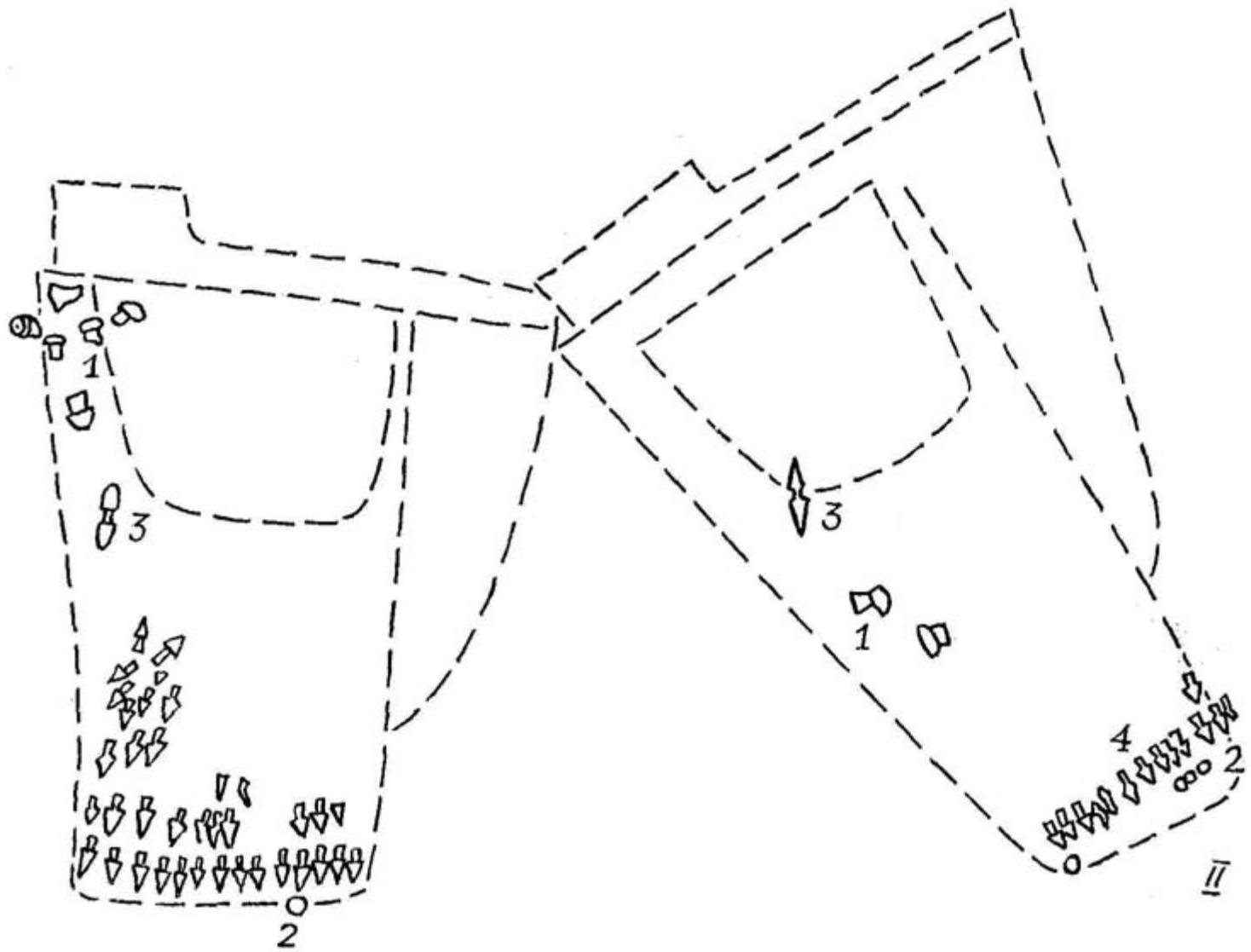

Рис. 19. Изображение горита на пластине из Сахновки.

Достаточно полная сводка этих предметов приведена в работах В. А. Ильинской.²⁸⁾ Три «столбика» были найдены в кургане у с. Луки Лубенского р-на Полтавской обл. (рис. 21, 1),²⁹⁾ один в кургане № 13 у Поповки (рис. 21, 2),³⁰⁾ несколько известно из раскопок А. А. Бобринского в бывшем Роменском уезде (рис. 22, 3),³¹⁾ в курганах уроч. Дарьевка под Шполой (рис. 21, 4),³²⁾ в основном погребении кургана № 432 у с. Шуровки — восемь [33] «гвоздиков» (рис. 21, 5),³³⁾ четыре экземпляра в кургане у Новоселок Гримайловских (рис. 21, 6),³⁴⁾ три подобных предмета в кургане № 474 у с. Оситняжка³⁵⁾ (рис. 21, 7).

К этому перечню можно добавить «столбики» из кургана у с. Осняги, раскопанного В. А. Городцовым (рис. 21, 8),³⁶⁾ и из кургана № 2 у с. Перебыковцы Хотинского р-на Черновицкой обл. (рис. 21, 9), обнаруженные при раскопках Г. И. Смирновой в 1974 г.³⁷⁾ Несколько «гвоздиков» обнаружила Г. Т. Ковпаненко при раскопках курганов у с. Медвин Богуславского р-на Киевской обл. Два известны из кургана № 3 первой курганной группы (рис. 21, 10) и один — в кургане № 13 третьей курганной группы³⁸⁾ (рис. 21, 11).

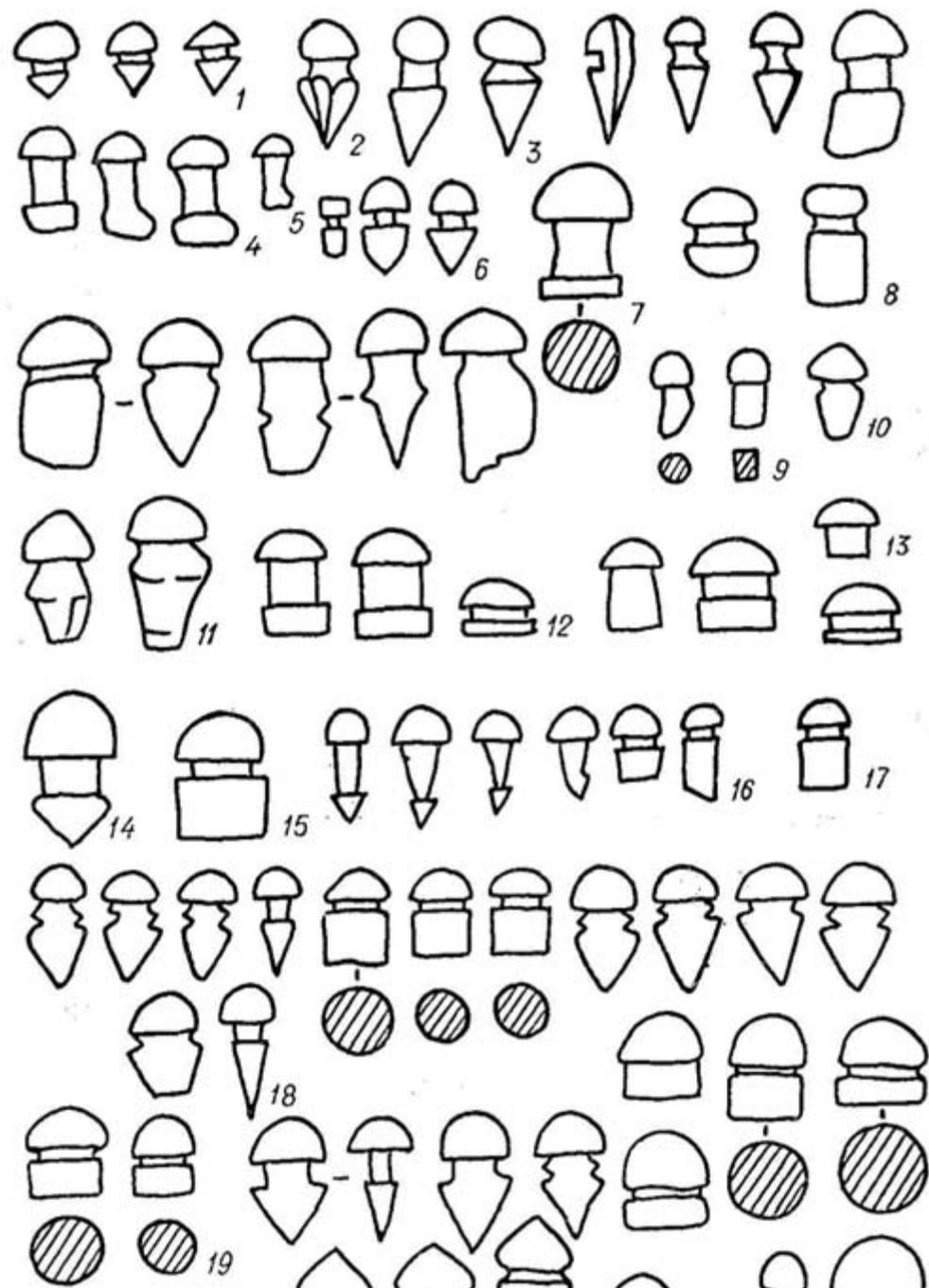
К сожалению, все перечисленные выше части горитов обнаружены в комплексах, подвергшихся ограблению.

*Рис. 20. Гориты из Репяховатой Могилы (реконструкция В. И. Клочко).
I — второй горит; II — первый горит. 1 — «гвоздики»; 2 — «столбики»;
3 — застезжки; 4 — наконечники стрел.*

«Столбики» и «гвоздики» лежали не на первоначальном месте и их роль и расположение в составе горита выяснить не удастся. Это же полностью относится ко всем названным ниже комплексам.

Несколько таких же предметов происходит из скифских архаических комплексов в степи. «Столбики» из погребения на Никопольском курганном поле были описаны выше (рис. 21, 12). Весьма показательное их нахождение в Темир-Горе — самом древнем скифском кургане в степях Северного Причерноморья. Из восьми найденных при раскопках А. Е. Люценко «столбиков» до наших дней сохранилось только шесть.³⁹⁾ Они точно такие же, как все остальные подобные предметы, и выде-[34]

Рис. 21. Детали горитов: «столбики» и «гвоздики».

1 — Луки; 2 — Поповка; 3 — бывший Роменский уезд; 4 — уроч. Дарьевка; 5 — Журавка, курган М 432; 6 — Новоселки Гримайловские; 7 — Оситняжка; 8 — Осняги; 9 — Перебыковцы; 10 — Медвин-III, курган № 3; 11 — Модвин-1, курган № 3; 12 — Никополь, курган № 1; 13 — Темир-Гора; 14 — Серогозы; 15 — Новоалексеевка, курган № 17; 16 — Койсуги; 17 — Вельское городище; 18 — Репяховатая Могила, погребение 1; 19 — Репяховатая Могила, погребение 2, горит 2; 20 — Репяховатая Могила, погребение 2, горит I; 21 — Эшкакон, погребение 4; 22 — Красное Знамя. [35]

ляются лишь несколько большими размерами (рис. 21, 13).

«Столбики» от горитов найдены в погребении у Серогоз Херсонской обл.⁴⁰⁾ (рис. 21, 14). Один такой же предмет найден в разрушенном погребении 1 кургана № 17 у с. Новоалексеевка Скадовского р-на Херсонской обл. вместе с наконечником стрелы и костяной накладкой на лук⁴¹⁾ (рис. 21, 15).

Десять столбиков найдены недавно при раскопках Койсугского могильника (курган № 5, погребение 3) на Нижнем Дону, из них — восемь «гвоздиков» и два «столбика». «Гвоздики» длиной от 1,9 до 1,7 см. Форма их несколько отличалась от большинства подобных предметов. Под обычной полусферической небольшой шляпкой находился невысокий конический стерженек, оканчивающийся чуть расширяющимся острием. Две другие поделки — «столбики» — аналогичны большинству остальных изделий. Совершенно безосновательно авторы публикации материалов раскопок этого могильника считают их заготовками⁴²⁾ (рис. 21, 16).

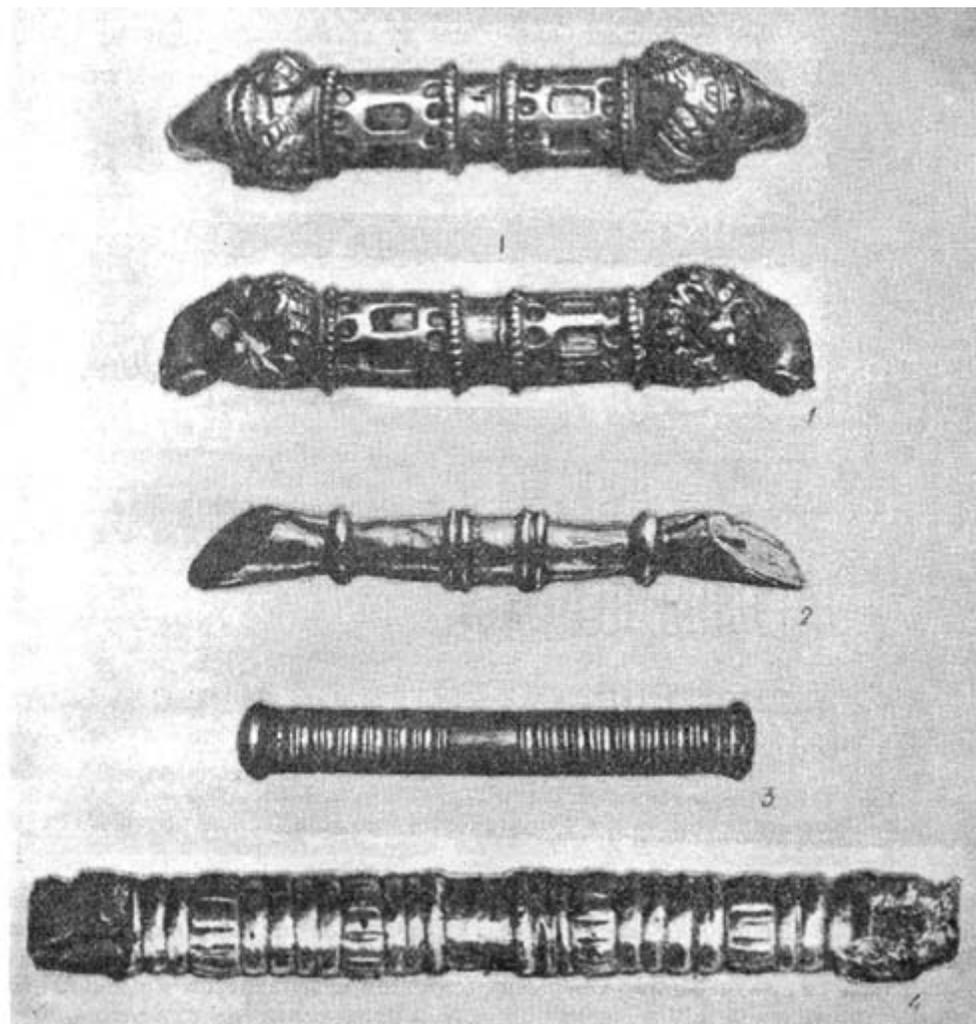
Описанные предметы из Койсугского могильника лежали в ногах погребенного вместе с обломком костяной стрелы и небольшой костяной орнаментированной муфтой, обычно входившей в состав горита. Связь «гвоздиков» и «столбиков» из Койсугского могильника с горитом не вызывает никакого сомнения. С горитами, как убедительно показывают найденные рядом наконечники стрел, части горитов, роговые и костяные детали луков, связаны все названные выше «гвоздики» и «столбики». Исключением могут быть лишь подобные изделия из погребения на Никопольском курганном поле, где не было наконечников стрел или каких-либо иных частей горита или лука. Однако, может быть, и в этом погребении лежал горит без наконечников. Положение их в могиле очень напоминает положение таких же вещей в горите из Репяховатой Могилы. Несколько костяных «столбиков» от горита было найдено при раскопках погребения 8 в кургане № 7 у с. Новоалександровка-I недалеко от Ростова.⁴³⁾

Как отмечалось выше (гориты из Мельгуновского кургана и Репяховатой Могилы), для застегивания клапанов на карманах для стрел использовались застежки из металла или кости. Около десяти таких застежек собрала В. А. Ильинская.⁴⁴⁾ Эту подборку сейчас можно было бы пополнить новыми находками.

Три застёжки происходят из курганов у Келермесса. В кургане № 4 вместе с золотыми пластинами от парадного горита (весь горит будет описан ниже) найдена застёжка «...в виде цилиндрического стержня с выемками-гнездами для инкрустации голубой эмалью и янтарем и скульптурными бараньими головками на концах».⁴⁵⁾ Длина застёжки 8,6 см. Это самая нарядная застёжка из довольно многочисленной серии вещей подобного рода (рис. 22, 1).

Из Келермесса известны еще две застёжки. Одна из них — золотая, цилиндрической формы, разделенная невысокими рельефными рубчиками на зоны (рис. 22, 2). Застёжка оканчивается копытами коня (?). Длина ее около 6,5 см (инв. № Ку. 1904 1/13). Другая изготовлена из бронзы и обтянута тонкой золотой обкладкой. Она цилиндрическая. Поверхность, кроме перехвата в средней части, покрыта мелким рельефным рубчиком. На концах утолщение, образующее валик. Длина застёжки около 6,5 см (инв. № Ку. 1903 2/12) (рис. 22, 3).

Застёжка, близкая мельгуновской, обнаружена в комплексе Темир-Горы. Это «...круглый в сечении бронзовый стержень, покрытый тонким листовым золотом. Поверхность стержня украшена четырьмя рельефными зубчатыми утолщениями в виде колец и поперечной нарезкой»⁴⁶⁾ (рис. 22, 4). Близка [36] ей по типу бронзовая плакированная золотом застёжка из кургана № 3 у с. Обиточное. Отличается лишь наличием узкого рельефного жгута, проходящего вдоль застёжки⁴⁷⁾ (рис. 23, 9). Бронзовая застёжка от горита была найдена у левого бедра (там, где обычно находится горит) в погребении № 12 некрополя Ольвии.⁴⁸⁾ Поверхность покрыта четко выраженными рельефными валиками (рис. 23, 3). Две бронзовые застёжки происходят из кургана [37] Бобовича в Центральном Крыму⁴⁹⁾ (рис. 23, 4) и поселения у с. Грищенцы⁵⁰⁾ (рис. 23, 5). Две несколько большие по размеру застёжки известны из курганов бывшего Роменского уезда⁵¹⁾ (рис. 23, 6, 7). Бронзовая застёжка с сохранившейся на ней ременной петлей найдена в погребении Старшей Могилы, относящемся к V в. до н. э.⁵²⁾ По форме застёжка очень близка третьей застёжке из Келермесса (рис. 23, 8).

*Рис. 22. Застежки горитов.
1-3 — Келермесс (золото); 4 — Темир-Гора (бронза, золото).*

Бронзовая застежка, украшенная рельефными поясками из чередующихся участков узких, слегка заостренных поясков и более широких округлых с перехватом в средней части происходит из кургана № 9 (погребение 5) у с. Огородное Болградского р-на Одесской обл. [53](#)) (рис. 23, 2).

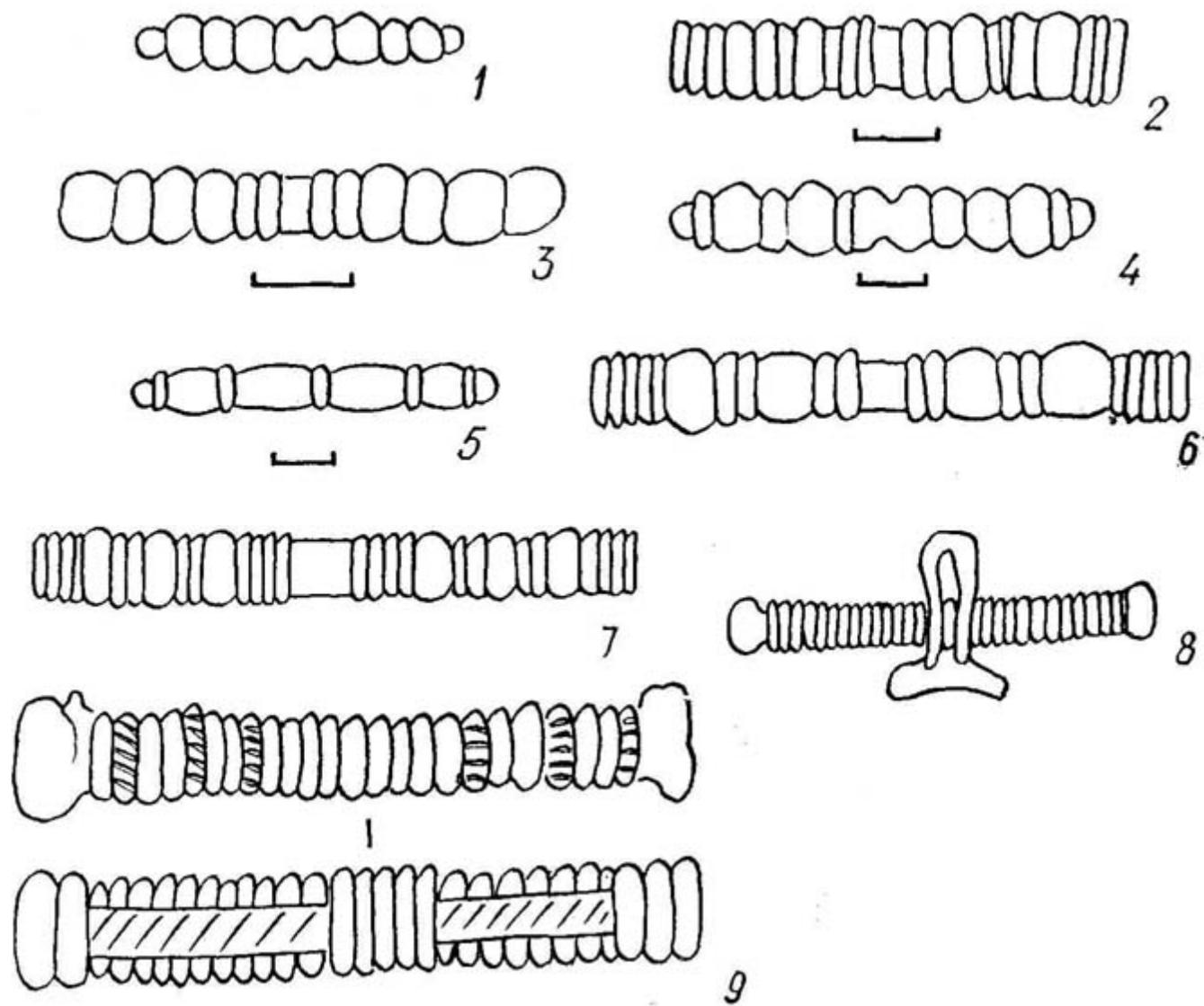

Рис 23. Застежки горитов.

1 — Макеевка, курган № 2; 2 — Огородное; 3 — Ольвия; 4 — курган Бобовича;
5 — Грищенцы (поселение); 6, 7 — бывший Роменский уезд; 8 — Старшая Могила;
9 — Обиточная.

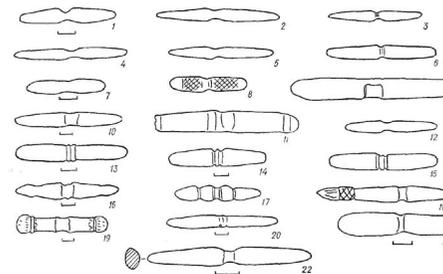
В кургане 1G у Аджигола найдена застежка длиной 2,5 и шириной 1 см, изготовленная из рога, плотно обмотанная бронзовой проволокой, что придавало ей внешнее сходство с цельно-бронзовой.⁵⁴⁾

Известна серия застежек из кости. Древнейшей из них является застежка из Старшей Могилы.⁵⁵⁾ Она имела вид стержня с перехватом в средней части. К концам стержень сужался (рис. 24). Застежки из Репяховатой Могилы были описаны выше (рис. 24, 13-15). Их можно разделить на два типа. К первому относятся застежки, по форме близкие из Старшей Могилы, — они имеют вид заостренного к концам стержня с перехватом. Ко второму типу — застежки, изготовленные довольно небрежно из стенки трубчатой кости и слегка сужающиеся к концам. Перехват в средней части выражен нечетко. [38]

Как правило, застежки этого типа больше и грубее. Образцом могут быть застежки из Репяховатой Могилы.

Застежки первого типа происходят из курганных комплексов Среднего Поднепровья. Они есть среди материалов курганов у с. Пруссы (Михайловка) (рис. 24, 3),⁵⁶⁾ кургана № 447 у с. Журавка (рис. 24, 4),⁵⁷⁾ № 432 у того же села (рис. 24, 5)⁵⁸⁾ и из кургана у с. Луки (рис. 24, 17).⁵⁹⁾ Последние две отличаются некоторым утолщением на концах. Близкую форму имеет и застежка из кургана Три Брата под Керчью⁶⁰⁾ (рис. 24, 7).

Застежки второго типа, помимо упомянутых из кургана Репяховатая Могила, известны также в комплексах из курганов у с. Осняг (рис. 24, 8),⁶¹⁾ № 13 у с. Кириковки,⁶²⁾ в уроч. Дарьевка под г. Шпола Черкасской обл. (рис. 24, 9, 10).⁶³⁾ Недавно такие же застежки были найдены в кургане № 2 у с. Перебыковцы Черновицкой обл. при раскопках Г. И. Смирновой⁶⁴⁾ в 1974 г. (рис. 24, 11).

Рис. 24. Застежки горитов.

*1 — Старшая Могила; 2 — Белоглинка; 3 — Пруссы; 4 — Журавка, курган № 447;
5, 16 — Журавка, курган № 432; 6, 19, 20 — Журавка, курган № 406; 7 — Три Брата,
8 — Осняги; 9, 10 — урочище Дарьевка; 11 — Перебыковцы; 12 — Койсуги;
13-15 — Репяховатая Могила; 17 — Луки; 18 — Комаровский могильник;
21 — Эшкакон, погребение 4; 22 — Залесье (поселение).*

Две застежки подобного рода известны из кургана № 7 у с. Новоалександровки на Нижнем Дону.⁶⁵⁾ О находках костяных застежек от горитов в погребениях VI в. до н. э. могильника в долине р. Эшкакон на Ставропольщине сообщает В. Б. Ковалевская⁶⁶⁾ (рис. 24, 21).

Обычно подобные застежки лишены орнаментации. Очень скромный декор есть лишь на нескольких экземплярах. В этой связи можно вспомнить две застежки. Застежка из кургана у с. Осняги на Ворскле орнаментирована поперечными неглубокими нарезками и косой сеткой, а из кургана ус. Перебыковцы — только поперечной нарезкой у краев и в средней части изделия. [39]

Серию подобных застежек недавно пополнила застежка, найденная в кургане № 5 (погребение 3) Койсугского могильника на Нижнем Дону.⁶⁷⁾ Она довольно небрежно изготовлена из обломка трубчатой кости и имеет ширину около 1 см при толщине 0,85 см и длине 5,5 см. К концам застежка слегка сужается, в разрезе имеет бобовидную форму. Перехват в средней части намечен лишь с одной стороны (рис. 24, 12).

Несколько застежек найдено и на территории поселений. Помимо застежки с поселения у с. Грищенцы, упомянутой выше, можно отметить еще одну, найденную на территории Вельского городища (рис. 24, 21).⁶⁸⁾ При раскопках поселения у с. Залесье Тернопольской обл. О. Д. Ганина обнаружила костяную⁶⁹⁾ (рис. 24, 22). Сводка всех известных застежек приведена в приложении 4.

Остановимся на вопросе о времени бытования застежек для горитов. Застежки второго типа обнаружены только в комплексах, относящихся к VI в. до н. э.; первого — известны не только в VI, но и в V в. до н. э. Металлические застежки относятся к VI—V вв. до н. э. — времени бытования большинства известных нам застежек. Об использовании их и в IV в. до н. э. свидетельствуют лишь находка костяной застежки в кургане Три Брата и изображение застежки на горите Сахновской пластины.

Положение застежек на горитах VI и V—IV вв. до н. э., насколько позволяют судить об этом скудные данные, различно. У горитов VI в. до н. э. (Репяховатая Могила) они находились у левого нижнего угла клапана, закрывавшего карман для стрел, а у горитов V — IV вв. до н. э. (стела из Терновки, пластина из Сахновки) — в средней части нижнего края клапана.

Описав около десятка застежек от горитов, В. А. Ильинская сделала неожиданный вывод на основании находок золотых застежек из курганов № 406 у с. Шуровки и № 1 у с. Мастюгино: «Служили ли золотые палочки подобного рода застежками колчана или имели другое

назначение, сказать трудно, так как в составе находок из скифских погребений имеются близкие им золотые украшения, являющиеся принадлежностью костюма».⁷⁰⁾

Связь застежек из кургана № 406 у с. Журовка с горитом не вызывает сомнения. В кургане были найдены две застежки. Одна из них костяная, относящаяся к первому типу, другая — такая же, но обложенная золотым листом (а не золотая, как писала В. А. Ильинская), с перехватом в средней части и расширяющаяся к концам. Здесь неглубокими насечками передан орнамент в виде уголков и коротких пунктирных насечек. По поводу обеих пластин имеется твердое указание, что они были найдены «вместе с кучкою стрел».⁷¹⁾

Не имеет ничего общего с колчаном или горитом застежка из кургана № 1 у с. Мастюгино. Найденная там «золотая трубочка, покрытая двумя поперечными рядами проволоки с шариком внутри каждой спирали», не сплошная, как все остальные застежки, а полая. Нет никаких оснований даже полагать, что это только золотое покрытие деревянной или костяной застежки. Нет на ней и перехвата в средней части, обязательного для всех застежек. Очевидно, права А. П. Манцевич, полагая, что эта трубочка являлась частью браслета, использовавшейся в качестве пронизи в ожерелье.⁷²⁾

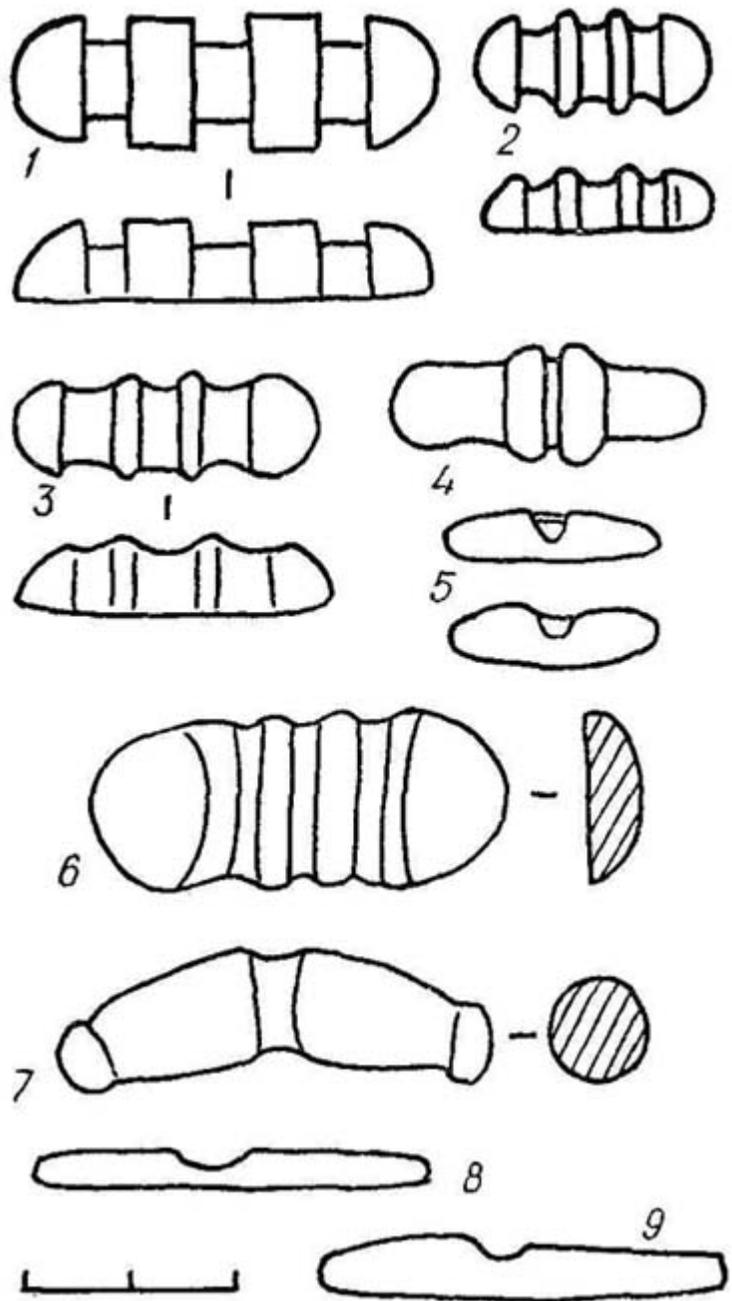
Застежка из Койсугского могильника⁷³⁾ находилась у пояса, а все остальные костяные предметы, связанные с горитом («гвоздики», «столбики», стрела), лежали в ногах погребенного. Остается неясным, связана ли она с горитом или портупейным поясом. Во всяком случае, находки подобных застежек [40] вместе с портупейными поясами, кроме этого случая, неизвестны.

Еще две застежки были найдены отдельно от наконечников стрел. Первая происходит из погребения VI в. до н. э. у с. Белоглинка в Крыму (рис. 24, 2). Она лежала в сосуде.⁷⁴⁾ В кургане IG у Аджигола при раскопках М. Эберта роговая, обмотанная бронзовой проволокой, застежка лежала в изголовье погребенного вместе с бронзовыми ситечком и черпаком, черно-фигурными киликом и амфорой. Не исключено, что здесь мы имеем дело с вторичным использованием этого предмета. Сейчас еще у нас очень мало данных, чтобы говорить об использовании застежек подобного рода для иных, кроме применения в горите, целей.

Следует отметить ошибку И. Потраца, считавшего, что эти застежки связаны с конской уздой* и объяснявшего их как простейшие псалии. В качестве примеров он приводил застежки, найденные вместе с наконечниками стрел в кургане у хут. Шумейко и в кургане № 432 у с. Журовки.⁷⁵⁾

Очень любопытна серия застежек из курганов второй половины VII в. до н. э. у хут. Красное Знамя на Ставропольщине, раскопки которых ведет В. Г. Петренко.* Связь, по крайней мере трех застежек с наборами наконечников стрел не вызывает сомнений (рис. 25, 4-6). В отличие от застежек скифских горитов из кости или бронзы, эти сделаны из мрамора, змеевика или мергеля. Их типологическое сходство с горитами VI в. до н. э. несомненно. Весьма показательны, что вместе с застежками (рис. 25, 4, 5) и набором стрел найден и очень характерный (древнейший из ныне известных) костяной столбик (см. рис. 21, 22).

Подобные застежки получили распространение в степях Евразии. Обращает на себя внимание удивительная близость застежки из кургана № 9 у хут. Красное Знамя и застежки из кургана № 21 могильника Уйгарак.⁷⁶⁾

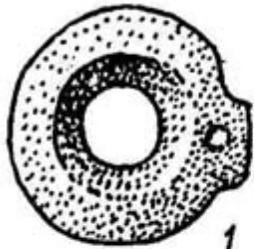
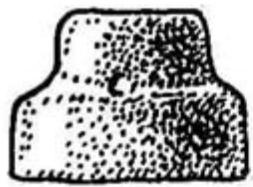
Рис. 25. Застежки из предскифских погребений.

*1, 2 — Высокая Могила; 3 — Васильевка; 4-6, 8 — Красное Знамя, курган № 1 (южная гробница); 7 — Красное Знамя, курган № 9; 9 — Красное Знамя, курган № 3.
1 — клык; 2 — камень; 3, 7 — кость; 4 — мрамор; 5 — змеевик; 6 — мергель;
8, 9 — бронза.*

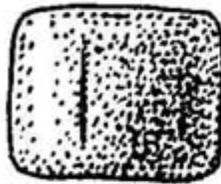
Типологическая связь прослеживается между застежками из курганов у хут. Красное Знамя и погребений Северного Причерноморья предскифского времени — Высокой Могилы⁷⁷⁾ (рис. 25, 1, 2) и Васильевки (рис. 25, 3). Застежки предскифского времени не всегда связаны с набором наконечников стрел. Из двух застежек Высокой Могилы только одна (рис. 25, 2) была [41] найдена вместе с наконечниками стрел. Отдельно от единственного найденного в могиле наконечника стрелы лежала застежка в погребении у Васильевки.⁷⁸⁾

Во второй половине VII в. до н. э., насколько позволяют судить материалы, застежки применялись не только в горитах или колчанах. Простейшие в виде палочек с перехватом в средней части использовались и в конской узде (рис. 25, 7, 8). В VI в. до н. э. застежки, как правило, использовались в горитах. Примеров использования их в составе конской сбруи этого времени нет.

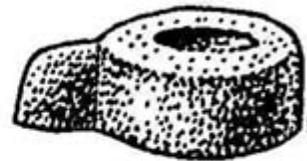
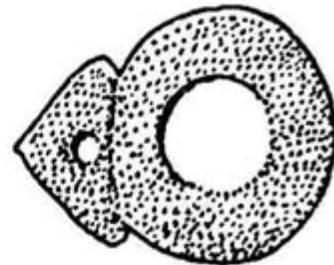
Для застежки горитов могли применяться и ворварки. Но это уже характерно для V в. до н. э. Для примера можно назвать ворварку из кургана у сел Новая Розановка⁷⁹⁾ и Верхней Тарасовки (курган № 52, погребение I).⁸⁰⁾

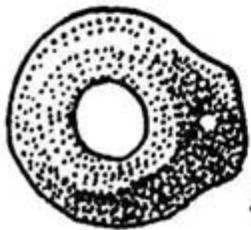
1

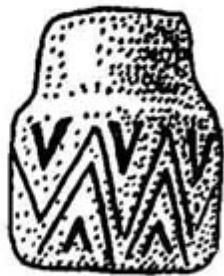
2

3

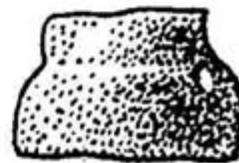
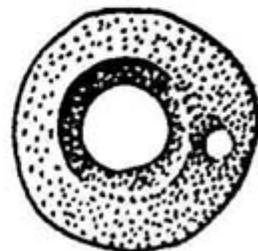
4

5

6

Рис. 26. Детали горитов.

*1 — Репяховатая Могила; 2 — Комаровский могильник;
3 — Западное Вельское городище; 4 — Подгородное; 5 — Койсуги;
6 — Темир-Гора; 7 — Журавка, курган № 408.*

Среди комплексов IV в. до н. э. известно погребение в кургане № 2 у с. Старое под Киевом, где большая бронзовая ворварка лежала рядом с набором стрел,⁸¹⁾ и погребение 2 кургана № 4 у с. Балтазаровка на Херсонщине.⁸²⁾ К этому времени относятся еще несколько находок подобного рода.

Известна интересная серия костяных предметов, найденных вместе с наконечниками стрел и другими частями горита. Однако место их в составе горита сейчас установить нельзя. Единственное место, где положение этой детали устанавливается более или менее точно, это — гробница I в кургане Репяховатая [42] Могила у с. Матусово под Шполой, где она лежала несколько выше застежки горита.⁸³⁾ Это костяная круглая поделка в виде двух цилиндров разного диаметра, меньший из которых возвышается над расположенным под ним. Сквозь предмет проходит круглое отверстие диаметром в 1 см. Еще одно отверстие диаметром около 2 мм проходит параллельно большему сквозь нижнюю часть предмета. Место, где находится это отверстие, слегка намечено нарезкой. Сбоку в стенке меньшего цилиндра просверлено еще одно отверстие. Диаметр нижней части предмета 2,5 см, верхней — 1,5 см, общая высота предмета — 1,7 см (рис. 26, 1). Подобный предмет, найденный в погребении № 3 Комаровского могильника под Моздоком на Северном Кавказе,⁸⁴⁾ также находился вместе с предметами, связанными с горитом. Как и предмет из Репяховатой Могилы, он имеет цилиндрическую форму с двумя (большим и меньшим) сквозными отверстиями. В отличие от предыдущего, предмет выполнен не в виде двойного цилиндра, поперечного отверстия не имеет, орнаментирован неглубокими врезными треугольниками (рис. 26, 2).

Еще одна находка подобного рода происходит из кургана № 406 у с. Журовки (рис. 25, 3). В отчете о раскопках этого кургана при перечислении предметов, относящихся к гориту, этот предмет не упоминается.⁸⁵⁾ В. А. Ильинская, публикуя материалы этого комплекса, упоминает «...костяной невысокий округлый предмет с отверстием в центре и боковым треугольным выступом и с небольшим вертикальным отверстием».⁸⁶⁾ Три предмета, описанные выше, при определенных различиях имеют и общие черты — это цилиндрическая форма и проходящие сквозь них два отверстия разного диаметра. Такой же экземпляр вместе с остатками горита обнаружен в кургане № 7 у Новоалександровки-I (раскопки С. И. Лукьяшко).

Точно такой же костяной предмет, украшенный углубленными треугольниками, найден в кургане № 3 у с. Подгородное вблизи Днепропетровска. Общая высота предмета 2,5 см, диаметр в нижней части 1,8 см.⁸⁷⁾ Связь предмета с горитом бесспорна (рис. 26, 4).

В 1958 г. при раскопках Б. Н. Гракова на территории Западного Вельского городища* был найден костяной предмет такого же типа и, по-видимому, того же назначения (рис. 24, 7).

Обращает на себя внимание тот факт, что подобные изделия встречаются только в скифских архаических комплексах.

Очевидно с горитами связан также и костяной предмет в виде свернувшегося хищника из кургана Темир-Гора.⁸⁸⁾ Назначение его в составе горита неясно. В качестве очень осторожного предположения, можно высказать мнение, что этот предмет из Темир-Горы (рис. 26, б), как и описанные выше из архаических скифских курганов, имеющие круглое центральное отверстие, служил для определения диаметра древков стрел в качестве эталона.

Вместе с горитами нередко находятся ножи, обычные для скифских погребений IV в. до н. э. Назовем лишь некоторые комплексы. Это курганы № 7, погребение 9 у с. Кут;⁸⁹⁾ № 4, погребение 1 у с. Любарцы;⁹⁰⁾ № 13, погребение у с. Капуловка;⁹¹⁾ Страшная Могила, погребение слуги,⁹²⁾ все наборы из Толстой Могилы; № 4, погребение 2 у Владимировки.⁹³⁾ Этот перечень можно продолжить. Назначение ножей ясно. Очевидно, они предназначались для ремонта стрел. [43]

Два парадных горита были обнаружены при раскопках И. А. Зарецкого на территории Харьковщины, в курганах Витова Могила и Опишлянка.

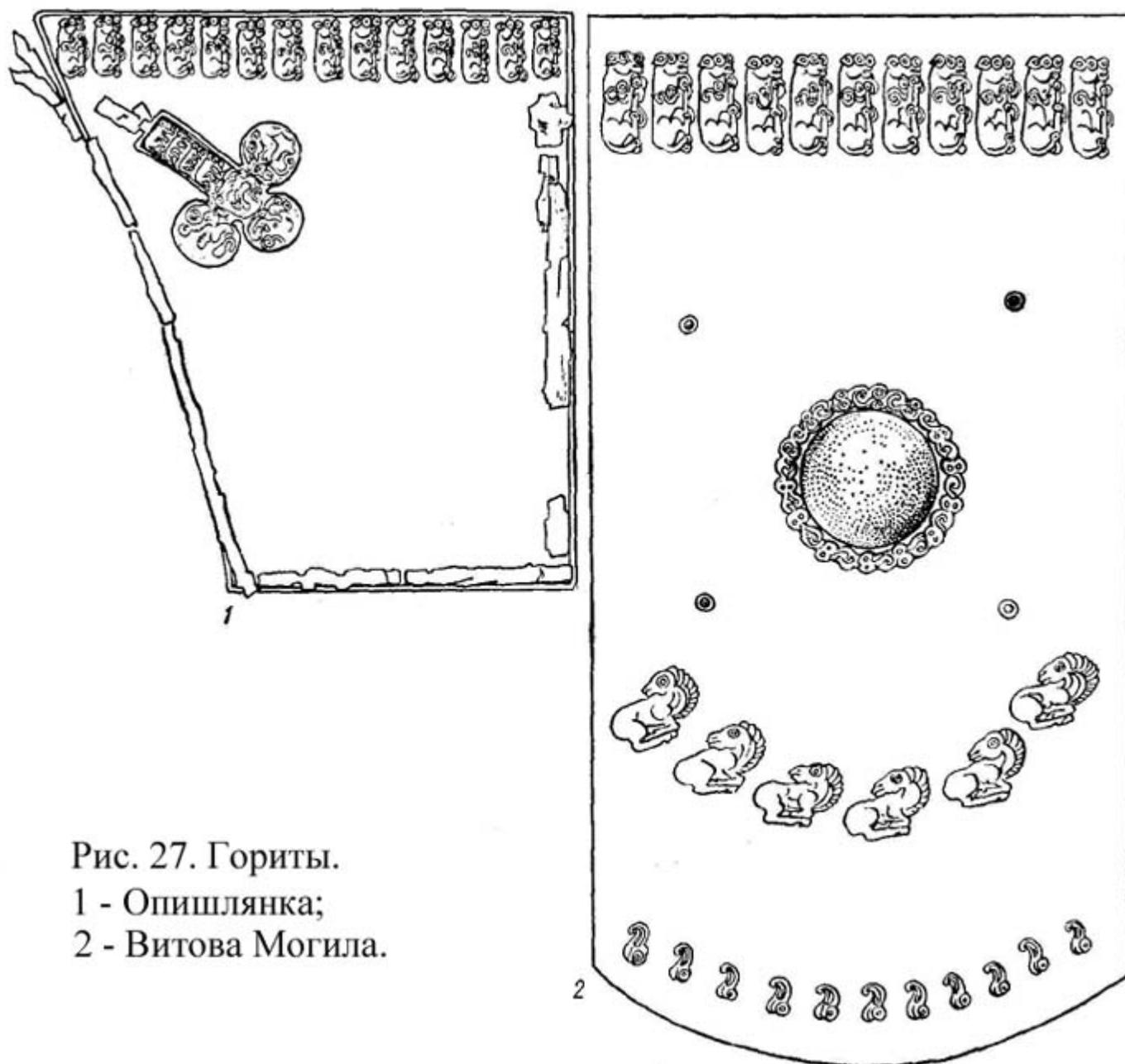

Рис. 27. Гориты.
1 - Опишлянка;
2 - Витова Могила.

Горит из Битовой Могилы был сделан из небольших дощечек толщиной около 1,25 см и покрыт кожей, окрашенной в красный цвет. Реконструирован автором раскопок в виде прямоугольника длиной 53,25 и шириной 26,5 см с закругленным нижним краем. О внутреннем устройстве горита ничего неизвестно. Лицевая поверхность богато орнаментирована золотыми пластинами разной формы и размеров. Вдоль верхнего края одна над другой помещено 11 пластин в виде пантеры, лежащей с поджатыми ногами. Уши, ноздри и глаза, переданные в виде кружков, украшены зеленой эмалью. На плечах, концах лап и хвосте — головки грифонов. Длина пластин 5 см, ширина 2,2 см (рис. 27, 2).

В центре горита находится круглая выпуклая и гладкая в средней части пластина диаметром 9,5 см. Вдоль края пластины помещены головки орлов или грифонов. На равном расстоянии от центральной пластины помещены четыре небольших круглых розетки. Ниже ее — шесть фигур горных козлов, которые лежат дугой, обращенной изгибом книзу, откинув голову с массивными ветвистыми рогами. Их фигурки напоминают скульптурные изображения животных на секире из Келермесса. Ниже фигур козлов, вдоль самого края горита, помещено 11 головок [44] грифонов или орлов, обращенных вверх. Как и козлы, они тоже лежат дугой, несколько большего диаметра, чем козлы. На обороте всех пластин находились небольшие петли для крепления на основе.⁹⁴⁾

Достоверность реконструкции размещения пластин на поверхности горита вызывает некоторые сомнения. Только на нем можно встретить неизвестное на всех остальных памятниках подобного рода различное размещение пластин по отношению друг к другу — пластины верхнего ряда (пантеры) лежат одна над другой* головами к устью горита, спинами к левой стороне горита. В расположении остальных фигур заметно отступление от обычного для скифов горизонтального размещения фигур — расположения дугой. Козлы лежат поперек горита. Головки орлов или грифонов нижнего ряда, как и фигурки пантер, обращены клювами к устью горита, но верхней частью направлены к правой стороне горита. Создается впечатление, что, реконструируя горит, старались придать форму средневекового колчана с характерным равномерно изогнутым нижним краем.

Горит из Опишлянки имел форму, расширяющуюся к устью, в разрезе овальную. Правая сторона прямая, а левая скошена. Его размеры: длина 33,5 см,* ширина в верхней части 29,2 см, в нижней — 20,3 см. Сделан из бересты, покрытой коротким черным мехом.* Для придания необходимой прочности вдоль боков и низа размещались железные стержни.

Вдоль верхнего края находилось 14 золотых пластин в виде лежащей пантеры длиной 4 и высотой 2 см, по форме, характеру орнаментации и расположению между собой и на горите достаточно близкие гориту Битовой Могилы. Они лишь короче и чуть массивнее последних (рис. 27, 1).

В левой верхней части горита помещалась бронзовая крестовидная бляха, обтянутая золотым листом.* Длина ее 11,5 см и ширина 9,5 см. Три конца бляхи круглые, четвертый, более длинный — прямоугольный, на нем помещены четыре пантеры почти такого же типа, как описанные выше, и расположенные так же. На трех остальных — изображения свернутого кольцом хищника (пантеры?), головой к центру, где находилась такая же пантера.

С помощью двух петель, находящихся в верхней и средней частях, пластина крепилась на ремне, обрывок которого сохранился в верхней части пластины. Ремень мог, очевидно, использоваться для подвешивания горита к поясу. В таком же положении изобразил его автор реконструкции. В горите было обнаружено 174 наконечника стрел.⁹⁵⁾ [45]

Вызывает сомнение правомерность помещения крестовидной бляхи на горите. К сожалению, известные сейчас подобные бляхи найдены в таких комплексах, где первоначальное расположение их не выясняется. Исключением является курган № 2 у с. Волковцы (1897 г.), где она была найдена вместе с конской уздой.⁹⁶⁾ Может быть и бляха из Опишлянки тоже связана с уздой, остатки которой известны в этом комплексе.⁹⁷⁾

Более естественным было бы подвешивание горита на ремне, пришитом к изнанке горита или к коже, примыкавшей к той части, где помещался лук, а не к карману, где находились стрелы, как это сделано на реконструкции горита из Опишлянки. На всех известных сейчас изображениях горитов ремни, на которых они висят, отходят от задней части горита или проходят через отверстия, расположенные в правом верхнем углу золотых обкладок горитов.

А. И. Мелюкова датирует комплексы Битовой Могилы и Опишлянки концом VI — началом V в. до н. э., называя найденное снаряжение лучника из Битовой Могилы колчаном, а из Опишлянки — горитом.⁹⁸⁾ Хотя, скорее всего, в обоих курганах были найдены гориты.

Интересные остатки горита были найдены в кургане № 37 у с. Бобрицы. Его обычно описывают как колчан. Горит большой — длина его доходила до 70 см. Судя по описанию, часть, где находился лук, не сохранилась. Из могилы была вынута «... та часть, где находятся стрелы (не наконечники, а стрелы. — Е. Ч.). Это деревянный ящик шириной 0,17 м, в который в несколько рядов воткнуты стрелы, остриями вниз... Украшений на колчане не было».⁹⁹⁾

Очень интересна находка из кургана № 6 у с. Пруссы (Михайловка). Это бронзовая, местами позолоченная пластина,^{*} широкая в верхней части и постепенно сужающаяся к нижнему округлому краю, покрытая невысокими рельефными изображениями. В ее верхней части, отделенной от нижней невысоким бортиком, помещена часть сцены охоты Артемиды (по мнению М. И. Ростовцева). В средней части вытиснены два грифона, стоящие на задних лапах. Между ними вдоль пластины изображены вьющиеся растения. Края, обрезанные довольно небрежно, пробиты мелкими отверстиями.

Бесспорно, что в своем нынешнем виде пластина несет следы вторичного использования — при вырезании ее повреждены некоторые изображения.

Первоначально пластина была издана как часть колчана.¹⁰⁰⁾ Это мнение поддержала А. И. Мелюкова.¹⁰¹⁾ В. Г. Петренко описывает пластину как конский налобник.¹⁰²⁾ Вряд ли можно сказать что-либо определеннее по поводу ее назначения, которое еще остается неясным.

Этими немногими данными и исчерпываются наши сведения о горитах. Об остальной части горитов, обнаруженных в погребениях, как указывалось выше, в отчетах или публикациях сохраняются лишь скудные указания на находку остатков дерева или кожи.

Из отчетов можно заключить, что обычно гориты изготавливались из дерева и кожи. Есть данные, говорящие и о применении бересты. В кургане № 13 у с. Кириковки «...сохранился остаток колчана из березовой коры, пропитанной медной окисью».¹⁰³⁾ К этому замечанию, по-видимому, следует отнестись с доверием. Кору березы нельзя спутать с какой-либо другой, а [46] пропитанная окислами она обычно сохраняется очень хорошо.

В кургане № 6 у с. Балабаны Чадыр-Лунгского р-на в Молдавии был найден «колчан-цилиндр, видимо, сделанный из бересты, остатки которой были прослежены в виде тонкого слоя тлена. Диаметр колчана более 10 см. В нем находилось более 150 стрел IV в. до н. э.»¹⁰⁴⁾ Цилиндрический колчан, изготовленный из бересты, найден в савроматском могильнике Мечет-Сай (курган № 8, погребение 5). Длина его 50 см, диаметр 14 см.¹⁰⁵⁾

Украшению горитов уделялось большое внимание. На фрагментах из кургана № 20 у Холодного Яра «...сохранились следы рисунка, наведенные красками»,¹⁰⁶⁾ горит из Старшей Могилы был «орнаментирован красками, поблекшими на воздухе».¹⁰⁷⁾ К сожалению, цвет этих красок и характер орнамента остались неизвестными. Остатки футляра для лука (горита?) из кургана № 6 в уроч. Скоробор были покрашены ярко-красной краской,¹⁰⁸⁾ а горит из кургана № 396 у с. Шуровки носил «...следы окраски в красный и ярко-синий цвета».¹⁰⁹⁾ Горит № 4 из основного погребения Толстой Могилы был окрашен красной и голубой красками.¹¹⁰⁾

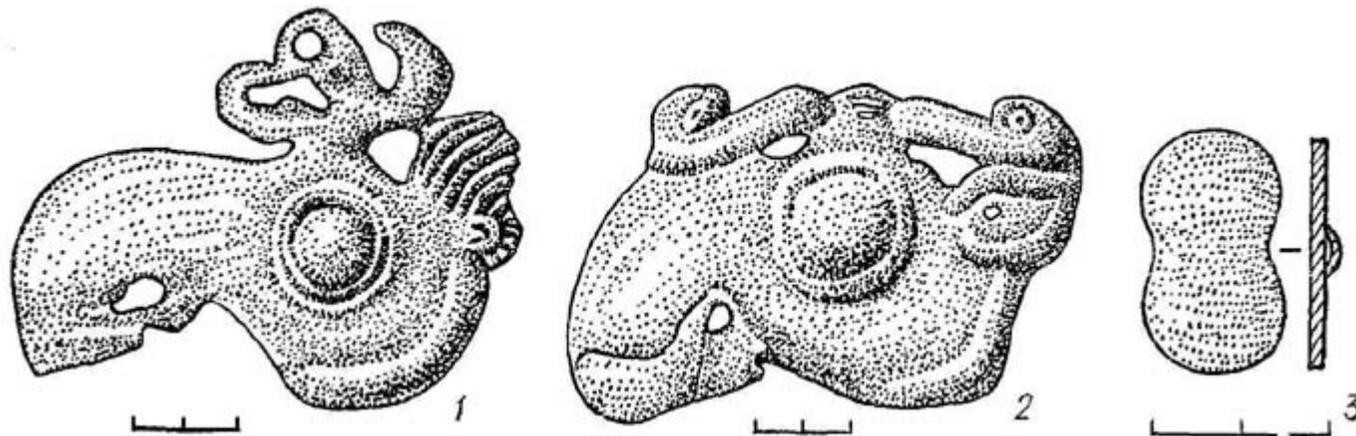

Рис. 28. Украшения горитов.

1 — Новая Розановка; 2 — Жданов; 3 — Подгородное.

Интересны гориты из погребений воинов-дружинников, выявленные в курганах у Новой Розановки и в кургане № 7 под Ждановом. Они украшены близкими по форме массивными литыми бронзовыми бляхами в виде головы лося¹¹¹⁾ (рис. 28, 1, 2). Горит из Жданова покрывала железная пластина. Сами гориты сохранились плохо и что-либо определенного об их конструкции сказать нельзя. Очевидно, к гориту следует отнести и пластину в виде головы лося из Жовнина¹¹²⁾ (рис. 29). Бронзовыми небольшими (длина 2,5 см) бляхами восьмеркообразной формы был украшен горит из кургана № 3 у с. Подгородное под Днепропетровском. На нем было найдено 28 таких бляшек с петлей на обороте. К сожалению, горит сохранился плохо и систему расположения бляшек установить не удалось (рис. 28, 5).¹¹³⁾

Сравнительно неплохо сохранился колчан или горит из кургана № 5 у с. Булгаково (раскопки О. Г. Шапошниковой на Николаевщине). Он был сделан из кожи. С декоративной целью в коже были прорезаны небольшие отверстия. К сожалению, эта находка еще не издана и поэтому в полном объеме не может быть использована в данной работе.

Гориты V в. до н. э.

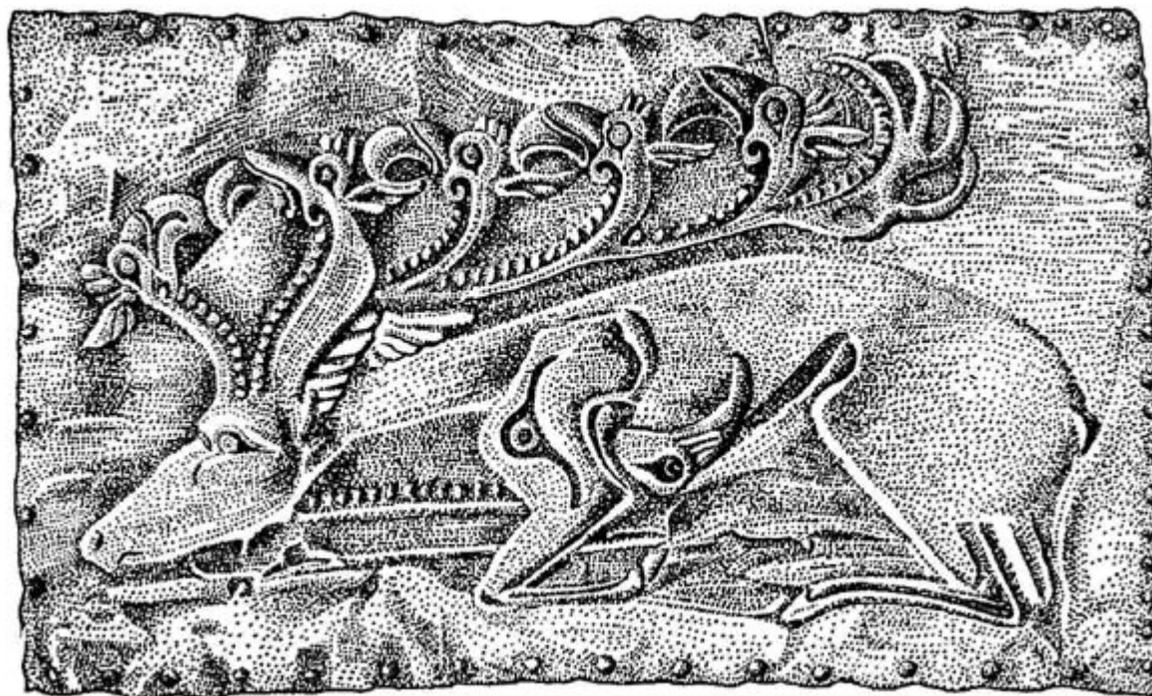
Серия горитов этого времени в основном состоит из экземпляров, конструкция которых не поддается точному восстановлению. От них сохранились лишь металлические детали, сделанные из золота и серебра. [47]

В 1883—1885 гг. роменский помещик С. А. Мазараки у с. Аксютинцы раскопал большой курган № 2. В впускном погребении кургана у тазовых костей погребенного находилась «...большая золотая доска с изображением оленя, под которой лежала куча бронзовых стрел».¹¹⁴⁾ В настоящее время пластина утеряна и известна лишь по рисунку в публикации (рис. 30). Золотая пластина имеет прямоугольную форму размером около 24 X 14 см. Вдоль края пластины пробиты небольшие отверстия, в которых сохранилось много золотых небольших гвоздиков с круглыми шляпками. На пластине выбито изображение лежащего оленя с поджатыми ногами. Правая передняя нога вытянута вперед и на ней лежит голова, украшенная большими ветвистыми рогами в виде сильно стилизованных головок орлов или грифонов. Орлиными головками украшено и плечо левой передней ноги. В. А. Ильинская права, полагая, что эта пластина относилась к гориту, а не к колчану. «На возможность существования покрытия горита такой формы указывает находка золотой прямоугольной пластины с изображением оленей и пантер в Келермесском кургане».¹¹⁵⁾ Более подробно о Келермесской пластине и горите в целом и о возможном варианте реконструкции горитов из Келермесса и Аксютинцев будет идти речь ниже.

Рис. 29. Украшение горита (?) из Жовнино.

В Золотом кургане под Симферополем Н. И. Веселовский в 1890 г. раскопал интересное погребение.¹¹⁶⁾ Слева от погребенного лежал «колчан», покрытый серебряной пластиной. Судя по ее рисунку на плане погребения, он имел вытянутую форму, слегка [48] расширяясь вверху и сужаясь книзу. Вдоль верхнего края пластина была украшена четырьмя овалами. Судя по масштабу, пластина имела длину до 40 см, ширину до 15 см. Над пластиной лежала бронзовая «рельефная фигурка хищника (львицы?) со скульптурной головой, повернутой в фас. С лицевой стороны туловище зверя обернуто золотым листком с напаянными из проволоки миндалевидными гнездами для цветных вставок. На обороте — массивное ушко. Длина 8,8 см»¹¹⁷⁾ (рис. 31). Предвидя возможные сомнения о связи этой фигурки с колчаном или горитом, Н. И. Веселовский писал: «Отнести ее к конской сбруе нельзя, так как никаких признаков такой сбруи и не оказалось. Эта львица находилась у отверстия колчана, который сейчас же и следовал до самых ступней покойника. Колчан был сделан из дерева, обтянут кожей и украшен серебряной бляхой. В нем оказалось и 180 бронзовых стрел».¹¹⁸⁾

Рис. 30. Золотая пластина от горита из Аксютинцев.

Очевидно, в этом кургане был горит, а не лук с колчаном, и серебряная пластина покрывала только ту часть, где помещались стрелы. В пользу этого свидетельствуют и остатки дерева от лука (?), находящиеся рядом. Правда, не следует исключать возможность связи дерева с конструкцией горита.

В кургане № 27 у с. Куриловка (погребение 2) деревянный колчан или горит был покрыт тонкой железной пластиной. Ее форма и размеры, к сожалению, не были указаны.^{[119\)](#)}

В кургане № 1 у с. Ильичево на Керченском п-ове в разрушенном погребении было найдено несколько золотых предметов V в. до н. э. Среди них выделяются две золотые пластины: одна — орнаментированная, прямоугольная размером 10 X 12,5 см, и продолговатая гладкая с прямым верхним и округлым нижним краем размером 23,5 X 12,5 см. Безусловно, обе пластины являются частями одного и того же предмета. В центре прямоугольной пластины помещена сложная многофигурная композиция со сценой терзания [49] оленя орлом, пантерой

и змеей. Публикуя эту находку, А. М. Лесков считал ее частью декора колчана.¹²⁰ Так же описывает ее и И. В. Яценко.¹²¹ Однако эти пластины, как и описанные выше металлические предметы из Золотого кургана, будет вернее связывать с горитами, чем с колчанами (рис. 32). Необходимо остановиться на одном очень важном вопросе — возможности только на основании найденных в погребении стрел, их общего количества и ширины полосы, которой они лежали, определить, где они находились — в колчане или горите. Попытку разрешить этот вопрос сделала В. А. Ильинская. Собрав данные о количестве стрел в 10-15 колчанах или горитах, она пришла к выводу, что «в колчанах наконечники стрел лежат обычно компактно в несколько рядов шириной 10-12 см... Количество наконечников в составе одного набора в пределах 50 и немногим более того ...не случайно, оно соответствует размерам скифского колчана. В том случае, когда стрелы находились в горите, число их было значительно большим (до 100 и более) и лежат они широкой полосой».¹²² Однако вряд ли это так.

Рис. 31. Украшение горита из Золотого кургана.

С абсолютной достоверностью о присутствии в погребении горита можно говорить лишь в тех немногих случаях, когда он имел золотую или серебряную обкладку. К их числу, прежде всего, следует отнести горит из Солохи, гориты чертомлыкской и карагодеуашхской серий. Приведем имеющиеся [50] данные о количестве наконечников стрел в них. В горите из Солохи было 180 наконечников,¹²³⁾ в ильинецком — 154 (142 бронзовых и 12 костяных),¹²⁴⁾ в пятибратнем — 108,¹²⁵⁾ в мелитопольском — около 70,¹²⁶⁾ в чертомлыкском — около 50-60,¹²⁷⁾ в карагодеуашхском — около 50.¹²⁸⁾ Из этого перечня можно сделать очень важный вывод, что даже в горитах, близких по типу или даже совершенно одинаковых, число стрел было разным и колебалось в больших пределах — от 50-70 до 180, хотя вместимость кармана для стрел (во всяком случае, для горитов одной серии) в однотипных горитах была близкой, если даже не равной. Следовательно, в погребения (даже царские) не всегда ложили полностью укомплектованные гориты. В Мелитопольском горите размер блока стрел, таким образом, практически не отличался от размера блока стрел из колчана (по мнению В. А. Ильинской), обнаруженного у Капуловки, Люберцев, Крячковки и др.¹²⁹⁾

Определить тип по размерам металлической обкладки футляра с абсолютной уверенностью и точностью нельзя. Золотая пластина из Ильичевского кургана шириной 12 см не дает основания говорить о ее связи с колчаном.¹³⁰⁾ Характерно, что серебряная пластина из Золотого кургана, близкая по размерам ильичевской, украшала карман горита, в котором было около 180 наконечников.¹³¹⁾

Рис. 32. Золотые пластины от горита из Ильичеве.

Сейчас мы не можем с абсолютной уверенностью говорить о том или ином типе футляров для одних только стрел — колчане, или футляре, в котором были и лук и стрелы — горите, по находкам в погребениях их остатков. Есть основание считать, что основным типом приспособлений, применявшихся для ношения стрел и лука, был горит. Во всяком случае, в тех погребениях, где был один набор стрел, скорее всего был положен именно горит. В пользу мнения о преимущественном распространении в скифской воинской среде горитов убедительно свидетельствует то, что на всех предметах торевтики изображен именно этот вид воинского снаряжения. Очевидно, не права А. И. Мелюкова, увидев у одного из скифов на чертомлыкской вазе и на бляшке с фигурой скифа из Куль-Обы колчаны.¹³² Безусловно, на них изображены [51] гориты, из которых вынуты луки. Хорошо заметны характерное для горитов расширение, особенно четко выраженное у левого края, и прямоугольный или треугольный клапан, закрывавший карман для стрел (рис. 33, 34). Нет изображений колчанов и на каменных изваяниях. На них воспроизведены только гориты.

Рис. 33. Изображения скифов с горитами на чертомлыкской вазе. [52]

А. И. Мелюкова выдвинула предположение о существовании у скифов горита, предназначенного только для ношения лука. Это было сделано на основании изображения зачехленного горита у одного из скифов чертомлыкской вазы.¹³³ Очевидно, это не так. Здесь, скорее всего, показана интересная и рациональная форма горита, в котором особым клапаном был закрыт не только карман для стрел, но и весь лук. Э. Миннз считал гориты скифской особенностью.¹³⁴ То же мнение высказывал и Б. В. Фармаковский.

Сказанное выше ни в коем случае не следует рассматривать как полное отрицание возможности существования в Скифии колчанов. Речь шла только о том, что выделить их из остальной массы наборов едва ли возможно при нынешнем состоянии источников. Может быть, в тех случаях, когда в погребениях количество колчаных наборов превышает минимум (один колчан), какая-то часть является остатками колчанов. Не исключено, что колчаны были среди 16 наборов Пятибратнего кургана,¹³⁵⁾ четырех наборов из основного погребения Толстой Могилы.¹³⁶⁾

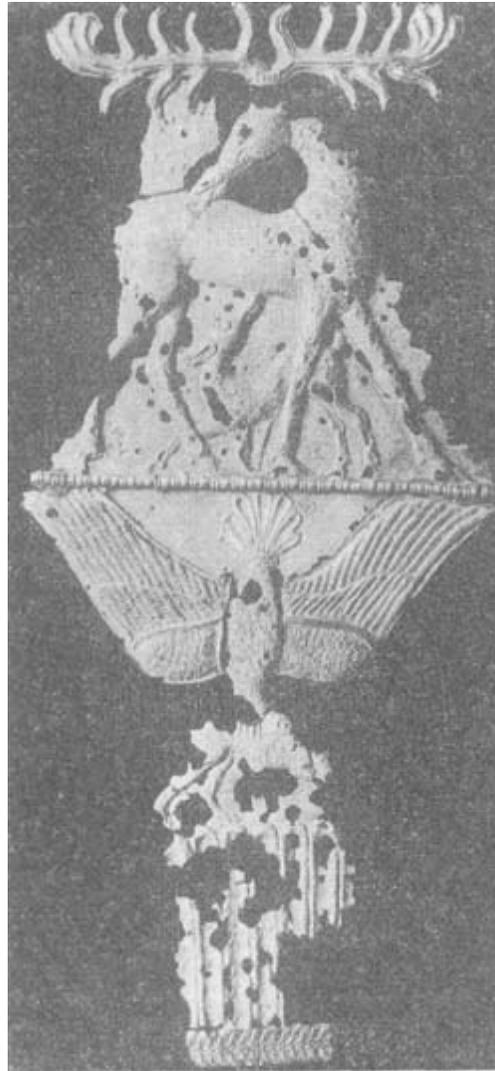
Большой интерес представляют данные, полученные при раскопках Е. А. Зноско-Боровского могильника у с. Бобрицы, где в кургане № 31 был найден деревянный «колчан» и в небольшом кожаном мешочке при нем еще 14 наконечников стрел. В кургане № 32 того же могильника помимо большого набора, был найден еще «...маленький кожаный треугольный мешочек с четырьмя бронзовыми стрелами».¹³⁷⁾ На этом основании автор раскопок предположил, что большой «колчан» был магазином воина, а маленький — запасом для расхода. Мнение Е. А. Зноско-Боровского поддержала А. И. Мелюкова, написав, что «это предположение Е. А. Зноско-Боровского кажется вполне приемлемым не только для данного случая, но и вообще для всего скифского военного обихода. Воину было удобнее носить при себе небольшое количество стрел, тогда как запасные стрелы в колчане-магазине могли быть прикреплены к седлу лошади, как это, вероятно, было в погребении с конем в Александропольском кургане».¹³⁸⁾

Рис. 34. Изображение скифа с горитом на бляшке из Куль-Обы.

Очевидно, так оно и было. Но делать такой вывод на основании материалов из Бобрицы нельзя. Скорее всего, в этих курганах дело обстояло как раз наоборот. Основными были колчаны, названные А. И. Мелюковой «магазинами», [53] а запасными — небольшие кожаные мешочки. Причем в последних лежали, очевидно, не сами стрелы, а лишь их наконечники. Вспомним четкое указание Е. А. Зноско-Боровского на

«...*маленький* кожаный треугольный *мешочек* (курсив мой. — Е. Ч.) с 4 бронзовыми стрелами». Трудно поверить, что в нем могли поместиться наконечники вместе с древками.

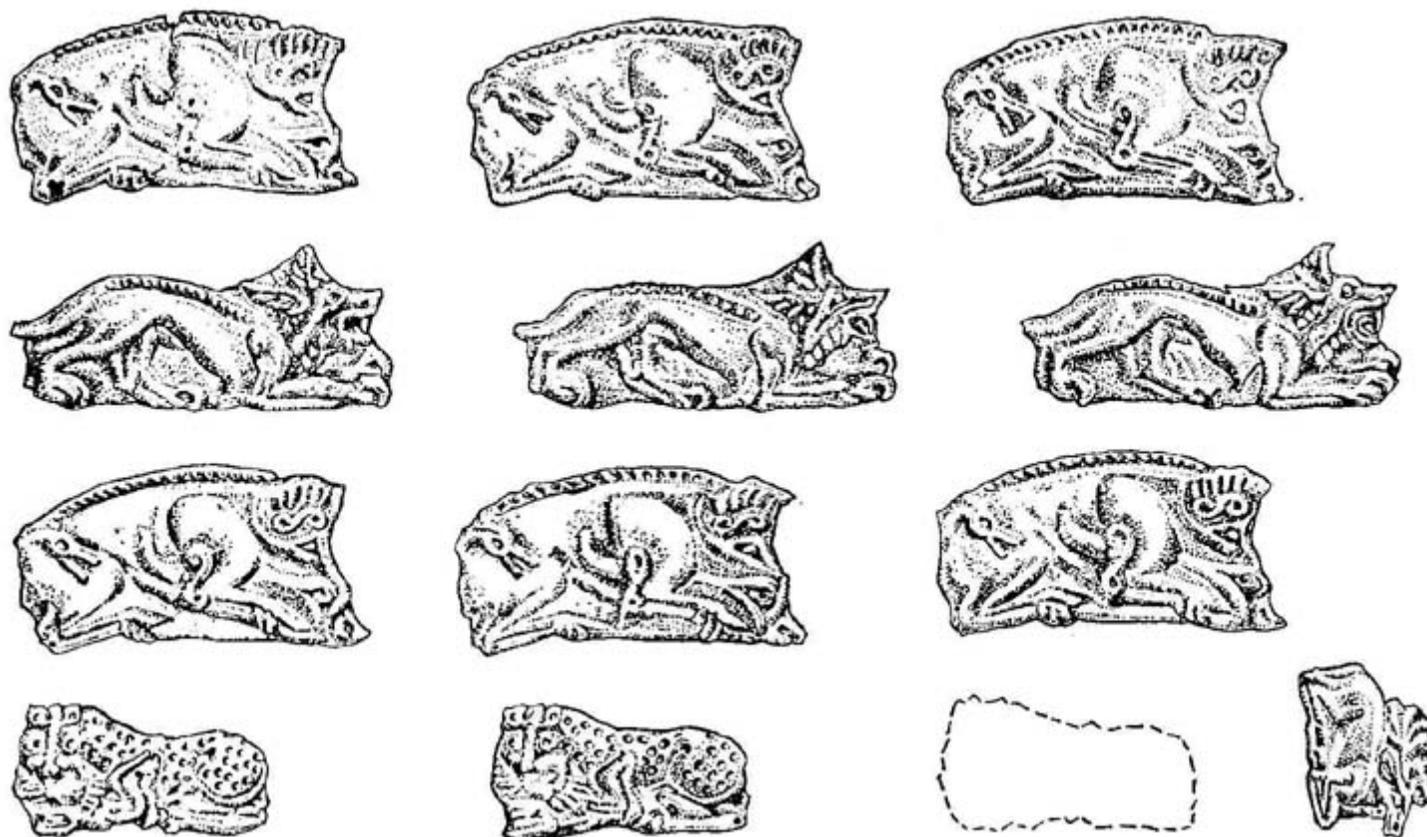
Рис. 35. Пластина от горита из Семибратнего кургана.

Продолжим рассмотрение горитов V в. до н. э. Интересный горит известен из второго Семибратнего кургана. На груди погребенного лежала серебряная, местами покрытая золотой фольгой пластина высотой 34,3 см. По вертикали пластина четко делится на две части.¹³⁹⁾ В верхней помещена выполненная в довольно высоком рельефе фигура оленя с ветвистыми рогами. Между ногами стоит олененок с слегка подогнутыми передними ногами и поднятой вверх головой. Нижняя часть пластины отделена от верхней рубчатой золотой полосой и в ней же находится рельефный орел с симметрично развернутыми крыльями и хвостом в виде пальметки. Крылья и хвост плакированы золотом (рис. 35).

Вслед за описавшим эту находку Л. Стефани, И. Толстов, Н. Кондаков и М. И. Артамонов считали эту пластину нагрудным украшением панциря.¹⁴⁰⁾ Это не так хотя бы потому, что она была найдена далеко от остатков панциря, вблизи от наконечников стрел. Против мнения о связи ее с панцирем говорят и ее значительные размеры. Укрепленная на подвижной основе наборного доспеха пластина из хрупкого серебра неминуемо была бы разрушена при первом же одевании панциря. Безусловно, она могла сохраниться только на жесткой основе,¹⁴¹⁾ какой могла быть верхняя доска горита. Размеры обычного горита это позволяют. Первой мнение о связи этой пластины с горитом высказала А. П. Манцевич.¹⁴²⁾ Однако, исследуя оружие из Семибратних курганов, удалось проследить ее связь с колчаном.¹⁴³⁾

Нельзя согласиться с мнением Б. Н. Гракова о связи этой пластины со щитом.¹⁴⁴⁾ Изображения, помещавшиеся на щиты греческих типов, хорошо известны. Как правило, это крупные и хорошо заметные изображения одиночных животных, птиц, рыб, сосудов или букв. Ничего подобного нет ни на одном из сотен щитов, известных в вазовой живописи. [54]

В 1969 г. А. М. Лесков раскопал курган № 5 у с. Архангельская Слобода Каховского р-на Херсонской обл. В нем было выявлено богатое погребение воина. Среди прочего оружия там находилось три колчанных набора (166, 165 и 150 наконечников). Вместе с набором из 150 наконечников находилось несколько золотых пластин, украшавших горит. С тыльной стороны лежало шесть золотых пластин, лежащих в два ряда. В верхнем ряду находилось три совершенно одинаковых пластины в виде дикого кабана длиной 8,5 см. Прямо под кабанами помещались три пластины в виде лежащих пантер, которые держат во рту головы людей, ухватив их за лицо. Первоначально их было, по-видимому, три, после того как одна была потеряна еще при жизни погребенного (мнение автора раскопок). Длина каждой 6,6 см. Пластины лежат вдоль горита. Лишь одна, в виде лежащего оленя (длина 4,5 см), находилась поперек горита над рядом, составленным из пластин в виде пантеры, чуть выше утерянной пластины (рис. 36).

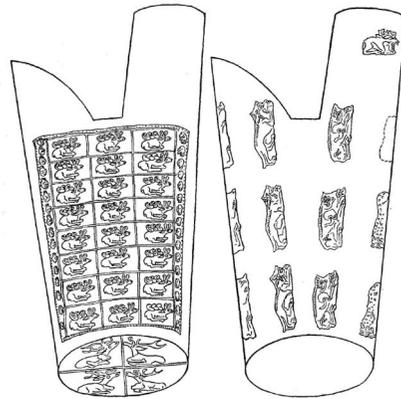
Рис. 36. Пластины от горита из Архангельской Слободы

На лицевой стороне горита находились два ряда — по три в каждом. Верхний в виде дикого кабана, абсолютно аналогичный описанным выше, а нижний — бегущей собаки (длина 9,5 см). Автор находки не объяснил причину наличия золотых пластин на оборотной стороне футляра и описал его как колчан, крышку которого украшала пластинка с оленем.¹⁴⁵⁾

Очевидно, можно предложить другой вариант реконструкции. Скорее всего, здесь был найден горит, подобный гориту из Келермесса и кургана Пастака¹⁴⁶⁾ (подробно они будут описаны ниже). Горит имел круглое дно диаметром 12-15 см. Поверхность его поэтому была выпуклая и при разрушении горита, после того как истлел его каркас или на него упала глина со свода могилы, пластины, находящиеся на

краях горита, упали вниз лицевой стороной. Пластина в виде оленя, очевидно, не украшала крышку, а помещалась [55] в правом верхнем углу горита, там, где на горите Пастака был прямоугольный выступ (рис. 37, 2).

Расстояние между пластиной в виде оленя и пластинами, находящимися внизу горита, около 38 см. Таким образом, размер украшенной пластинами части горита из Архангельской Слободы приближался, по-видимому, к размеру золотых пластин из однотипных горитов из Келермесса и Пастака (длина соответственно 40,5 и 35 см).

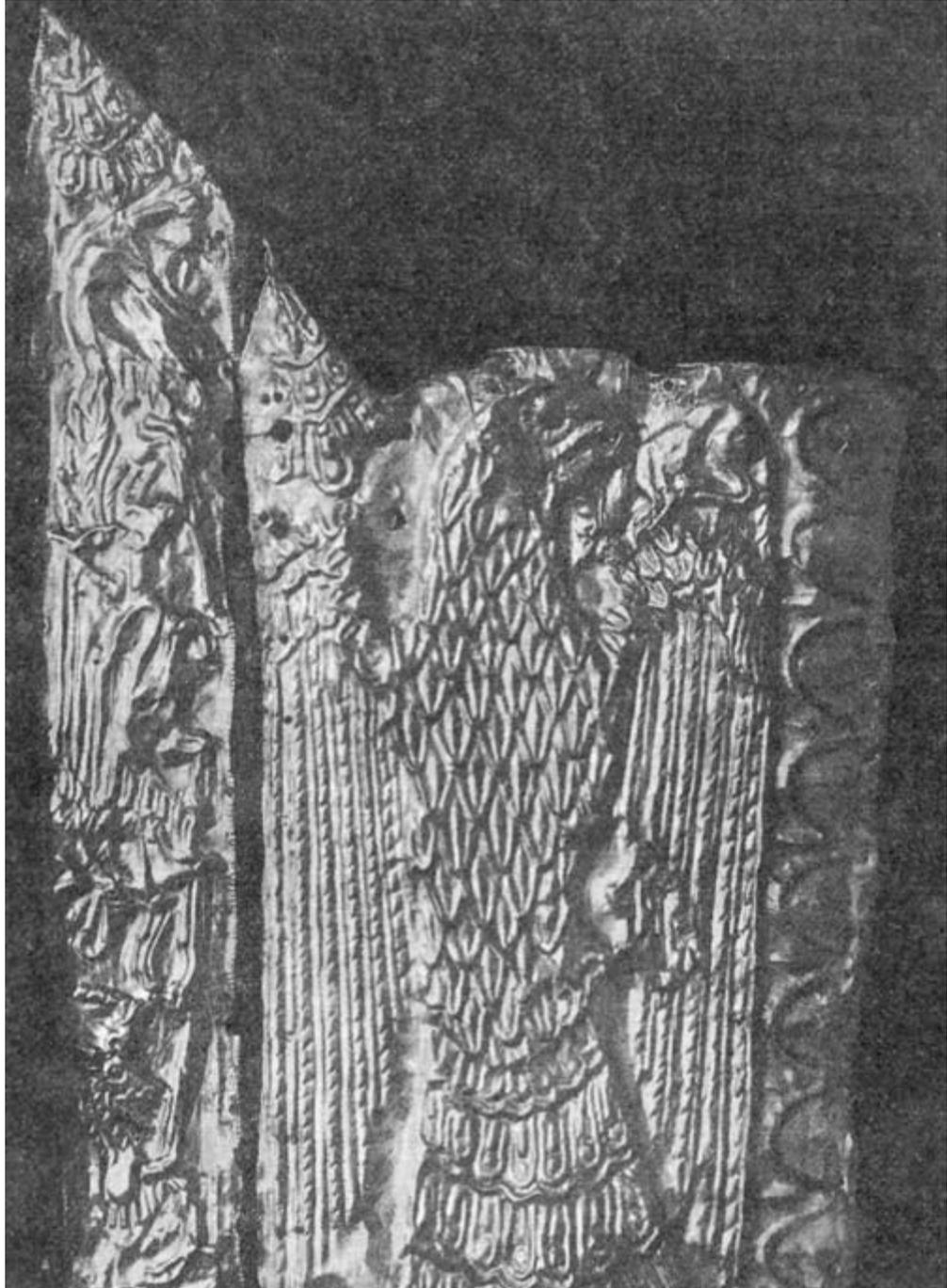

Рис. 37. Гориты.

1 — Келермесс; 2 — Архангельская Слобода (реконструкции).

В. Г. Петренко, характеризуя колчаны, происходящие с Днепровского Правобережья, предположительно отнесла к их украшениям золотые штампованные пластинки с изображением орла-грифона и уток из курганов № 4 и 5 у с. Берестяги.¹⁴⁷⁾ В действительности они относятся к деревянным сосудам и не имеют к оружию никакого отношения.

Горит с 250 (?) наконечниками стрел был обнаружен в кургане № 1 у с. Вол-[56]

Рис. 38. Золотые пластины горита из кургана Пастака. [57]

ковцы при раскопках С. А. Мазараки в 1898 г. Его лицевая сторона была украшена пятью* золотыми пластинками. Одна изображала льва, другая — растительный орнамент, три — сцены борьбы хищных зверей.¹⁴⁸⁾ На плане погребения видно, что пластины размещались в два ряда — по три в верхнем ряду и две в нижнем. К сожалению, взаимное расположение пластин, форма и размеры горита остались невыясненными. На плане он имеет форму, близкую к треугольной.

В 1892 г. Н. И. Веселовский недалеко от Симферополя раскопал курган на территории бывшего имения Пастака в местности Дорт-Оба. В литературе он называется по-разному — курган Пастака или Дорт-Оба.¹⁴⁹⁾ Вслед за А. И. Мелюковой, будем называть его курганом Пастака.¹⁵⁰⁾ В отчете о раскопках Н. И. Веселовский писал: «У левой стены возле тазовых костей лежал кожаный колчан, покрытый золотыми тисненными пластинами... Колчан был полон стрел, лежавших совершенно правильно, с древками. Тут же оказался золотой круг (может быть от пояса) с чеканным неясным изображением каких-то рогатых животных».¹⁵¹⁾

Об устройстве горита, кроме указания Н. И. Веселовского об изготовлении его из кожи, ничего определенного неизвестно. Золотое покрытие горита состоит из четырех пластин (рис. 38). Три украшали лицевую часть горита, одна — дно. Все орнаментированы. Центральной является прямоугольная пластина, несколько сужающаяся книзу, размером 27 * 16,5 см. М. И. Артамонов считал, что на ней изображен орел с опущенными крыльями.¹⁵²⁾ С этим можно не согласиться. Скорее всего, орел летит, выпустив когти и зажав в клюве зайца. Поза орла напоминает изображение летящих орлов на вазовой живописи и на щитах гоплитов. Аналогией ему может быть орел, украшавший щит из Красномаяцкого могильника в Абхазии.¹⁵³⁾ Орел на горите отличается лишь более плотной компоновкой тела и крыльев, прижатых к нему и заполняющих все поле пластины. Перья, покрывающие тело орла, заострены, на хвосте закруглены, маховые имеют вид продолговатых параллельных полос, расчлененных насечками. Над головой орла помещена часть розетки, под ним проходит полоса, состоящая из чередующихся овалов и черточек.

Композиция пластины горизонтальная, а не вертикальная. В пользу этого свидетельствует и положение зайца, висящего в клюве, вполне естественное и понятное, если орел летит, и неестественное, если бы птица (как полагал М. И. Артамонов) опустила крылья. Забегая вперед, отметим, что на всех парадных горитах этого типа изображения на центральной части расположены по горизонтали, а не вертикали.

Над орлом, с левой стороны горита помещена продолговатая, прямоугольная и скошенная в верхней части пластина длиной 35 и шириной 5,5 см. Она примыкала к большой пластине вплотную так, что заостренный выступ в правом верхнем углу большой пластины плавно переходит в срезанный угол узкой части, создавая впечатление, что две пластины выглядят одной целой, вдоль которой расположены животные — грифон и преследующий его лев справа бегут навстречу какому-то рогатому зверю. В правом остром углу пластины помещена часть розетки, аналогичная находящейся на большой пластине. Все изображения на этой части золотого покрытия горита проработаны нечетко.

К большой пластине со стороны головы орла примыкала прямоугольная* [58]

Рис. 39. Золотая пластина горита из кургана Пастака. [59]

Рис. 40. Золотая пластина горита из Келермесса. [60]

пластина размером 18 * 11 см. Всю пластину занимает изображение идущего на слегка согнутых лапах крылатого львиного грифона с повернутой назад головой (рис. 39).

Вдоль краев пластин пробиты мелкие отверстия для крепления ее на основе. Помимо этих отверстий, небрежно пробито еще несколько отверстий большего диаметра — у головы и крыльев грифона на большой пластине и на крыльях на малой.

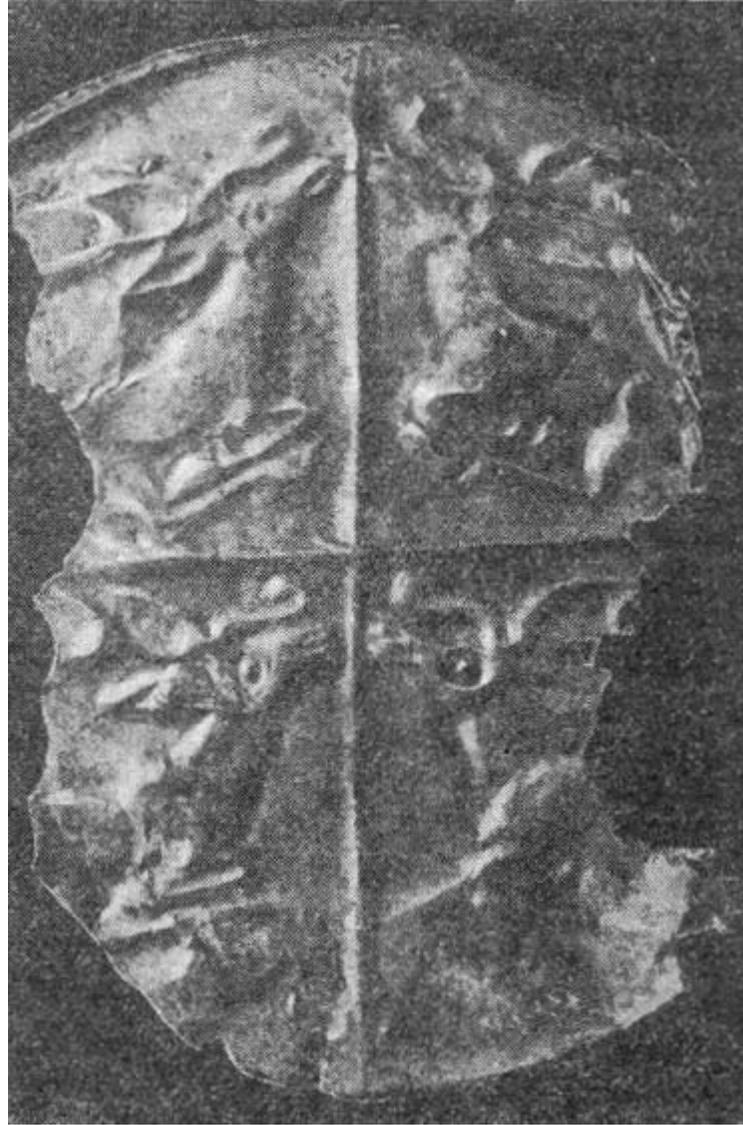
Особенностью этого горита было наличие круглого дна. Круглая пластина диаметром около 12 см украшена сильно стилизованной мордой льва. Вдоль края ее проходит полоса из точек выпуклого орнамента, среди которого находятся мелкие отверстия.

Наружные края всех пластин на несколько миллиметров загнуты внутрь. При компоновке всех пластин на основе хорошо видна общая форма горита в виде несколько расширяющегося кверху прямоугольника с вырезом в левой верхней части, оформленным таким образом, что здесь получался заостренный выступ и прямоугольный вырез в том месте, где находился карман для стрел.

Эта форма горита становится типичной для серии парадных горитов IV в. до н. э. Горит из кургана Пастака, относящийся к V в. до н. э., является древнейшим достоверным образцом таких горитов. Однако есть данные, позволяющие ставить вопрос о формировании горитов

этого типа уже в самом начале VI в. до н. э. Основанием для такого предположения может быть пластина из кургана № 4 у Келермесса. Ее связь с горитом установил еще М. И. Ростовцев¹⁵⁴⁾ и его поддержали А. И. Мелюкова и М. И. Артамонов.¹⁵⁵⁾

Большая прямоугольная золотая пластина размером 40,5 * 22,2 см была окружена мелкими отверстиями, пробитыми пробойником по периметру у самого края. Поверхность пластины орнаментирована. Изнутри острием она разделена на 24 почти равных по размеру квадрата (по три в каждом из 8 рядов). В центре каждого помещено изображение лежащего оленя с чуть приподнятой головой. Могучие рога лежат на спине. Олень выбит одним и тем же штампом. Но качество оттисков различно. Некоторые экземпляры выдавлены более тщательно, на других не проработаны все детали (рис. 40).

Рис. 41. Дно горита из Келермесса.

По бокам пластины одним штампом выбиты изображения пантеры с опущенной головой, по 16 с каждой из сторон. Ближайшими аналогиями им могут быть пантеры на Келермесском зеркале и бляшках Ульского кургана. Спинами они обращены к наружному краю пластины. Пантеры, находящиеся на левой стороне зеркала, повернуты [61] головами вверх, а на противоположной стороне — вниз.

В том же кургане (№ 4) найдена фрагментированная круглая золотая пластина диаметром 12,6 см.¹⁵⁶⁾ Продавленными изнутри прямыми линиями, пересекающимися под прямым углом, пластина делится на четыре сектора. В каждом из них помещено по одному лежащему оленю (рис. 41). Олени образуют пары, обращенные мордами одна к другой. Края пластины слегка загнуты внутрь. Большая часть края обломана, поэтому способ крепления ее неясен. У этой пластины есть ряд особенностей, сближающих ее с описанной выше, — деление поля обеих пластин пересекающимися полосами на зоны и помещение в них по одному изображению одного и того же животного (оленя). Одинакова и техника нанесения полос, делящих пластину на зоны, и фигур оленей на обеих пластинах.

Предположительно связать круглую пластину из кургана № 4 с горитом и предложить вариант его реконструкции позволила находка хорошо сохранившегося горита в кургане Пастака. Подробно об этом парадном горите речь шла выше. Здесь ограничимся лишь напоминанием того, что на горите из Крыма дно круглое, близки размеры круглых пластин на дне горита (12,6 см в Келермессе, 11,7 см в Крыму).

Очевидно, горит из Келермесса, как и горит из кургана Пастака, имел круглое дно, в верхней части в разрезе овальный. Большая прямоугольная пластина украшала лицевую часть горита (37, 1).

Если мое предположение о том, (что) не только горит Пастака, но и другие гориты V в. до н. э. имели круглое дно, окажется верным (безусловная правота может быть подтверждена будущими находками), то можно будет связывать с горитами еще одну интересную группу находок из комплексов V в. до н. э.

В. Г. Петренко¹⁵⁷⁾ обратила внимание на возможную связь с колчаном золотого предмета в виде усеченного конуса из кургана № 400 у с. Журовки, найденного «подле колчана со стрелами».¹⁵⁸⁾ Нашедший его А. А. Бобринский писал, что он был «...сильно сдавленный тяжестью земли». Интересно, что края аналогичного «конуса» из Острой Томаковской Могилы оказались тоже сильно сдавленными. Какой вид имели края аналогичного предмета из кургана у с. Ильичево, установить сейчас уже нельзя.¹⁵⁹⁾ Такая же находка происходит из кургана у г. Арциз Одесской обл.¹⁶⁰⁾ Может быть, «конусы» украшали нижнюю часть горитов или колчанов. Характерно, что вместе с нею в кургане у с. Ильичево найдена золотая обкладка, очевидно, покрывавшая карман для стрел у горита. У с. Журовки, как уже указывалось выше, рядом лежали наконечники стрел, а в кургане у Арциза этот предмет лежал вместе с оружием.¹⁶¹⁾

Связь подобных «конусов» с оружием убедительно подтвердила и последняя находка в кургане № 6 у с. Александровка Новомосковского р-на Днепропетровской обл.¹⁶²⁾ В тайнике рядом с парадным мечом лежал массивный золотой «конус». Интересно, что он, как и остальные,

был найден со слегка сжатыми краями. Эту деформацию никак нельзя объяснить давлением земли, заполнявшей могилу. Предмет из Александровки сделан из очень толстого золотого листа и не мог быть деформирован лишь давлением грунта. Безусловно, в этом кургане мы имеем дело с преднамеренной деформацией, придавшей предмету желаемую уплощенную форму. Следует отметить, что этот предмет был найден без сопровождения наконечников стрел. Поэтому окончательное определение его назначения как и всей серии однотипных вещей, относящихся к V в. до н. э., к сожалению, по-прежнему остается невозможным. [62]

[Назад](#) [К оглавлению](#) [Дальше](#)

- ¹⁾ Маврикий. Тактика и стратегия, Спб., 1903, с. 15.
- ²⁾ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 334.
- ³⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 32-34.
- ⁴⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 96-98.
- ⁵⁾ Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі, с. 143-146.
- ⁶⁾ Смела, т. 3, с. 113.
- ⁷⁾ Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зенковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. — Труды XIV АС, 1911, т. 3, с. 141.
- ⁸⁾ ИАК, 1905, вып. 14, с. 11.
- ⁹⁾ ИАК, 1914, вып. 54, с. 101.
- ¹⁰⁾ Березовець Д. Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут, с. 72.
- ¹¹⁾ Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы, с. 152; Мозолевський Б. М. Указ. соч., с. 177.
- ¹²⁾ Мозолевский Б. Н. Скифский курган у с. Ерковцы. — В кн.: Скифский мир, с. 213.

- ¹³⁾ *Бородулин В. Г.* Исследования на территории [154] Харьковской области. — АО 1976 г. М., 1977, с. 272.
- ¹⁴⁾ *Мозолевский Б. Н.* Скифский курган у с. Ерковцы, с. 213.
- ¹⁵⁾ Смела, т. 2, с. 162-163.
- ¹⁶⁾ *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы, с. 153-154.
- ¹⁷⁾ *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1962, с. 68.
- ¹⁸⁾ *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., Ковалев Н. В. и др.* Раскопки большого скифского кургана в Приазовье. — АО 1978 г. М., 1979, с. 419.
- ¹⁹⁾ *Придик Е.* Мельгуновский клад. — МАР, 1911, № 31, с. 20, рис. 13.
- ²⁰⁾ Там же, с. 20, рис. 14.
- ²¹⁾ ОАК за 1897 г. Спб., 1900, с. 13.
- ²²⁾ ОАК за 1898 г. Спб., 1901, с. 30, рис. 42.
- ²³⁾ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 334.
- ²⁴⁾ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 33.
- ²⁵⁾ *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. — В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 31-64.
- ²⁶⁾ *Бессонова С. С., Раевский Д. С.* Золота пластина из Сахшвки. — Археологія, 1977, 21, рис. 3; *Черненко Е. В., Клочко В. И.* О подлинности пластины из Сахновки. — СА, 1979, № 4.

* Наличие застёжки на горитах, изображенных на пластине из Сахновки, является одним из решающих доводов в пользу ее подлинности. К моменту находки в 1901 г. не было известно изображений застёжек на горитах. Все известные до того времени на предметах торевтики гориты не имели застёжек. У них отсутствовали клапаны, закрывавшие верхнюю часть карманов для стрел. Застёжка на горитах из Сахновки

не имеет аналогий на предметах торевтики. Такая же застежка воспроизведена только на горите стелы из Терновки, ставшей известной лишь в 1955 г. (*Елагина Н. Г.* Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. — СА, 1959, № 2, с. 193, рис. 8, 1).

* В. И. Клочко определяет длину горита из этого погребения в 63-65 см (*Клочко В. И.* Новые данные..., с. 51).

* Об окраске кожи, из которой были изготовлены гориты, см. ниже.

²⁷⁾ *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле, с. 109, рис. 8, 4.

²⁸⁾ *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 149; *Іллінська В. А.*, Из неопублікованих матеріалів..., с. 151-152; *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., с. 104-105.

²⁹⁾ *Іллінська В. А.*, Из неопублікованих матеріалів..., с. 151, рис. 2, 1, 7.

³⁰⁾ *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 149, табл. I, II, 21.

³¹⁾ Смела, т. 3, табл. VIII, 9.

³²⁾ Смела, т. 2, табл. XIV. 2-4.

³³⁾ ИАК, вып. 17, с. 88.

³⁴⁾ *Sulimirski T.* Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936, s. 27, tabl. X, h-K.

³⁵⁾ ЖРБ, с. 139.

³⁶⁾ *Городцов В. А.* Дневник раскопок..., табл. 3, 35-36.

³⁷⁾ *Смирнова Г. И.* Курганы у с. Перебыковцы. — В кн.: Труды Государственного Эрмитажа, 1979, т. 20, с. 48, рис. 10, 16-20.

³⁸⁾ *Ковпаненко Г. Т.* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье. — В кн.: Скифы и сарматы, с. 48, 65, рис. 3, 2; 4, 11.

³⁹⁾ *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе, с. 262, рис. 1, 1.

- ⁴⁰⁾ Браун Ф. Отчет о раскопках в Таврической губ. — ИАК, вып. 19, рис. 6, 9.
- ⁴¹⁾ Черненко Е. В., Бреловская Э. И., Полин С. В., Ольговский С. Я. Работы Краснознаменной экспедиции, с. 370.
- ⁴²⁾ Кореняко В. А., Максименко В. Е. Погребения раннего железного века... — СА, 1978, № 3, с. 180, рис. 3, 5.
- ⁴³⁾ Лукьяшко С. И. и др. Указ. соч., с. 127. Материалы раскопок этого интереснейшего погребения были продемонстрированы С. И. Лукьяшко на симпозиуме «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры» (Ленинград, февраль 1979 г.).
- ⁴⁴⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 970.
- ⁴⁵⁾ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов, с. 104, табл. 52, 53.
- ⁴⁶⁾ Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе, с. 262, рис. 1, 2.
- ⁴⁷⁾ Яценко И. В. Скифские погребения близ Ногайска. — ВДИ, 1956, № 1, с. 161.
- ⁴⁸⁾ Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, 1956, № 50. с. 174, рис. 17, 2.
- ⁴⁹⁾ ОАК за 1895 г. Спб., 1898, с. 16, рис. 31.
- ⁵⁰⁾ Петренко В. Г. Правобережье..., табл. 4, 24.
- ⁵¹⁾ Смела, т. 2, табл. V, 15, 16.
- ⁵²⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 97, табл. V, 1.
- ⁵³⁾ Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М. Курганы у с. Огородное. — В кн.: Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса, 1970, вып. 6, с. 152, рис. 17, 13.
- ⁵⁴⁾ Eberi M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Chereon (Süd-Russland). — Prähistorische Zeitschrift, 1913. Bd V.
- ⁵⁵⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 25, табл. II, 1.

- ⁵⁶⁾ ДП, т. 3, табл. XI, 533.
- ⁵⁷⁾ ИАК, вып. 17, с. 94.
- ⁵⁸⁾ Там же, с. 88, рис. 15.
- ⁵⁹⁾ *Іллінська В. А.*, Из неопублікованих матеріалів скіфського часу..., с. 150-151, рис. 2, 9.
- ⁶⁰⁾ *Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана, с. 247, рис. 2, 1.
- ⁶¹⁾ *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Зенковском уезде Полтавской губ. в 1906 г., табл. 3, 37; *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі, рис. 53, 109.
- ⁶²⁾ *Мельник Е.* Раскопки в Харьковской губ. 1900—1901 гг. — Тр. XII АС, 1905, т. 1, с. 715.
- ⁶³⁾ Смела, т. 2, табл. 14, 7.
- ⁶⁴⁾ *Смирнова Г. И.* Новое в изучении археологических памятников северо-западной [155] Скифии. — В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 119; *Смирнова Г. И.* Курганы у с. Перебыковцы, с. 48, рис. 10, 21.
- ⁶⁵⁾ *Лукьяшко С. И. и др.* Указ. соч., с. 127.
- ⁶⁶⁾ *Ковалевская В. Б.* Разведки и раскопки на р. Эшкаконе — АО 1977 г. М., 1978, с. 122.
- ⁶⁷⁾ *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Указ. соч., с. 180, рис. 3, 2.
- ⁶⁸⁾ *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі, с. 157, рис. 53, 109.
- ⁶⁹⁾ *Ганина О. Д.* Поселение скифской архаики у с. Залесье Борщевского р-на Тернопольской обл. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг., с. 83.
- ⁷⁰⁾ *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 97.

⁷¹⁾ ИАК, вып. 14, с. 31, рис. 72.

⁷²⁾ Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа. — АС, 1973, вып. 15, с. 13, рис. 1, 10.

⁷³⁾ Кореняко В. А., Максименко В. Е. Указ. соч., с. 180, рис. 3, 2.

⁷⁴⁾ Троицкая Т. Н. Поселение у села Белоглинки. — СА, 1957, т. 25, с. 223.

* Кстати, в кургане у хут. Шумейко застежки не было. Не было там и наконечников стрел. Это явная ошибка И. Потраца.

⁷⁵⁾ Potratz J. A. H. Die Scythen in Südrussland. Basel, 1963, Abb. 21, S. 42.

* Благодарю В. Г. Петренко за разрешение использовать ее неопубликованные материалы.

⁷⁶⁾ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 19. табл. VI, 7.

⁷⁷⁾ Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могилы. — СА, 1974, № 1, с. 148, рис. 2; 3; 5; 1; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 28-32, рис. 5, 6; 6, 11.

⁷⁸⁾ Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 37, рис. 10. 3; Міхлін Б. Ю. Передскіфське поховання поблизу с. Васілівка. — Археологія, 1979, 31.

⁷⁹⁾ Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на Ингульце, с. 212.

⁸⁰⁾ Мурзин В. Ю., Евдокимов Г. Л. Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовки. В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 58, рис. 1, 12.

⁸¹⁾ Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя. — СА, 1966, № 3, с. 156.

⁸²⁾ Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В. Скифские курганы на юге Херсонщины. — В кн.: Скифские древности, с. 256.

⁸³⁾ Мозолевский В. Н., Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 39. рис. 6, 34.

⁸⁴⁾ Абрамова М. П. Указ. соч., с. 202. Почти такая же поделка найдена и в погребении того же могильника (рис. 3, 27).

⁸⁵⁾ ИАК, 1905, вып. 14, с. 31.

⁸⁶⁾ Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна Тясмина, с. 23.

⁸⁷⁾ Ковалева И. Ф., Мухомад С. Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья, с. 113, рис. 2, б.

* Эта находка не опубликована. Благодарю В. Е. Радзиевскую, любезно предоставившую рисунок этой вещи.

⁸⁸⁾ Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе, с. 264, рис. 2, 2.

⁸⁹⁾ АП, т. 9, с. 55.

⁹⁰⁾ СА, 1966, № 3, с. 159.

⁹¹⁾ СД, с. 122.

⁹²⁾ Там же, с. 136.

⁹³⁾ Курганы южной Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 132.

⁹⁴⁾ *Zakharov A. A. I. A. Zaretsky's excavations in the Gowerment of Kharkov.* — ESA, Helsinki, 1932; *Ковпаненко Г. Т. Племена скифського часу на Ворсклі, с. 144, рис. 48.*

* Аналогичное расположение животных хорошо известно на предметах ранних скифских памятников. Достаточно вспомнить топор из Келермесса, мечи из кургана у хут. Шумейко и Острой Томаковской Могилы.

* Это единственный известный случай применения меха для украшения горита. В гробнице № 2 кургана № 12 группы Носаки у с. Балки Василевского р-на Запорожской обл. вместе с остатками кожи от горита был обнаружен кусок меха, который, по мнению авторов раскопок, «...видимо, лежал на дне колчана и служил упором для наконечников стрел» (*Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П. Курганный могильник в уроч. Носаки, с. 143*). Это единственный случай подобного рода и делать из этого вывод вряд ли стоит.

* Вероятно, эти размеры определяют только ширину горита и высоту его от низа до фигур пантер. Действительная высота была очевидно, большей.

* Подобная бляха найдена в кургане у с. Гусарка Куйбышевского р-на Запорожской обл. (Мурзин В. Ю. Два раннескифских комплекса из Запорожской области. — В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, с. 56-67, рис. 2).

⁹⁵⁾ Zakharov A. A. Op. cit. с. 78-80, рис. 15; Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі, с. 144, рис. 47.

⁹⁶⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 127, рис. 37.

⁹⁷⁾ Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі, с. 150, рис. 46, 8. С конской уздой связывает бляху из с. Гусарки В. Ю. Мурзин (Мурзин В. Ю. Указ. соч., с. 60).

⁹⁸⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 33.

⁹⁹⁾ Смела, т. 3, с. 109-110.

* А. И. Мелюкова ошиблась, назвав ее золотой (Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 33).

¹⁰⁰⁾ ДП, 1900, вып. 3, с. 10, 13; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 499.

¹⁰¹⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 33-34, табл. II, 8.

¹⁰²⁾ Петренко В. Г. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ. Д1-4. 1967, с. 40, табл. 28, 1.

¹⁰³⁾ Мельник Е. Раскопки курганов... с. 708.

¹⁰⁴⁾ Чеботаренко Г. Ф. Скифские курганы у с. Балабаны. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1973, с. 115, 119, 129.

¹⁰⁵⁾ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке, с. 139, рис. 55, 1.

¹⁰⁶⁾ Смела, т. 1, с. 71.

¹⁰⁷⁾ Архив ЛО ИА АН СССР, с. 11.

- [108](#)) *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований..., с. 142.
- [109](#)) ИАК, вып. 14, с. 4.
- [110](#)) *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы, с. 154.
- [111](#)) *Шапошникова О. Г.* Указ. соч., с. 212, рис. 5; *Черненко С. В.* Скифські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. — Археологія, 1971, 23, с. 178, рис. 2, 4.
- [112](#)) *Ильинская В. А., Горишин П. А.* Бронзовая бляха из кургана у с. Жовнино. — В кн.: Скифский мир, с. 207-210.
- [113](#)) *Ковалева И. Ф., Мухонад С. Е.* Указ. соч., с. 114, рис. 2, 4.
- [114](#)) Смела, т. 2, с. 163, табл. XXI, 3.
- [115](#)) *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 96, рис. 18. [156]
- [116](#)) *Стивен А. Х.* Раскопка курганов близ Симферополя летом 1890 г. — ИТУАК, 1891, вып. 11, с. 149, рис. 4; *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968, рис. 55.
- [117](#)) *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 105, табл. 75.
- [118](#)) Научный архив ЛО ИА АН СССР, д. 48/1890, с. 24.
- [119](#)) *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до и. э. — САИ, 1967, вып. Д1-4, с. 44.
- [120](#)) *Лесков А. М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма. — СА, 1968, № 1, с. 162-163, рис. 6-7; *Лесков А. М.* Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, с. 50, рис. XII, табл. 12, 13.
- [121](#)) *Яценко И. В.* Искусство эпохи раннего железа. — В кн.: Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977, с. 46.
- [122](#)) *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 96.

- [123\)](#) Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 112.
- [124\)](#) Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. — В кн.: Сборник археологических статей, Спб., 1911, с. 53.
- [125\)](#) Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. — СА, 1961, № 1, с. 161.
- [126\)](#) Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган. — ВДИ, 1955, № 2, с. 193; Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе. — КСИА, 1955, вып. 5.
- [127\)](#) Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте, с. 112.
- [128\)](#) Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх. — МАР. 1894, № 13, с. 10.
- [129\)](#) Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 96.
- [130\)](#) Лесков А. М. Указ. соч., с. 162; Ильинская В. А. Скифы..., с. 96.
- [131\)](#) Граков Б. П. Легенда о скифском царе Арианте, с. 112.
- [132\)](#) Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 33, табл. 2, 9, 12.
- [133\)](#) Там же.
- [134\)](#) Minns E. Scythian and Greeks. Cambridge, 1913, p. 67.
- [135\)](#) Шилов В. П. Указ соч., с. 57 и сл.
- [136\)](#) Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы, с. 153-154.
- [137\)](#) Смела, т. 3, с. 109-110.
- [138\)](#) Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 33.

- [139\)](#) Черненко Е. В. Оружие из Семибратних курганов. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 67.
- [140\)](#) Стефани Л. Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1875 г. — ОАК за 1875 г. Спб., 1879, с. 115; Толстой П., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, 1889, вып. 1; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 36, 113, табл. 113.
- [141\)](#) Черненко Е. В. Панцири скифского часу. — Археологія, 1965, 18, с. 95; Черненко Е. В. Оружие из Семибратних курганов, с. 67.
- [142\)](#) Манцевич А. П. Шейные уборы скифского времени. — КСИИМК, 1947, вып. 22. с. 71.
- [143\)](#) Черненко Е. В. Оружие из Семибратних курганов, с. 67.
- [144\)](#) Граков В. Н. Скифы, с. 101.
- [145\)](#) Лесков А. М. Новые сокровища..., табл. 35-39; Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. К., 1974, с. 71-77, рис. 55-58.
- [146\)](#) Черненко Е. В. Новые находки скифского оружия в курганах Украины. — В кн.: Третья Всесоюзная конференция историков оружия. Л., 1971, с. 80.
- [147\)](#) Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья..., с. 44.
- * И. А. Липниченко ошибочно писал, что горит был украшен девятью пластинками в виде львов (Археологические исследования летом 1898 г. — ЗООИД, 1900, т. 22, с. 16).
- [148\)](#) ДП, вып. 2, с. 6, 31; Смела, т. 3, с. 85 рис. 26-29; Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 48, табл. XXXVII, 18-21.
- [149\)](#) ОАК за 1892 г. Спб., 1894, с. 89; Артамонов М. И. Сокровища..., с. 59. А. П. Манцевич ошибочно отнесла его к комплексу Талаевского кургана (Изображения «скифов», с. 21).
- [150\)](#) Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 32.
- [151\)](#) ОАК за 1892 г., с. 89.

[152\)](#) *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 112.

[153\)](#) *Воронов Ю. Н.* Вооружение древнеабхазских племен. — В кн.: Скифский мир, с. 226-227, рис. 7.

* Совершенно непонятно, почему М. И. Артамонов назвал ее треугольной (*Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 112).

[154\)](#) *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 334.

[155\)](#) *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 33; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 20, 102, табл. 21.

[156\)](#) *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 104.

[157\)](#) *Петренко В. Г.* Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э., с. 44.

[158\)](#) ИАК, вып. 14, с. 11-12, рис. 19.

[159\)](#) *Лесков А. М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма, с. 160, рис. 2.

[160\)](#) *Алексеева И. Л.* Раскопки курганов в междуречье Дуная — Днестра. — АО 1972 г. М., 1973, с. 252.

[161\)](#) Там же.

[162\)](#) *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические [157] исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский». — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978, с. 13, рис. 3, 1.

IV. Парадные гориты IV в. до н. э.

Материал обивок, несравненный по роскоши и блеску колорита, о котором не могут дать понятия никакие воспроизведения,

*усиливает еще более художественное действие,
получаемое от богатых форм. Подобно
оружию Ахилла, золотое оружие, в которое
в виде составной части входили гориты,
должно было возбуждать энтузиазм,
заражать «манией Ареса»*

Б. В. Фармаковский¹⁾

Среди памятников IV в. до н. э. заметное место занимает парадное оружие, для украшения которого широко использовались серебро и золото. Обычно богато орнаментированное, выполненное подлинными мастерами-художниками с большим вкусом и умением, оно служит великолепным образцом прикладного искусства. К нему относятся и парадные гориты.

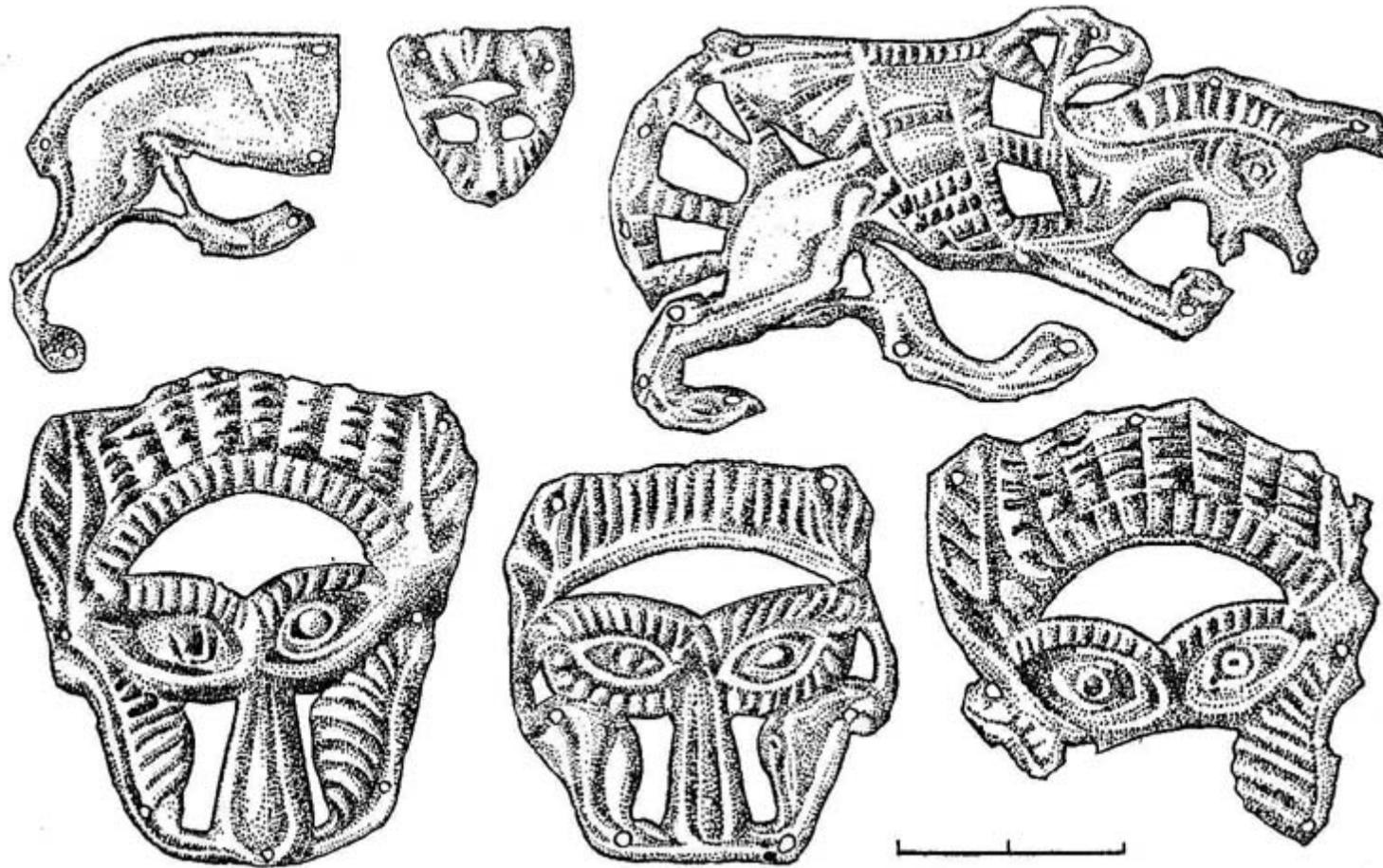
Первой находкой подобного рода был замечательный горит из Чертомлыка, который открыл серию так называемого чертомлыкского типа. Позднее обивки точно таких же горитов, различавшиеся лишь второстепенными элементами декора, были найдены еще в трех курганах Скифии — Ильинецком, Мелитопольском и Пятибратнем. Помимо них, к парадным горитам IV в. до н. э. относятся гориты из Карагодеуашха и Македонии, Солохи и Толстой Могилы. К сожалению, фрагментарность последней находки, которую не пощадили время и грабители, не позволяет установить точную форму.

Сами по себе вещи, изготовленные из драгоценных металлов, уже в силу своей отличной сохранности привлекают к себе особое внимание исследователей. Поэтому, пожалуй, ни по одному из категорий скифского вооружения нет столь значительного числа исследований и публикаций, всесторонне освещающих различные вопросы, связанные с их производством, разбором сюжетов и отдельных образов, воспроизведенных на парадных горитах.²⁾

Описание известных ныне горитов IV в. до н. э. можно начать с горита, точное восстановление которого сейчас невозможно. Это — фрагменты горита из Толстой Могилы. Вслед за ним будет описан горит из Карагодеуашха и недавно найденный его двойник, изготовленный из качественного золота, обнаруженный в так называемой гробнице Филиппа Македонского в [63] Македонии. Эта находка позволяет провести реконструкцию Карагодеуашхского горита. Завершат описание гориты чертомлыкской серии.

Но перед тем как перейти к описанию парадных горитов, необходимо указать на ошибочное мнение в литературе, связывающее с горитами предмет, не имеющий к ним никакого отношения. Имеется в виду так называемый Кубанский горит из раскопок Н. И. Веселовского у ст-цы Елизаветинской в 1913 г. Более точное место находки его неизвестно. Горит был восстановлен из мелких обломков С. С. Лукьяновым. По описанию М. В. Фармаковского, он «...состоит из деревянного футляра с набитыми на него ажурными бляшками, изображающими львов,

грифонов и других фантастических зверей, не соединенных между собой по содержанию. Этот горит значительно больших размеров, чем все известные до сих пор по своим обивкам гориты; в сравнении с ним гориты, украшенные драгоценными золотыми и сереоряными с позолотой украшениями, кажутся совсем маленькими и могли быть лишь декоративными, а не боевыми, скорее царской регалией, а не вооружением».³⁾

Рис. 42. Золотые пластины горита из Толстой Могилы.

В 1977 г. имелась возможность ознакомиться с вещественно-графической реконструкцией этого предмета, хранящегося в Отделе истории первобытной культуры Эрмитажа. Его размеры намного больше всех известных сейчас горитов — 60 * 38,5 см. Верхний край прямой, нижний слегка округлен. Вдоль краев проходит деревянная планка, обитая толстой бронзовой полоской. Каркас сбит из планок шириной от 2,5 до 4,5 см, очень толстых для горита. Скорее всего это не горит, а крышка сундука, в пользу чего свидетельствуют находящиеся там же шарниры из твердого дерева диаметром больше 1 см и длиной 2 см, обычные для греческих сундуков и ящиков⁴⁾ и ненужные в горите.

Парадный горит из Толстой Могилы.⁵⁾ [64] Слева у бедра погребенного лежали разрушенные грабителями и временем остатки парадного горита. Серебряная пластина, покрывавшая его, уже к моменту ограбления сильно разложилась и грабители взять ее не смогли. Они сорвали лишь часть прибитых к накладке золотых украшений. Несколько таких украшений остались лежать вместе с разрушенной серебряной пластиной накладки. Тип этого доспеха, его размеры, расположение и количество украшающих его ажурных пластин, сделанных из тонкого низкопробного золота, установить нельзя.

Украшениями налучья являются три пластины в виде львиных морд и одна — в виде грифона (рис. 42). К налучью следует отнести и небольшую золотую пластинку в виде морды льва, и золотую пластину в виде задней части туловища льва или грифона из грабительского хода. Две последние и по стилю и по способу крепления на основе близки первым. Под всеми сохранились остатки серебряной пластины, на которой они крепились.

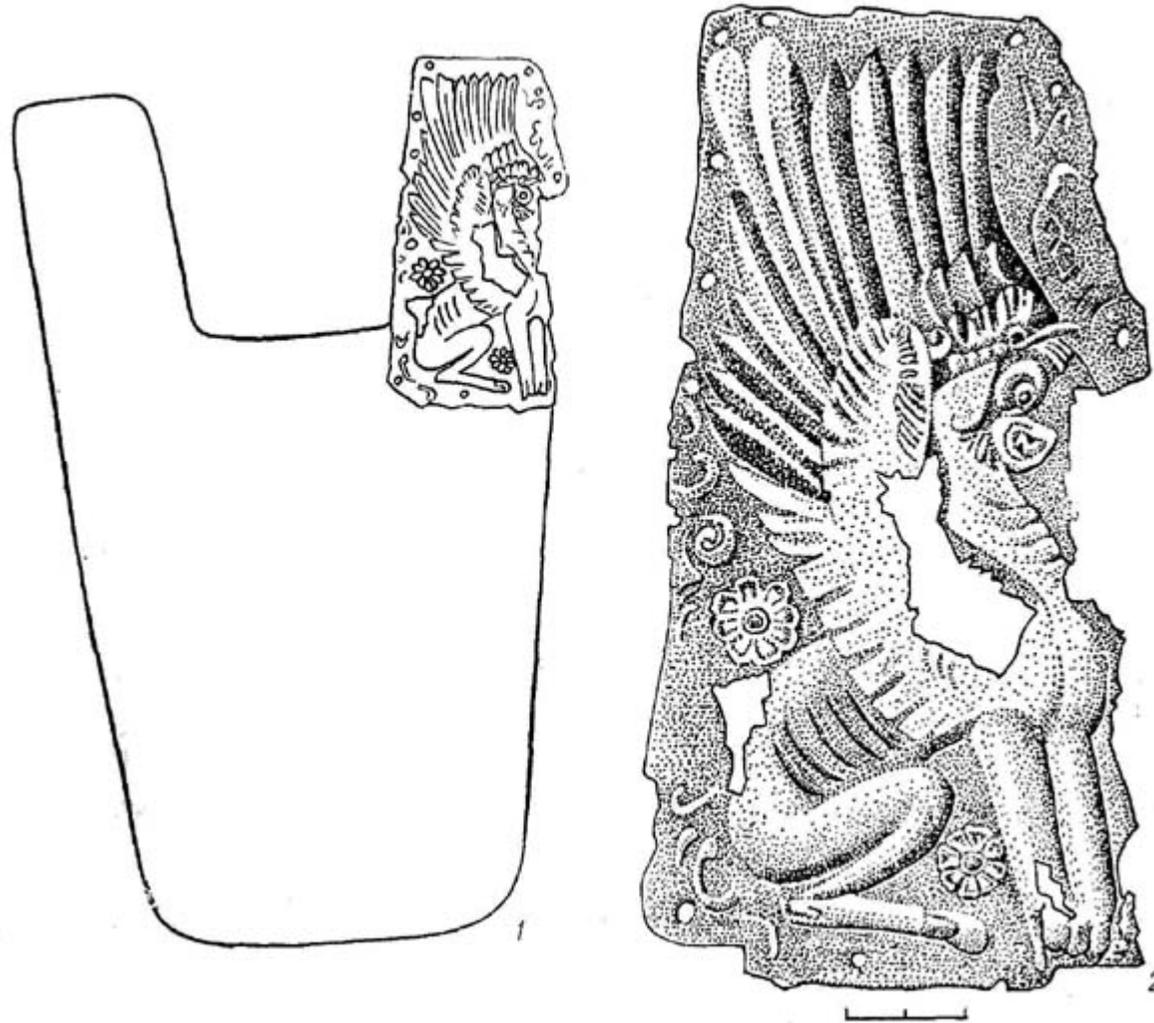
Из трех больших (размерами 4,5 * 5,4 см) ажурных пластин в виде львиных морд две сохранились полностью, а одна — фрагментарно. Морды изображены в фас. Лоб и части морды, прилегающие к носу, вырезаны, пасти нет. Грива, складки на лбу и на щеках, уши переданы валиками, зрачки круглые. Вдоль краев пробиты небольшие отверстия, через которые маленькими золотыми гвоздиками пластины крепились на серебряной основе. Все пластины выбиты разными штампами и различаются лишь в деталях.

Небольшая (1,5 см в поперечнике) львиная морда по форме и характеру исполнения близка большим. Кроме размеров, отличаются от больших и тем, что глаза имеют вид отверстий.

Рис. 43. Царь из Толстой Могилы (реконструкция доспехов М. В. Горелика).

Большая (6,7 * 3,5 см) — пластина в виде бегущего грифона. Передняя лапа у него только одна, морда опущена вниз, рог выставлен вперед. Крылья ажурные. Перья крыльев и гребень переданы невысокими рельефными насечками. Вдоль края пластины пробито 13 маленьких отверстий для гвоздиков.

Рис. 44. Горит из Мастюгино. 1 — общий вид (реконструкция); 2 — деталь.

Из лучшего, по сравнению с остальными пластинами, золота сделана задняя часть туловища грифона с обрезанным хвостом. Для изготовления использовались обрезки золотых пластин. Как и у остальных, вдоль краев этой пластины пробиты небольшие отверстия. Размер ее 3,1 * 2,7 см. К сожалению, точная реконструкция внешнего вида этого горита невозможна. Маловероятно, [65] чтобы он сильно отличался от остальных горитов IV в. до н. э., хорошо известных нам по изображениям и находкам и практически не отличающихся один от другого по форме и очень близких по размерам. Если саму форму горита и можно считать традиционной для этого времени, то расположение золотых пластин на нем неясно (рис. 43).

Говоря о парадных горитах, следует вспомнить еще одну очень интересную находку. Этот предмет, в отличие от частей остальных парадных горитов, сделан не из серебра или золота, а из бронзы. В кургане № 2 у с. Мастюгино под Воронежем вместе с предметами вооружения — поножами и наконечниками стрел (последнее обстоятельство очень важно) — была найдена большая (16 * 8,5 см) пластина, украшенная изображением сидящего грифона с эффектно поднятыми вверх крыльями, розетками и побегами вьющихся растений (рис. 44). Публикуя весь комплекс кургана, Н. Е. Макаренко не высказал конкретного мнения о предмете.⁶⁾ Не сделал этого и П. Д. Либеров, приведя в своей работе, посвященной памятникам скифского времени на Среднем Дону, фотографию пластины.⁷⁾ Публикуя материалы об остатках [66] шлема из второго Мастюгинского кургана, А. П. Манцевич пишет о связи этих пластин со шлемом и считает их нащечниками.⁸⁾ Уже приходилось возражать против такого определения пластины, поскольку нащечником она быть не может из-за своих больших размеров. Форма пластины необычна для нащечников, которые, сохраняя иногда своеобразие, присущее различным типам доспехов, в общем довольно близки между собой. Пластина из кургана у Мастюгино прямая, в то время как нащечники, как правило (и исключений из этого правила, пожалуй, нет), изогнуты. Однако, как и другим авторам, писавшим об этом предмете, трудно высказать свое мнение о пластине, ее функциональном назначении, приходится ограничиться лишь категорическим отрицанием возможности связывать ее со шлемами.⁹⁾

То, что мастюгинская пластина связана с горитом и помещалась в его правой части, украшая прямоугольный выступ горита, близкого по форме горитам из Солохи и Чертомлыка, убедительно показал М. В. Горелик.¹⁰⁾

Представляет интерес пара горитов, образующая серию, которую по месту находки первого экземпляра можно назвать карагодеуашской.

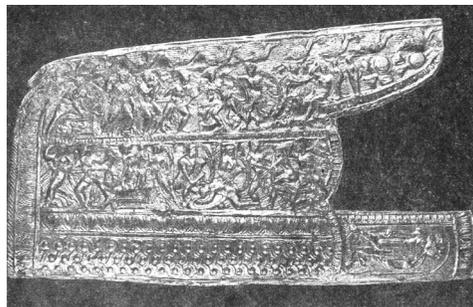
В 1888 г. в кургане Карагодеуашх недалеко от г. Крымск на Северном Кавказе любитель-археолог Е. Д. Фелицын обнаружил погребение воина. У головы погребенного «...лежали истлевшие остатки колчана, украшенного серебряной пластиной, покрытой листовым золотом. Пластина была снабжена художественным изображением человеческих фигур. В колчане было 50 медных стрел».¹¹⁾

Как оказалось, это не колчан, а плохо сохранившийся горит. Золотая пластина очень тонкая. Скорее всего это даже не пластина, а фольга. Серебро основы разложилось. Поэтому удалось собрать лишь несколько фрагментов, на которых сохранились оттиснутые фигуры воинов и

частично орнамент. Фрагменты позволили А. Лаппо-Данилевскому и В. Мальмбергу верно определить назначение предмета. В. Мальмберг смог предложить вариант расположения сохранившихся фрагментов пластины на основе. Однако провести полную реконструкцию горита не удалось из-за плохой сохранности предмета. Эта находка будет описана ниже, после данных о другой находке горита, который является точной копией карагодеуашхского, находке, сделанной почти через сто лет после раскопок кургана на Кубани.

В 1977 г. у селения Вергина в Северной Греции на территории древней Македонии профессор М. Андроникос раскопал большой и очень богатый курган с разнообразным инвентарем. Заметное место в составе инвентаря занимало оружие. К сожалению, этот интереснейший комплекс еще не издан. Судить о многих вещах можно лишь по нескольким предварительным публикациям и каталогу большой выставки, где были представлены наиболее важные и лучше иных сохранившиеся предметы погребального инвентаря.¹²⁾ Среди предметов вооружения особый интерес представляет горит, стоявший в углу склепа. Судя по фотографиям, он сохранился очень хорошо. К сожалению, опубликованные фотографии горита недостаточно четкие и не дают возможности составить полное представление о многих важных деталях сцены, на нем воспроизведенной.

Горит имеет форму, обычную для предметов подобного рода, которая стала классической и для горитов, известных по находкам в курганах Скифии и по их воспроизведениям на предметах торевтики из этих же курганов. Он продолговатый, с прямым нижним правым краем и закругленным левым. Кверху слегка расширяется с левой стороны. В середине верхнего края [67]

Рис. 45. Горит из Македонии. (В книге показан вертикально, устьем вверх. HF) [68]

сделан трапециевидный вырез, углубленный в основную часть горита на чуть меньше 1/3 его высоты. Левая сторона выреза слегка округлена, правая имеет прямоугольную форму. Размеры этого горита обычны для всех горитов IV в. до н. э., известных по золотым пластинам декора, — высота 46,5 см,¹³⁾ ширина в нижней части около 17 см, в верхней — около 26 см (рис. 45, 46).

Рис. 46. Горит из Македонии (деталь).

По-видимому, слой золота, покрывавший основу горита, был достаточно толстым, благодаря чему он полностью сохранил форму предмета, несмотря на то что на протяжении 23 веков он стоял прислоненным к стене склепа.

Пластина золотого покрытия горита разделена на четыре зоны разной ширины, которые разделяют невысокие гладкие или рельефные бортики. Она полностью покрыта богатым и разнообразным орнаментом.

Верхняя зона заполнена изображениями десяти летящих одна за другой уток и отделена от другой, находящейся под ней, невысоким рельефом-бортиком, оттиснутым небрежно и видимым лишь местами. Очевидно, по замыслу автора композиции, бортик должен быть оформлен в виде витого [69] шнурка. Такое оформление сохранилось только в левой части, там где бортик переходит с нижнего края горита на основное его поле.

Основной частью композиции являются изображения, помещенные на второй и третьей зонах, разделенных бортиками, украшенными «овами». По мнению М. Андроникоса, здесь воспроизведены сцены штурма и разграбления Трои.¹⁴⁾ К сожалению, недостаточно четкое воспроизведение этих сцен на фотографиях не дает возможности описать их детально. Поэтому придется ограничиться лишь самыми общими данными о той или иной сцене композиции.

Крайняя левая фигура — воин с круглым щитом в левой руке и коротким мечом в правой, опершийся левым коленом на невысокий квадратный постамент — алтарь (?), украшенный букранием — рельефной головой быка. Над щитом изображен колоколовидный шлем. По-видимому, от этого воина убегают две женщины (2-я и 3-я фигуры) в развевающихся хитонах. Одна из них держит на руках маленького ребенка. В центре композиции этой зоны изображений помещены три воина — два крайних нападают на среднего. Эти воины, как и все остальные, сражаются обнаженными. Лишь гениталии тщательно прикрыты складками развевающихся одежд. Четвертая фигура — воин с гиматием, переброшенным через левое плечо, держит в левой руке круглый щит, украшенный вдоль внутреннего края волнистым орнаментом. В правой руке он держит короткий меч, перевязь-портупея для ножен которого переброшена через плечо. На голове воина коринфский шлем с пышным султаном, сдвинутый на затылок. Аналогично одет и вооружен воин, устремляющийся ему навстречу. Очевидно, с его головы слетел колоколовидный шлем, падающий на землю. Поза этого воина поразительно [70] напоминает позу Ахилла на горитах чертомлыкской серии. Воин повернул голову навстречу настигающему его врагу (6-я фигура). Развевающиеся одежды лежат на бедрах. Правой рукой он схватился за верхний край щита противника. В левой такой же щит, как и у остальных воинов. Меча, по-видимому, у него не было — нет портупеи, которая изображена у всех воинов, имеющих мечи. Замыкают этот ряд фигуры двух женщин (фигуры 7-я и 8-я). Одна из них, встав на колено, очевидно, старается защитить сидящую женщину. Три последние (6-8-я) находятся на небольшом возвышении, может быть, песчаном склоне. Песок (?) передан россыпью точек.

В верхнем выступе горита помещены стоящие рядом две женские скульптуры. Замыкают композицию зоны две рельефные головы быка (букрании), два круглых щита и два шлема — колоколовидный и коринфский.

В нижней зоне изображений помещено 10 фигур — 2 женщины и 8 сражающихся воинов. Первая фигура слева — женщина, по-видимому, спасающаяся бегством. Ее защищает воин, закрывшись щитом, который он держит в левой руке. Правой вынимает из ножен, висящих на переброшенной через плечо портупее, короткий греческий меч-ксифос. Хорошо заметны характерное устье ножен и расширение на их концах.¹⁵⁾

В композицию включена какая-то часть постройки. Видны верхняя часть колоны с капителью и алтарь (?). На втором плане — часть скульптуры — фигура женщины, стоящей на высоком постаменте. На алтарь (?) присел воин (фигура 3-я), опершийся правой рукой на пьедестал статуи. Через плечо переброшена портупея, на которой висят ножны ксифоса. На ножнах помещен орнамент в виде пересекающихся полос. В левой руке держит щит. Все щиты, которые [70] держат в руках воины, однотипны — они круглые с точечным орнаментом в виде завитков, проходящим вдоль внутреннего края, и изображены с внутренней стороны. Лишь один щит в руках воина (фигура 3-я) на нижней зоне показан с лицевой стороны. В его средней части воспроизведен летящий орел, изображение которого нередко встречается на щитах вазовой живописи.

Следующей изображена бегущая женщина с поднятыми к голове руками. В этом месте хорошо видно повреждение поверхности пластины — под ногами бегущей женщины смят валик, разделяющий зоны, складка помятости пересекает полосу изображений. Шесть фигур образуют две группы, по три фигуры в каждой. Воин (фигура 5-я) в коринфском шлеме с портупеей, переброшенной через плечо, круглым щитом прикрывает себя и поверженного товарища (фигура 6-я), упавшего на колени и опершегося на щит. Стоящий воин правой рукой, в которой держит ксифос, схватил товарища за руку и пытается подтянуть его ближе к себе, под защиту щита. Их противник с круглым щитом поднял меч и готовится нанести удар (фигура 7-я).

В следующей группе бой двух воинов с третьим. Один воин (фигура-8-я) старается прикрыться круглым щитом от нападающего противника в коринфском (?) шлеме и круглым щитом (фигура 10-я, замыкающая композицию), который кинжалом сверху хочет ударить его. Прикрыться от этого удара воин может только в том случае, если защитится мечом, который держит в правой руке, а сделать он это сможет лишь отпустив волосы противника (фигура 9-я), который упал на колено, бросил щит и двумя руками старается освободить свои волосы из руки врага. Над головой крайнего в ряду воина в верхнем углу полосы изображений помещен коринфский шлем.

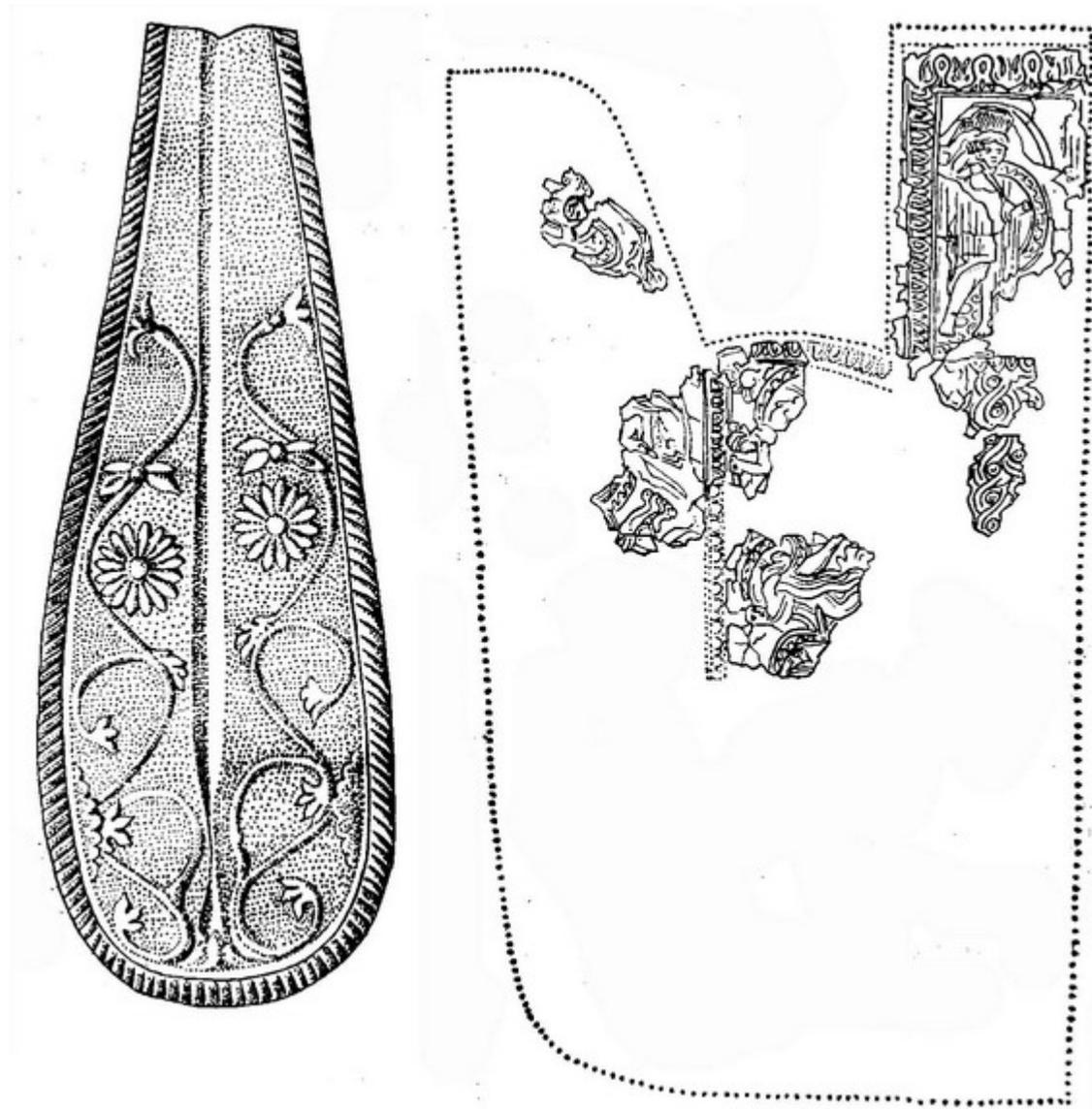
Ниже полос с батальными сценами две полосы орнамента. Первая полоса — «овы», расчлененные стрелками, так называемая ионика.¹⁶⁾ Такой же орнамент проходил и слева, у дна горита. Нижняя полоса заполнена характерной плетенкой.

Очень интересна фигура, находящаяся в прямоугольном выступе горита. В верхней части ее обрамляет «ионика», а слева — «овы». Это воин, на голове которого, по мнению В. К. Мальмберга, высказанному по поводу горита из Карагодеуашха, аттический шлем с тремя гребнями и так называемый мускульный панцирь.¹⁶ Через плечо висит портупея для ношения меча. На левой руке щит того же типа, что и у воинов — участников батальных сцен. В этой же руке он держит еще какой-то предмет, на котором хорошо видна его рукоятка. Скорее

всего, это должно было быть копье, но древко не выходит из-за головы. Может быть, это топор. Правая рука приподнята вверх, согнута в локте и кисть находится у головы. Может быть, он поправляет шлем.¹⁷⁾ На ногах воина поножи. Воин стоит на неровной поверхности, возможно, на булыжниках.

К сожалению, дно горита из гробницы в Македонии не публиковалось. Только на фотографии, где изображены вещи, стоящие и лежащие в углу гробницы, в не совсем удачном ракурсе помещено фото дна горита. Декор виден нечетко.¹⁸⁾ Дно имеет форму, обычную для парадных горитов IV в. до н. э. Выполнено в виде сильно вытянутой капли. Вдоль края проходит невысокий бортик, украшенный насечками, такой же бортик, но чуть более высокий и гладкий проходит вдоль днища, разделяя его на две равные симметричные части, украшенные симметричным орнаментом в виде вьющихся побегов и цветов (рис. 47).

На фотографии видно, что под пластиной, как и у всех остальных парадных [71] горитов, лежал слой мастики. Видны сохранившиеся части древков стрел и наконечники (число их, к сожалению, неизвестно) обычного для наборов IV в. до н. э. типа трехлопастных со слегка выступающей втулкой и опущенными концами граней.¹⁹⁾

Рис. 47. Дно горита из Македони (схема).

Рис. 48. Горит из Карагодеуашха (реконструкция В. К. Мальмберга).

Горит из Македонии позволил проверить верность реконструкции горита из Карагодеуашха, предложенную В. К. Мальмбергом. Имея столь фрагментарный материал, как остатки горита из Карагодеуашха, В. К. Мальмберг в основном довольно удачно реконструировал горит²⁰⁾ (рис. 48). Верно определено место самого крупного фрагмента, где помещена фигура воина (рис. 49). Находка горита в гробнице из Македонии позволила восстановить подлинное положение всех остальных фрагментов карагодеуашхского горита, на которых есть изображения (рис. 50). Лишь один из фрагментов из-за очень плохой сохранности нельзя связать с каким-либо определенным местом поверхности пластины, украшавшей горит (рис. 51).

По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, частями другого колчана из Карагодеуашха были «...несколько золотых блях варварской работы или, по крайней мере, отделанных в варварском стиле».²¹⁾ Эти пластины он сравнивает [72] с пластинами из Семибратних курганов (по-видимому, А. С. Лаппо-Данилевский имел в виду золотые пластины из второго Семибратнего кургана). Однако эти пластины, как из второго Семибратнего кургана, не имеют никакого отношения к предметам вооружения, а являются частями ритона или деревянного сосуда.²²⁾

Горит из кургана Солоха. Его описанию посвящено несколько работ, основные выводы которых будут положены в основу этого раздела.²³⁾ Сам горит, изготовленный из серебра и покрытый тонкой золотой пластиной, сохранился очень плохо. М. В. Фармаковский писал: «золотой лист столь тонкий, что толщина его прямо неощутима». Из нечетких обломков он был очень тщательно и удачно реставрирован и реконструирован М. В. Фармаковским. Лицевая часть пластины сплошная и делится в композиционном отношении на четыре части: верхний пояс со сценой терзания зверей, средний — центральный во всей композиции с батальной сценой, нижний — орнаментированный, занимающий основную часть пластины и нижнюю часть бокового выступа. Самостоятельную часть составляет сцена схватки двух грифонов в верхней части бокового выступа (рис. 52).

В верхней части помещена сцена терзания лежащего чубарого оленя львом, нападающим на него спереди, и грифона, терзающего круп оленя. М. В. Фармаковский отмечал высокий художественный уровень мастерства автора горита.

Центральным в композиции горита является средний фриз с батальной сценой. Пять фигур сражающихся воинов образуют две группы. В левой — молодой обнаженный до пояса воин, с горитом у пояса, топором в правой руке и овальным щитом в левой решительно нападает сзади на пожилого воина, отбивающегося от него копьем.

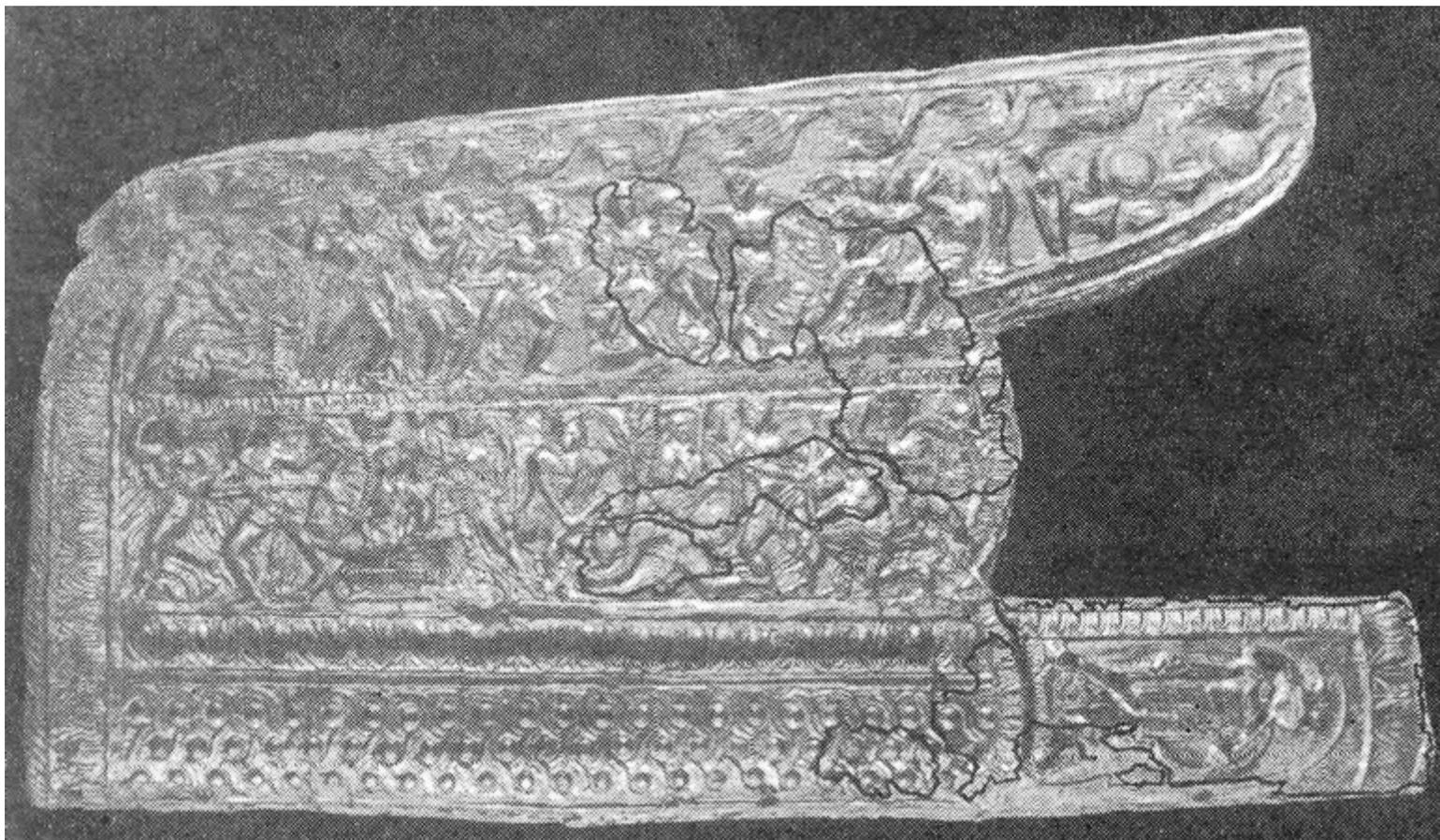

Рис. 49. Часть горита из Карагодеуашха.

В правой группе два молодых воина нападают на пожилого. Конь пожилого воина пал и воин, перекинув ногу через его голову, соскакивает с коня. Положение его очень неустойчиво — стоит только на носке согнутой левой ноги. Практически безоружен — меч находится в ножнах и воин только начал его вынимать правой рукой. Левой он безуспешно пытается убрать со своей головы руку напавшего на него спереди молодого воина, схватившего его левой рукой за волосы и готовящегося нанести мечом, который он держит в правой руке, решительный удар. Сзади молодой воин со щитом и копьем (или мечом) в руках готовится нанести удар в спину пожилому воину. М. В. Фармаковский ошибочно [73] считал, что этот воин на стороне пожилых воинов.²⁴⁾

Часть нижнего пояса, находящихся под батальной сценой, украшена горизонтально расположенным каннелированным орнаментом, а та часть, которая заходит на боковой выступ,— «богатой плетенкой», по удачному выражению М. В. Фармаковского.

На верхней части бокового выступа помещены два грифона в геральдической позе с поднятыми лапами. Голова правого обращена назад, что несколько нарушает четкую композицию сцены. По мнению М. В. Фармаковского, здесь воспроизведены ласкающиеся звери.

Рис. 50. Расположение сохранившихся частей горита из Карагодеуаиха на фоне горита из Македонии.

В литературе предпринимались попытки объяснения сцен на горите из Солохи. Греческий нумизмат И. Н. Своронос видел в сцене борьбы на горите подвиги царей Боспора братьев Спартока и Перисада, сражающихся с варварами.²⁵⁾ С критикой этого мнения выступил С. Рейнак. По поводу положений И. Н. Свороноса как «бесплодных и беспочвенных» писал М. И. Ростовцев, назвав свою статью «Ученые фантазии».²⁶⁾ Не больше оснований в пользу связи сцены на горите с фракийцами привела А. П. Манцевич.²⁷⁾ По мнению Б. Н. Гракова, на этом горите воспроизведены сцены из скифского эпоса. В. Д. Блаватский указывал на легенду [Геродот, IV.3-4]²⁸⁾ о борьбе скифов, возвратившихся из

Азии с детьми скифянок и рабов. С последним вряд ли можно согласиться. Геродот сообщает о победе вернувшихся старых скифов над молодыми, а на горите из Солохи побеждают молодые.

Овальное, несколько заостренное с одной стороны доньшко горита, разделенное по оси на две равные половины, украшали лист аканфа на стебле с усиками, лотос и цветок в виде колокольчика.²⁹⁾ Размеры горита: лицевая пластина 42,5 * 25 см, днище 16,5 * 9,5 см.³⁰⁾ [74]

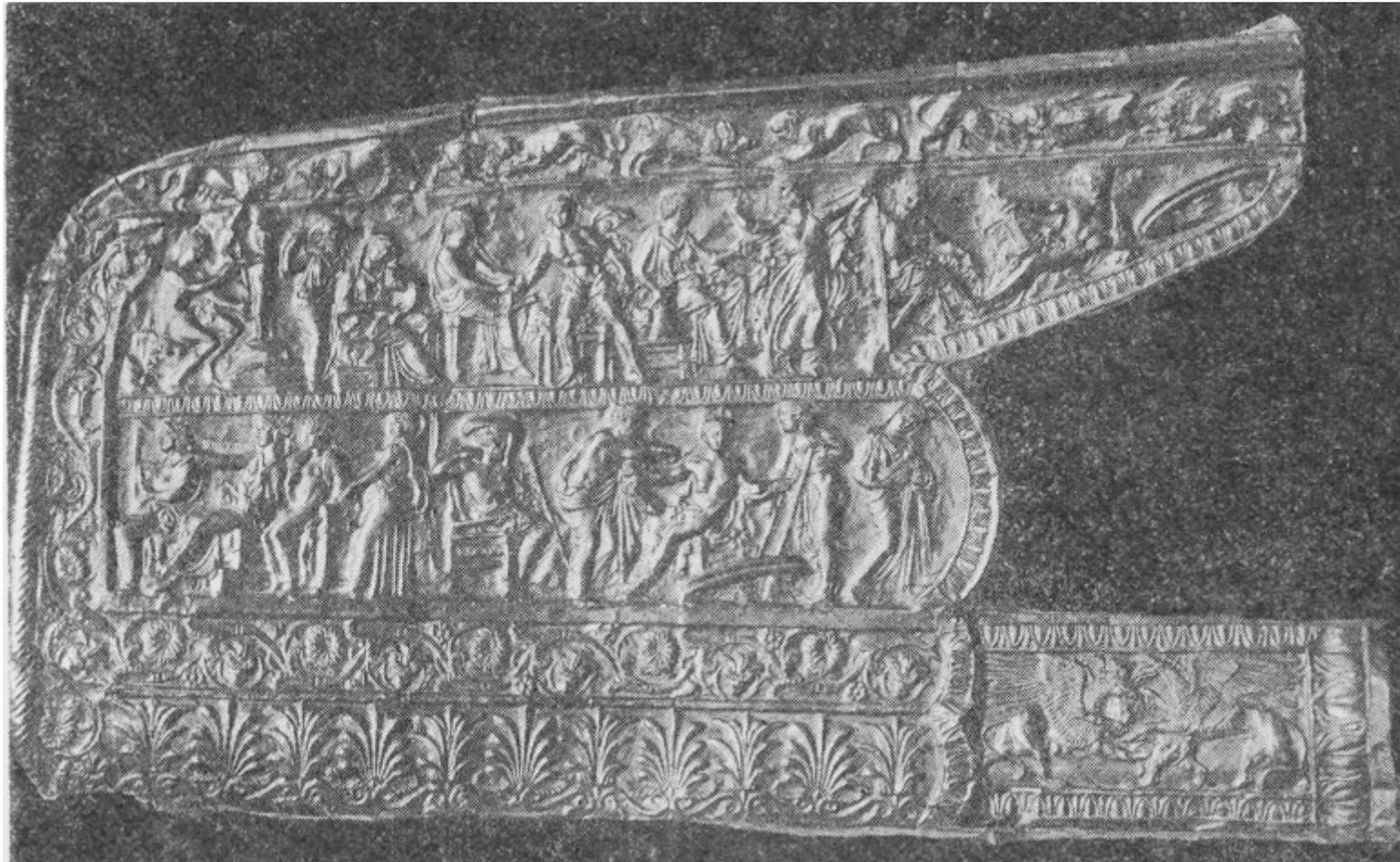
Рис. 51. Форум из Карагодеуауха.

Реставрируя горит, М. В. Фармаковский сделал ценные наблюдения. «Основой горита служил каркас, сделанный из тонких деревянных стержней и ободков, из которых главный шел по верхнему краю горита, огибал его, опускаясь на донышко, где как раз шел посредине. По краям донышка шел тонкий деревянный ободок, соединявшийся с главным воедино наверху, образуя твердую основу всей вещи. Вероятно, подобным же образом укреплялись и края отверстия горита, но здесь следов стержня не сохранилось, а сохранившиеся обломки довольно толстого деревянного стержня может быть составляют ничтожные остатки самого лука,^{*} присутствие которого вполне вероятно, но других следов его отыскать нельзя. По деревянному каркасу была натянута кожа; от нее осталась масса отдельных обрывков, совершенно несоединимых теперь. По-видимому, кожаный футляр был сшит по верхнему краю горита, на что имеется основание в украшениях его. Кожаный футляр был обтянут кроме того холстом, но не весь..., а лишь те его части, которые потом были облицованы серебряной пластиной. От холста тоже сохранились отдельные обрывки. Так как на холсте заметны следы гипса, то весьма вероятно, что он играл известную роль именно в связи с гипсовой заливкой».³¹⁾ Этот гипс (по определению химической лаборатории Эрмитажа — гипс, смешанный с известью³²⁾) лежал между холстом и металлом обкладки для предохранения рельефных изображений обкладки от деформирования. Золотая накладка была прибита к деревянному каркасу серебряными гвоздиками.

Рис. 52. Горит из Солохи.

Гориты чертомлыкской серии объединяют четыре совершенно одинаковых горита, изготовленных по одной форме. Название серия получила по месту первой находки, сделанной в [76] 1863 г. в Чертомлыке И. Е. Забелиным (рис. 53). Второй экземпляр был найден в кургане у с. Ильинцы в 1902 г. при раскопках Н. Е. Бранденбурга (рис. 54; 55), третий — в 1954 г. в Мелитопольском кургане А. И. Тереножкиным, четвертый — в 1959 г. в Пятибратнем кургане у ст-цы Елизаветовской В. П. Шиловым (рис. 56).

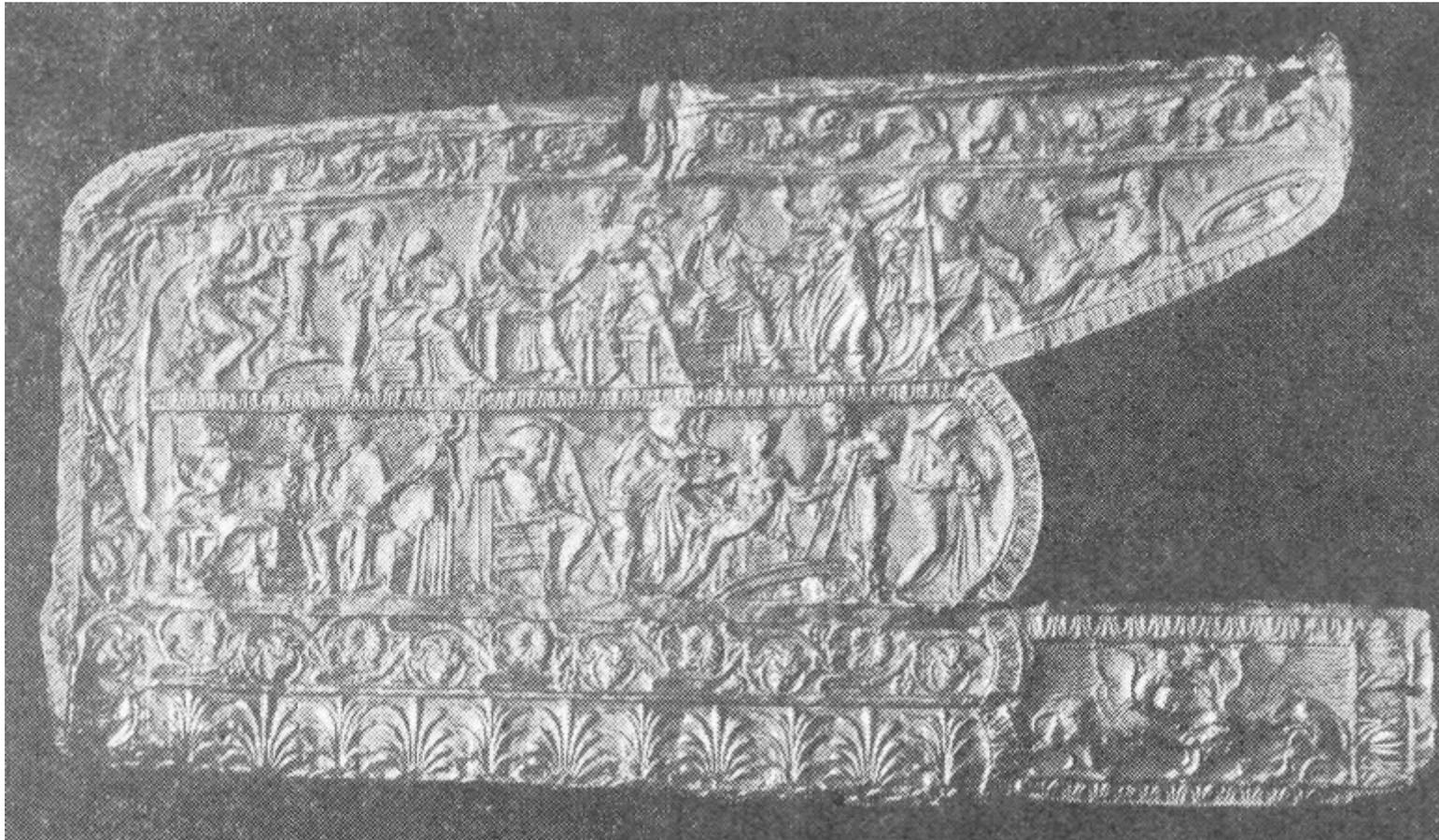
Рис. 53. Горит из Чертомлыка.

Так как гориты этой серии практически не отличаются один от другого (мельчайшие различия в деталях, в тщательности отделки можно не принимать во внимание), то не имеет смысла описывать все экземпляры. Ограничимся описанием более доступного горита из Мелитопольского кургана.

Горит был найден в тайнике вместе с боевым портупейным поясом, покрытым бронзовыми узкими пластинками и парадным поясом из квадратных золотых пластин, украшенных изображениями богини с зеркалом и стоящего перед ней скифа, пьющего из ритона. Точное количество наконечников стрел, находящихся в горите, не установлено, авторы публикаций о раскопках кургана считают, что их число доходило до 70³³⁾ (рис. 57).

Лицевая пластина горита делилась гладкими рельефными полосами или полосой, украшенной «овами» на пяти расположенных горизонтально фризах разной ширины, заполненных растительным орнаментом, изображениями животных и сценами на мифологические сюжеты (рис. 58).

В верхнем, самом узком фризе помещены изображения животных — собака, гонящаяся за зайцем; львица, нападающая на отбивающегося от нее быка; пантера, схватившая за горло барана; бегущие навстречу друг другу дикий кабан и лев; лев и пантера, [77] нападающие на чубарого оленя. Отметим, что многие животные этого фриза напоминают животных на золотых предметах из Толстой Могилы — заяц и собака, кабан, лев, пантера и чубарый олень на пекторали, лев на ножнах меча.

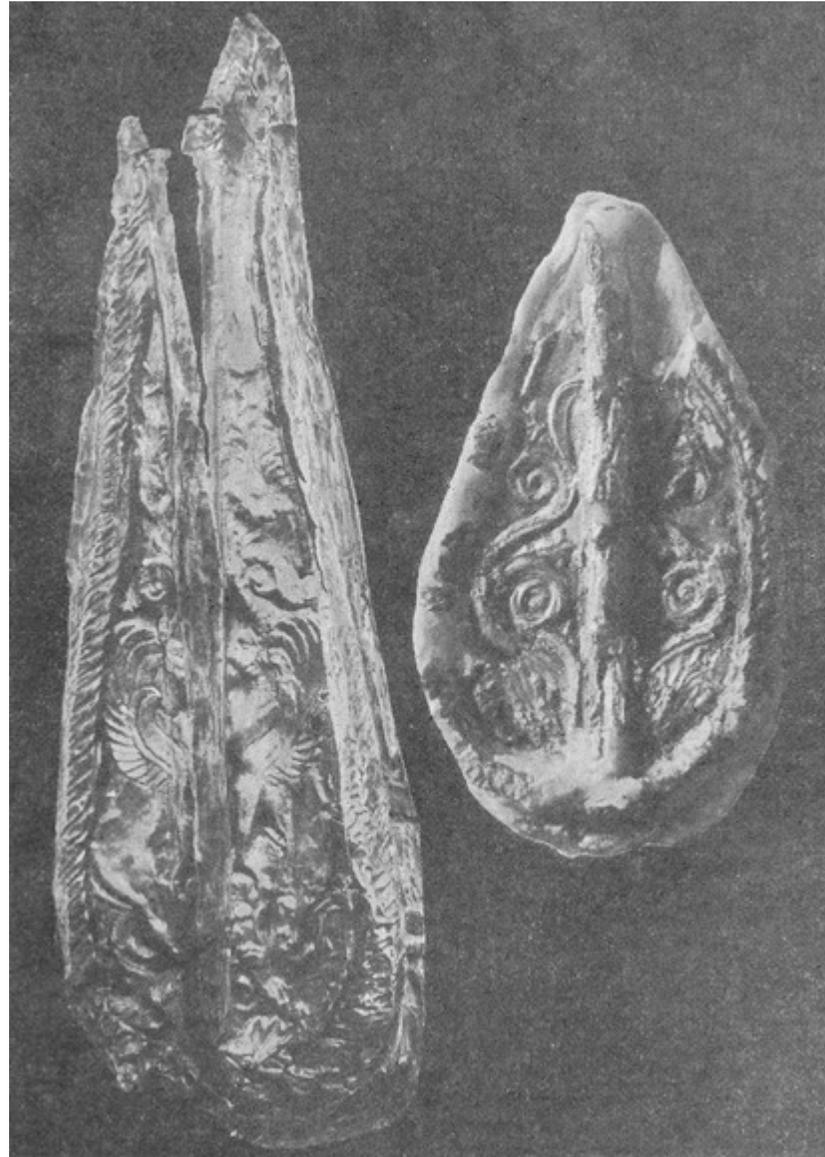
Рис. 54. Горит из Ильинцов.

Центральными на золотой обложке горита являются второй и третий фриз, где изображена многофигурная (20) композиция из (11 — во втором и 9 — в третьем) мужчин, женщин и детей.

Уже через год после находки первого в серии чертомлыкского горита Л. Стефани дал его подробное описание и предложил свою расшифровку сюжета, воспроизведенного на нем.

По его мнению, здесь изображены иллюстрации к афинскому мифу об Алопе. «... Скифский царь, с которым мы имеем здесь (в чертомлыкском кургане. — *Е. Ч.*) дело, слышал об этом рассказе, прежде чем приобрел превосходную пластину для своего налучия, и что, следовательно, при заказе ее он, может быть, прямо выразил желание, чтобы сказание это было изображено на ней».³⁴⁾ Л. Стефани поддержали И. Толстой и Н. Кондаков.³⁵⁾ Но в целом это толкование сюжета не было принято археологами, «... хотя долго не высказывалось другого, которое могло бы заменить малоудачное первое».³⁶⁾ Получило распространение мнение, что фигуры на обивках не связаны одним сюжетом и представляют собой набор фигур, выбитых отдельными штампами. Это мнение отстаивали А. Фуртвенглер, А. Шварц, Гаузер и др.

В 1889 г. берлинский профессор К. Роберт сделал доклад на заседании Берлинского Археологического общества о сюжете сцен на горите. По его мнению, «...каждая из двух полос (фризов. — *Е. Ч.*) не представляет собой отдельных сцен, а что, напротив, обе вместе составляют одно неразрывное целое».³⁷⁾ Он достаточно убедительно обосновал мысль, что источником сцен была картина Полигнота, на которой изображено обнаружение Одиссеем [78]

Рис. 55. Днища горитов. 1 — Ильинцы; 2 — Солоха.[79]

Ахилла на о. Скирос среди дочерей царя Ликомеда.

Одним из первых расшифровку сюжета на обивке, предложенную К. Робертом, поддержал В. К. Мальмберг, сделавший много для популяризации его взгляда, и обоснования отдельных его положений.³⁸⁾ Но в их объяснении «... некоторые фигуры остаются странными или неудачными, а другие — совершенно не связанными с главными».³⁹⁾ Были допущены ошибки и в трактовке отдельных фигур. Некоторые из них выпадали из сюжета.

Большую работу по расшифровке сюжетов сцен на обивке ножен проделал Б. В. Фармаковский, удачно разрешив многие неясные моменты.⁴⁰⁾

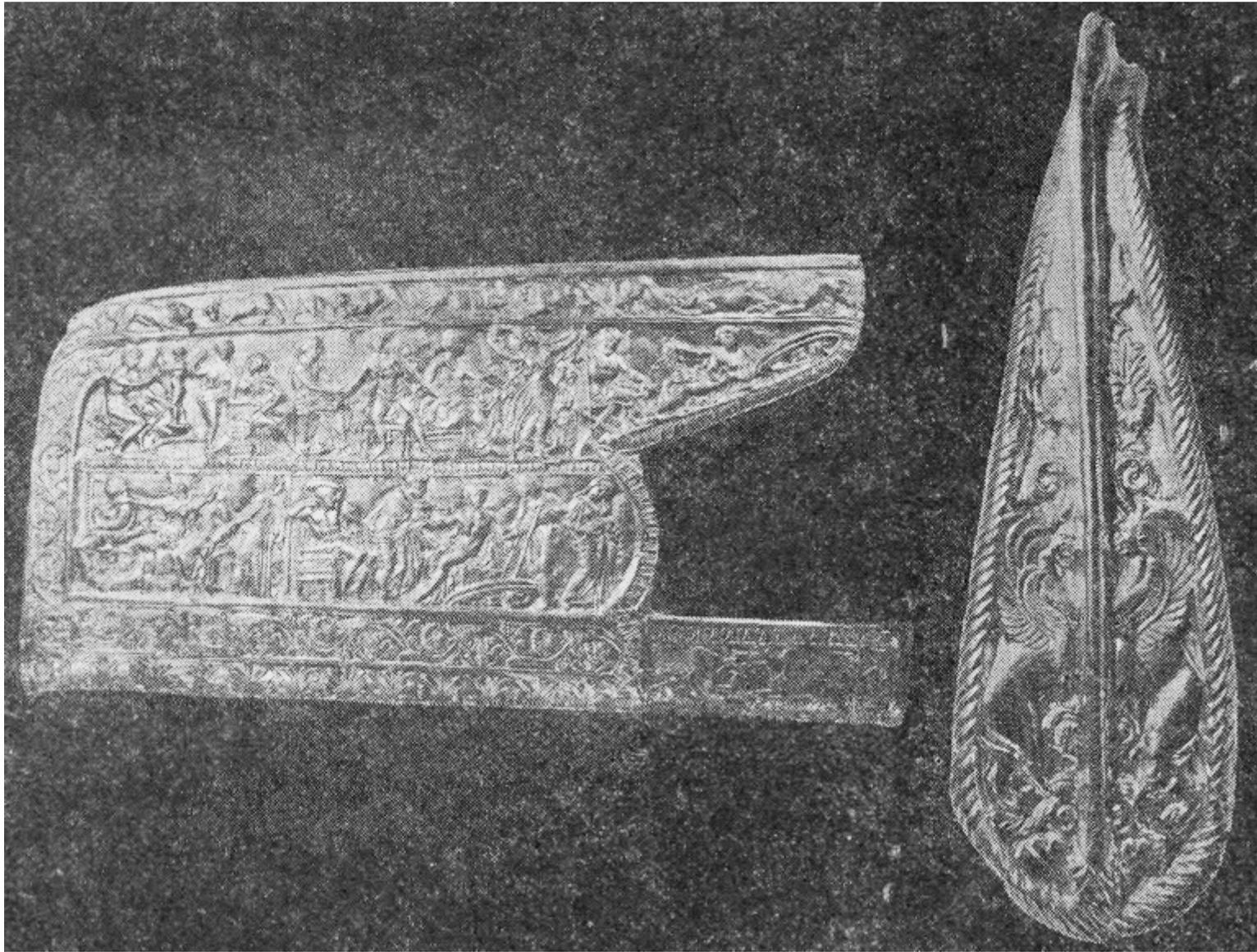

Рис. 56. Горит из Пятибратнего кургана. 1 — общий вид; 2 — дно горита.

Специалисты, писавшие после него о золотых обивках, приняли полностью систему описания Б. В. Фармаковского. Разработка сюжета К. Робертом, В. К. Мальмбергом и Б. В. Фармаковским сейчас тоже принимается без оговорок. Хорошее описание содержания сюжета, воспроизведенного на обивках, дано в работах Н. А. Онайко и В. П. Шилова. Оно дается слева направо, начиная со второго фриза. Первым слева изображен юноша, сидящий на скале. Он обучает маленького Ахилла стрельбе из лука. Вслед за этим показан эпизод обнаружения Ахилла на о. Скирос. В центре фриза изображен Ахилл, вскочивший с места. Его обнаружил Одиссей, который под видом торговца проник в убежище, где мать прятала Ахилла. Одиссей принес с собой оружие, спрятав его среди украшений, с целью вызвать у героя желание принять участие в походе. Справа от Ахилла спокойно сидит Одиссей и держит руку юноши. Рядом — женщина, по-видимому, кормилица или рабыня, которая удерживает за гиматий женщину, распростершую руки. Эта женщина, очевидно, дочь царя Ликомеда — Деидамия, которая имела от Ахилла сына Неоптолема. Ее горе можно понять — она вспомнила предсказание, согласно которому Ахилл обязательно погибнет, если им овладеет дух Арея. За Деида-[80]

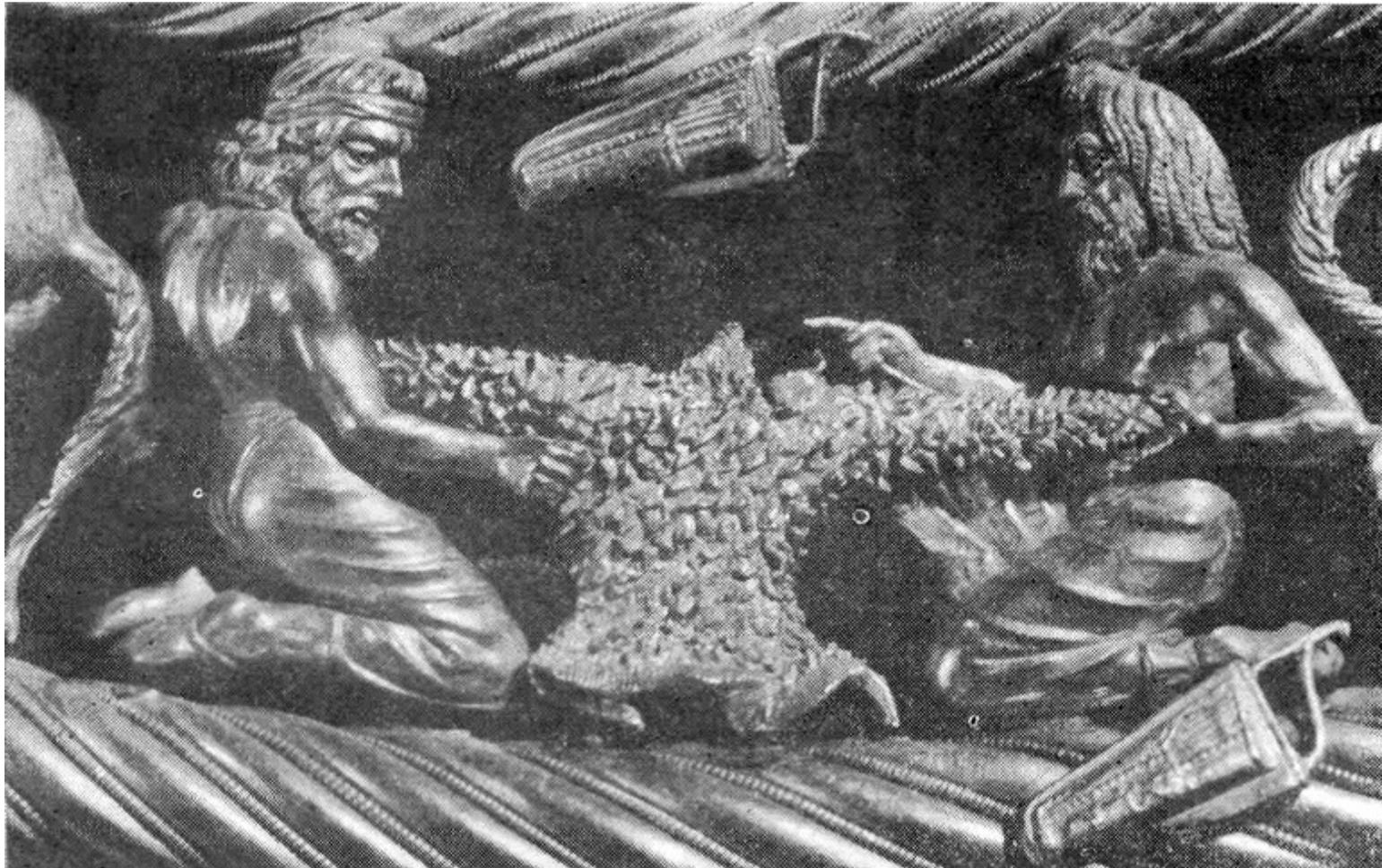
Рис.57. Тайник в Мелитопольском кургане (горит, боевой и парадный пояса).

Рис. 58. Мелитопольский горит. 1 — общий вид; 2 — дно горита. [81]

Рис. 59. Горит из Чертомлыка (оборотная сторона обивки). [82]

Рис. 60. Пектораль из Толстой Могилы (деталь). [83]

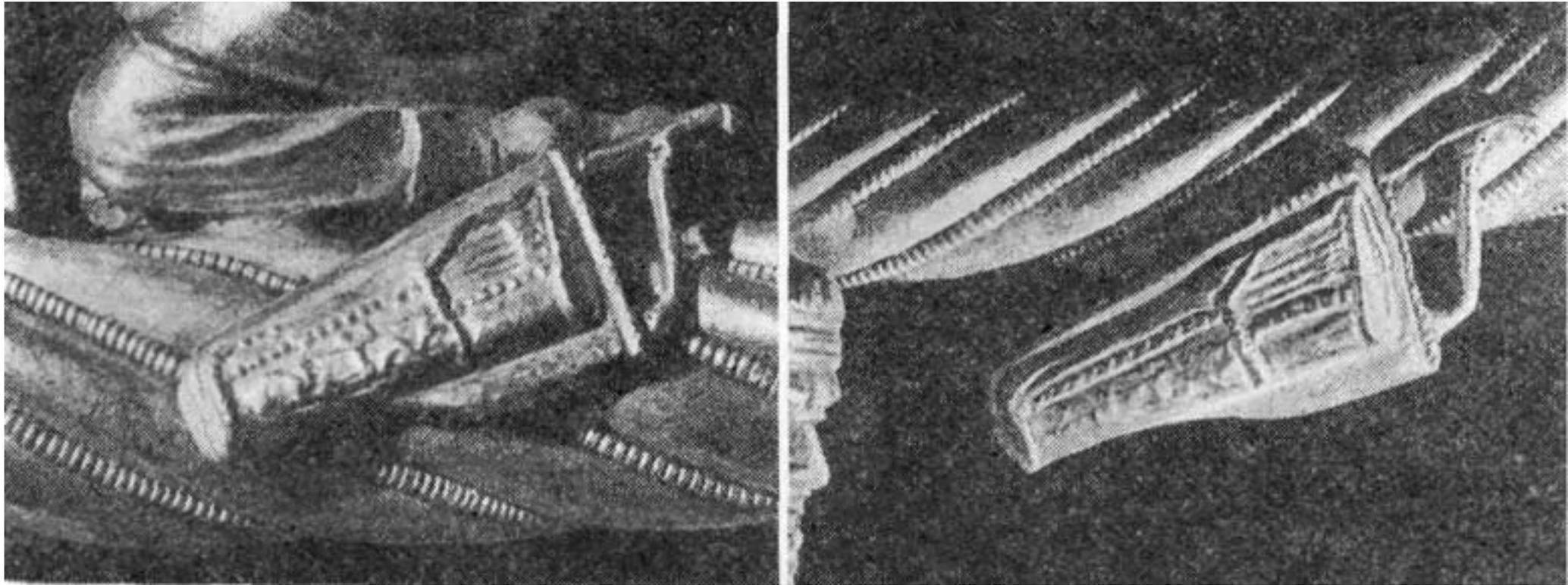
мией на табурете величаво сидит, опершись на посох, царь Ликомед. Возле него с мечом в руке возлежит Ахилл. Рядом с ним его оружие — щит и лежащий под ним шлем. Все фигуры в правой части фриза демонстрируют сцену прощания семьи Ликомеда с героем, уходящим на войну. Продолжают этот сюжет и фигуры, находящиеся в левой части нижнего фриза. Торжественно сидит мать-царица, опираясь на сидящих рядом дочерей. За ними стоит служанка. Из четырех лиц состоит следующая сцена, изображающая примирение Ахилла с

Агамемноном. На троне сидит Агамемнон. По сторонам от Ахилла стоят Одиссей и Диомед. Ахилл полулежит. У его ног щит и шлем. По мнению В. П. Шилова, на Ахилла одевают доспехи, присланные Фетидой для боя с Гектором. В руках Ахилл держит «поножи». Завершает фриз печальная и одинокая Фетида, уносящая урну с прахом погибшего Ахилла. В этих сценах представлено законченное повествование, хотя короткие фризы обивок, выделенные для его изображения, заставили художника разорвать композицию задуманного сюжета.⁴¹⁾

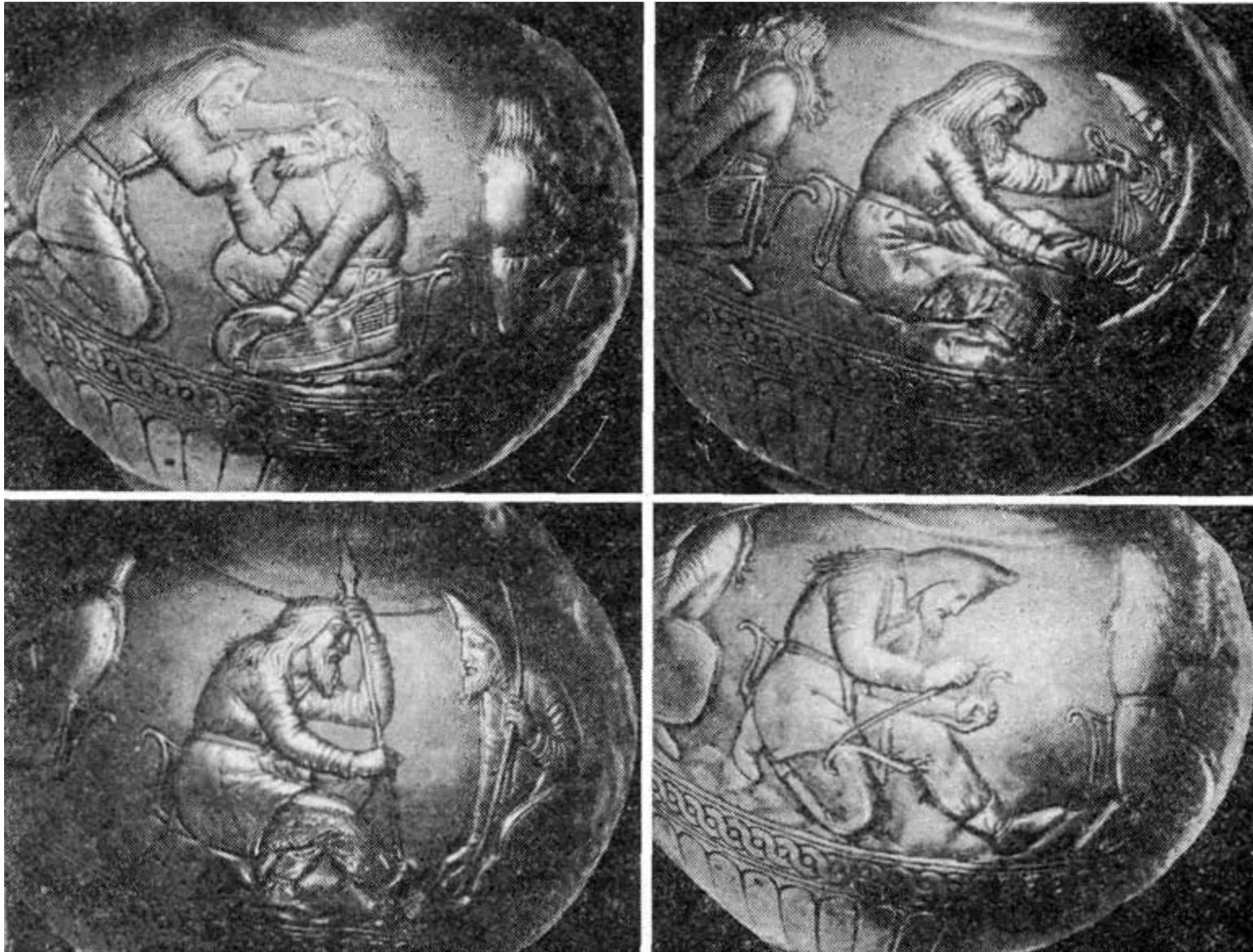
Четвертый фриз состоит из побегов аканфа, цветов арацеи, колокольчиков и бутонов лотоса. Элементы, подобные им, находятся и на части пластины, примыкающей ко дну. Пятый (нижний) фриз образуют пальметки и цветы лотоса. На боковом выступе пластины, окруженном «овами», помещена сцена боя пантеры с парой грифонов (самцом и самкой).

Как и на пластине из Чертомлыка (рис. 59), вдоль пластины пробиты мелкие отверстия, через которые проходили небольшие золотые гвоздики, крепившие пластину на основе. Золотая обивка дна горита имеет грушевидную форму. По оси она разделена на две части. В них помещены два львиноголовых грифона с рогами, стоящих в геральдической позе на задних лапах (рис. 58, 2).

Б. В. Фармаковский сделал очень важный и интересный вывод о неслучайности выбора сюжета для воспроизведения его на золотых накладках парадных горитов. Из мифа об Ахилле «выбраны те моменты, где играет роль оружие. Весь цикл сцен ... прославляет оружие. Герой владеет оружием с детства! Увидев оружие, Ахилл заражается настоящей «манией Ареса»,

Рис. 61. Изображения горитов на пекторали из Толстой Могилы.

Рис. 62. Сосуд из Куль-Обы. Детали изображений воинов с луками и горитами. [84]

он бросает все..., идя на верную погибель под Троею, чтобы только добыть себе славу. Рельефы наших обивок — гимн герою и апофеоз оружия, которое создает героя. Оружие дает имя и славу герою, дает истинное блаженство. Удел героя — слава, это высшее счастье, которое может даровать смертным Судьба. Вот идея рельефов наших обивок. Рельефы имеют глубокое, прекрасное символическое значение. Они — выраженное в образах пожелание славы обладателю горита».⁴²⁾

Рис. 63. Чаша из Гаймановой Могилы (прорисовка Г. С. Ковпаненко).

Интересное мнение о причинах, вызвавших распространение в скифской серии горитов со сценами из жизни Ахилла, высказала И. В. Яценко. «Следует обратить внимание, что пластины со сценами из жизни Ахилла, непревзойденного воина, погибшего от роковой стрелы, покрываются луками и стрелами, предназначенные для хранения луков и стрел. Эта связь, по-видимому, имеет внутренний смысл магического характера. Стрелы, взятые из этих горитов, могут принести смерть и таким непобедимым героям, каким являлся Ахилл. Такой мотив мог быть близок скифам, известным в античном мире в качестве первоклассных стрелков. Возможно, и в скифских мифах также был герой с близкой судьбой».⁴³⁾ [85]

Если Л. Стефани только предполагал, что заказчик чертомлыкского горита — скифский царь — потребовал, чтобы малоизвестный миф об Алопе был воспроизведен на его горите, то намного больше оснований для предположения, что заказчики горитов с сюжетами из жизни и подвигов Ахилла, знали, чьи подвиги изображены на их оружии. Это тем более вероятно в связи со значительным распространением культа героя в Северном Причерноморье.⁴⁴⁾ Соглашаясь с мнением исследователей, видевших на горитах чертомлыкской серии воспроизведение сцен из жизни Ахилла, следует отметить некоторое явное несоответствие отдельных фигур — предметы, которые с ними связаны, не позволяют их трактовать однозначно. К их числу следует отнести четыре фигуры, замыкающие серию изображений. Сидящая фигура молодого мужчины обычно трактуется как Ахилл, одевающий доспехи. Действительно, у табурета, на котором он сидит, лежат щит и шлем. Он их не одевает. А прямоугольные предметы, которые он держит в руках, не только поножами, но ни одним из предметов вооружения быть

ни в коем случае не могут. Вряд ли в руках у Фетиды, замыкающей этот ряд, урна с прахом Ахилла. Предмет этот больше похож на младенца, которого мать бережно прижимает к груди.

Рис. 64. Чаша из Гаймановой Могилы.

Связь сюжета, изображенного на горитах этой серии, с войной не вызывает сомнений. Не случайно на них так много оружия, воспроизведенного с исключительной точностью. Это — характерный скифский лук, круглые щиты и шлемы какого-то античного типа с опущенными нащечниками. К сожалению, малые размеры изображения не позволяют определить его тип. Дважды изображен и характерный короткий [86] греческий меч-ксифос со свисающей портупеей и расширением на конце.⁴⁵⁾

Все исследователи, писавшие о горитах чертомлыкской серии, отмечали их поразительную близость и были единодушны в мнении, что они сделаны по одной матрице. Это бесспорно. Но при дополнительной проработке деталей изображений в декор были внесены довольно хорошо заметные индивидуальные различия.⁴⁶⁾ Вот лишь некоторые из них. Так, перьями покрыты шеи только у грифонов чертомлыкской пластины. На всех остальных обкладках шеи гладкие. Четыре женские фигуры, расположенные в левой части нижнего фриза, находятся под балдахинном. Хорошо заметны стойки, его поддерживающие. На всех обкладках они гладкие. Лишь правая стойка на ильинецком горите украшена точечным орнаментом. Ткань, покрывающая балдахин на чертомлыкской обкладке, выражена нечетко, четче она на пятибратней. На этих пластинах, как и на мелитопольской, ткань в средней части слегка свисает. На мелитопольской она украшена тремя параллельными полосами, в средней части которых помещены ряды кружков. Ткань на ильинецкой пластине украшена сложным узором в виде свисающих кругов, выполненных точечным орнаментом (рис. 54).

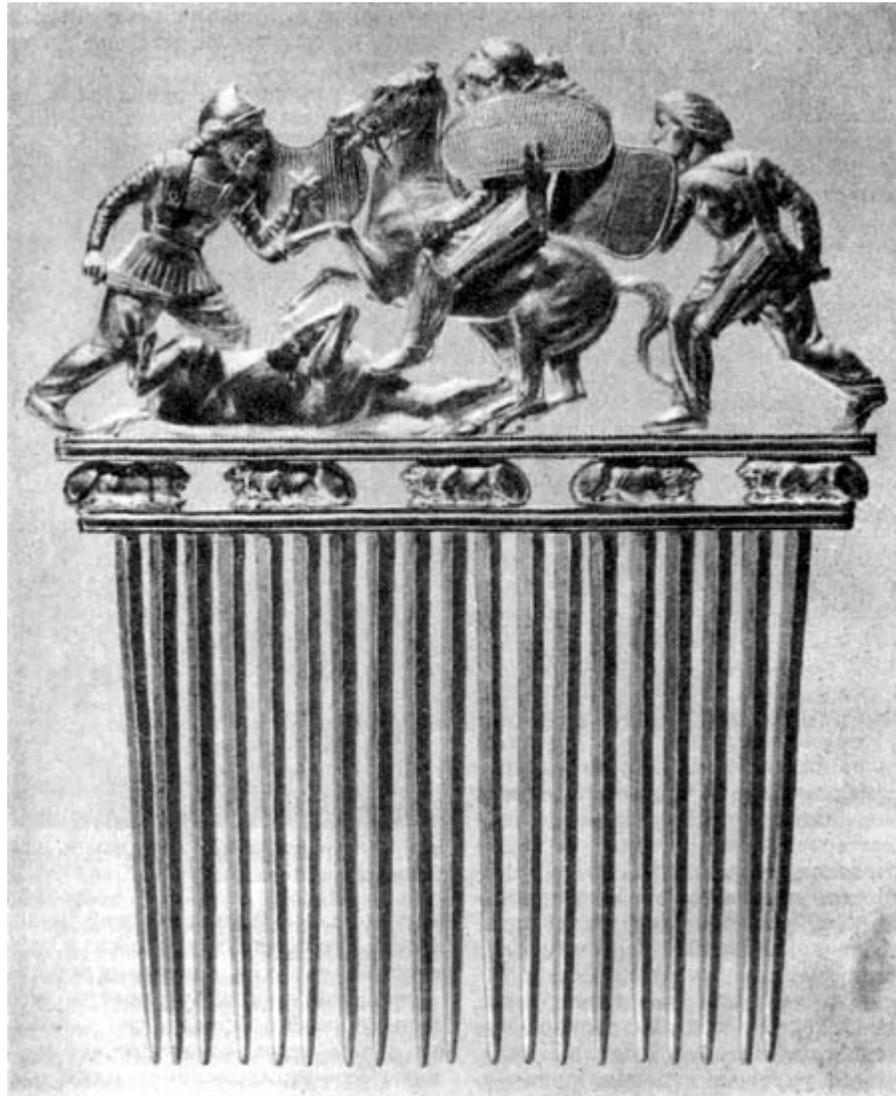
По-разному украшены щиты и лежащие под ними шлемы. На мелитопольской и пятибратней обивках они гладкие, а на ильинецкой и чертомлыкской орнаментированы точками. Меч, который держит в руках лежащий Ахилл, на пятибратней и мелитопольской обивках гладкий. На двух остальных пластинах он украшен точечным орнаментом. На ильинецкой пластине ряд точек проходит вдоль края ножен. На чертомлыкской обивке орнамент сложнее. Помимо того же декора, что и на предыдущей обкладке, рядами точек, проходящими поперек ножен, они делятся на пять прямоугольников. Крайние, помимо того, рядами точек, проходящими по диагонали, делятся на треугольники.

Рис. 65. Изображение горита на чаше из Гаймановой Могилы.

Есть различия в оформлении посохов, находящихся в руках мужчин. На мелитопольской, ильинецкой и пятибратней пластинах все посохи, кроме прислоненного к колену сидящего в роскошном кресле мужчины в средней части нижнего фриза, гладкие. Лишь на одном видны следы срезанных сучков. На чертомлыкской пластине следы срезанных сучков видны на всех четырех посохах (рис. 53).

Заметны различия в оформлении деталей мебели. Точками украшен только табурет, на котором сидит жена Ликомеда в левой части верхнего фриза. На остальных пластинах табуреты [87]

Рис. 66. Гребень из Солохи. [88]

Рис. 67. Изображения скифов на Воронежском сосуде. [89]

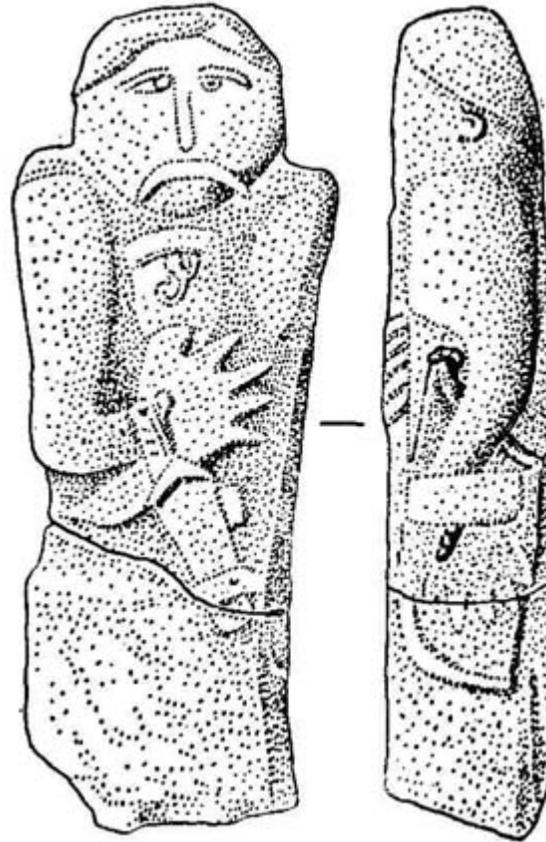
подобного декора не имеют. Точечным орнаментом, иногда образующим сложный узор, и насечками покрыты части кресла, в котором сидит пожилой мужчина в средней части нижнего фриза на чертомлыкской и ильинецкой пластинах. Подлокотник этого кресла на чертомлыкской пластине украшен головкой барана (?). Другие различия, как и отмеченные выше, возникли при окончательной отделке пластин. Больше всего их на чертомлыкской и ильинецкой пластинах.

Различия носят в общем случайный характер и лишь подчеркивают однотипность всех обкладок этой серии.

Гориты серии почти не различаются по величине. Длина их 47 и ширина 25 см.

В. П. Шилов пишет, что один из 16 горитов или колчанов из Пятибратнего кургана имел украшение в виде золотого наконечника. «Внизу и сверху на его корпусе напаяны золотые лентовидные ободки, украшенные по краю двумя круговыми ободками».⁴⁷⁾ К сожалению, кроме этого краткого и очень неясного описания, об этом горите ничего неизвестно.

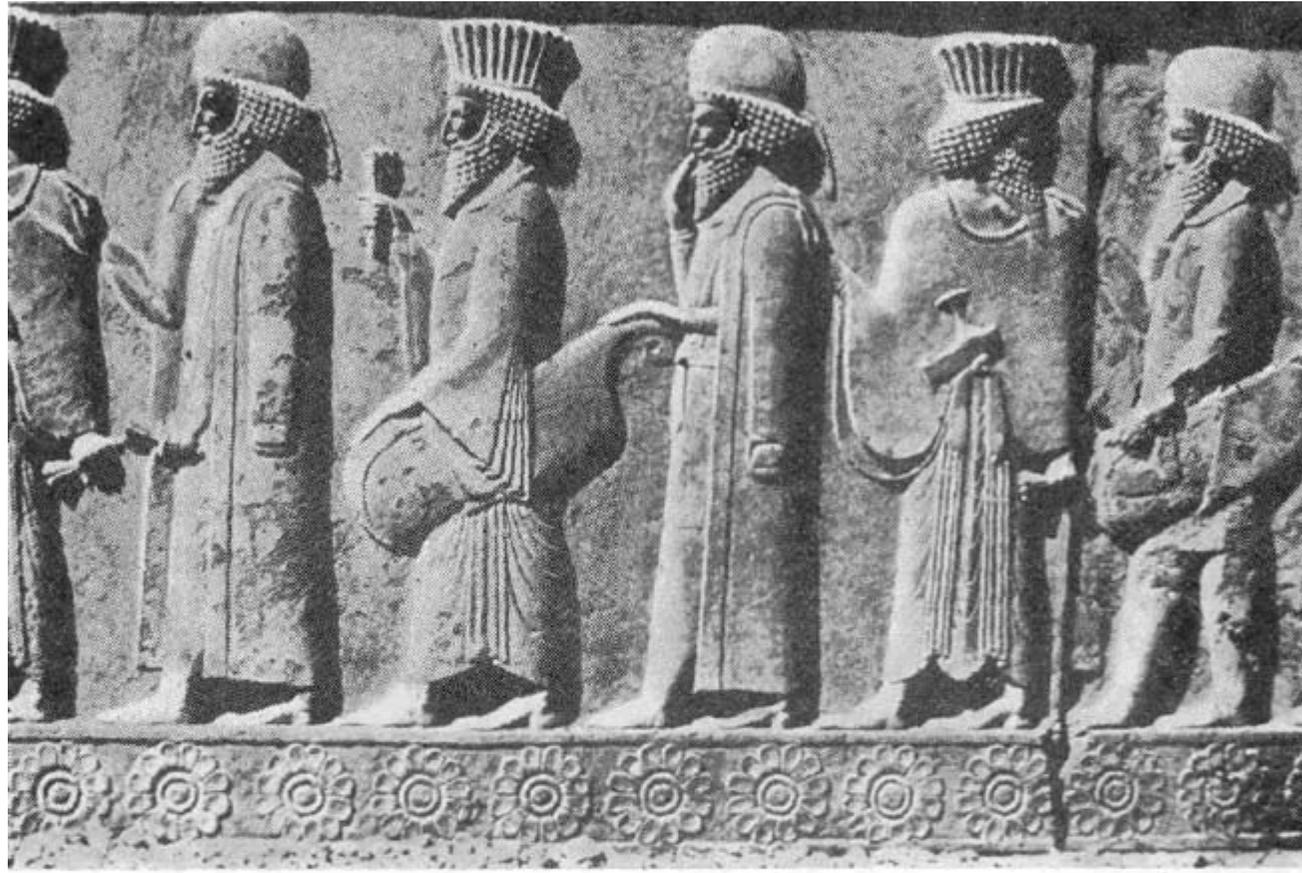
П. Дюбрюкс сообщал, что в Куль-Обе был найден «... чехол (налуч) на деревянный совершенно сгнивший лук. Налуч был покрыт пластом из электрума, украшенного барельефом».⁴⁸⁾ Фрагменты такого же налучья были и в разграбленном тайнике. Об этом П. Дюбрюкс писал: «Мне показали также несколько кусков из электрума с барельефом превосходной работы. Куски эти, вероятно, были от колчана или налуча, сходные с найденным возле остова царя...».⁴⁹⁾

Рис. 68. Стела из Терновки.

Судя по рисунку, П. Дюбрюкс ошибся, приняв за золотое покрытие колчана обкладку ножен парадного меча. Ошибку П. Дюбрюкса повторил и В. Ф. Гайдукевич.^{[50](#)}

В общем к тому же типу, что и парадные гориты с золотыми обкладками, описанные выше, относятся многие го-[89]

Рис. 69. Рельефы из Персеполя (фото Р. Ролле). [90]

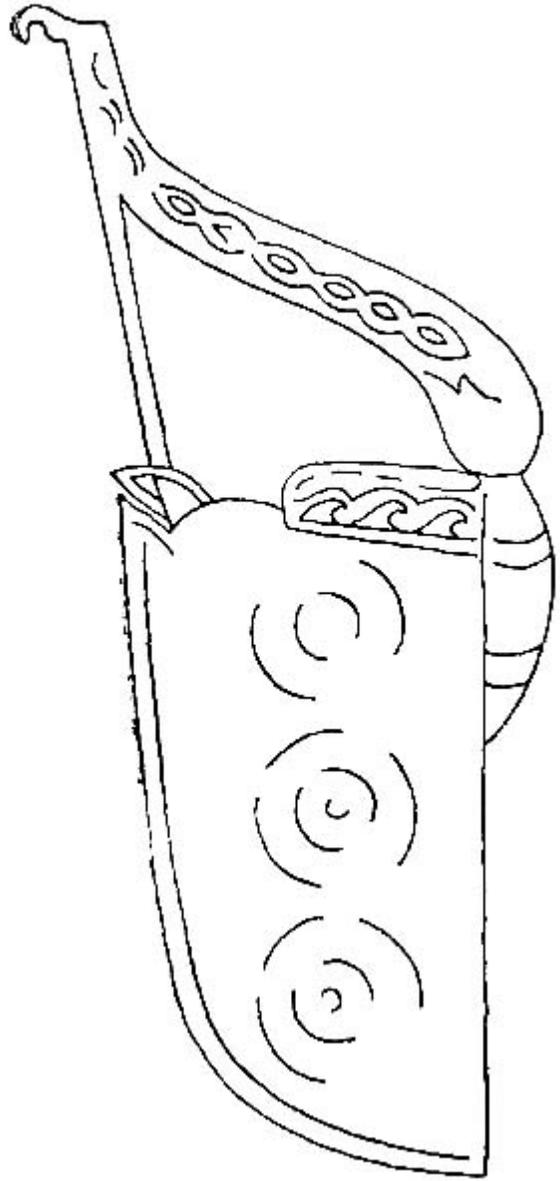
Рис. 69. Рельефы из Персеполя (фото Р. Ролле).*

риты, известные нам по памятникам искусства. Не будем касаться тех горитов, крайне схематическое изображение которых не дает возможности говорить о них что-либо определенное, позволяя только высказывать самые общие соображения об их устройстве. К их числу относятся гориты с гермесовой пластины, очень небольшая часть изображения на горите из Солохи, гориты на карагодеуашхской пластине от головного убора, гориты на бляшках из кургана Патиниотти, большинство горитов на каменных стелах. На остальных известных изображениях гориты показаны очень четко, абсолютная достоверность их не вызывает сомнения. Это убедительно подтверждают парадные гориты с золотыми обивками. Эти гориты можно отнести к двум основным типам. Они состоят из двух частей, делящих горит на отделение для лука у задней стенки горита и карман для стрел на лицевой. Не случайно Б. В. Фармаковский писал «...формы горитов... отличаются чрезвычайной целесообразностью, ясностью и простотой. Все они строго обусловлены назначением предмета».⁵¹⁾

По мнению Б. В. Фармаковского, карман для стрел закрывался крышкой — острия стрел надо было прикрывать для защиты рук и одежды от повреждений.⁵²⁾ Очевидно, так было не всегда. На подавляющем большинстве горитов, известных нам по изображениям, карман оставлен открытым и хорошо видны древки и оперение. Маловероятно, что гориты с золотыми обивками имели клапаны на карманах. На них не обнаружено застежек или ворварок, следов украшения клапанов. Неукрашенный клапан нарушал бы впечатление от богато украшенного золотой накладкой горита. Следовательно, основная масса горитов не имела клапанов. Оперение древков (окрашенное?) и окрашенные в разные цвета их концы дополнительно украшали горит.

На всех известных золотых накладках на горит и на их изображениях в верхней части имеется вырез для кармана, в котором лежали стрелы. Вырез узкий — около 10 см, он намного уже той полосы, какой обычно лежат в погребениях наконечники даже в средних по богатству

горитах, где число наконечников исчисляется десятками, а не сотнями. Следовательно, сам карман для стрел был значительно шире этого выреза. Против мнения Б. В. Фармаковского о том, что клапан над карманом («стрелы ставились в видах практических, конечно, остриями вверх»)⁵³⁾ для стрел закрывал наконечники, убедительно свидетельствует тот факт, что в подавляющей массе погребений наконечники лежат остриями [91] вниз, к дну горита или колчана. Лишь в единичных погребениях они лежали в обратном положении. Но и в этом случае нет полной уверенности в том, что гориты не лежали отверстиями вниз, к ногам погребенного. Из очень немногих примеров можно отметить Талаевский курган⁵⁴⁾ и горит из Солохи.⁵⁵⁾ Многие наблюдения свидетельствуют, что более чем в 400 скифских погребениях, в раскопках которых пришлось мне участвовать, наконечники стрел всегда лежали остриями вниз.

Рис. 70. Горит на рельефе из Ольвии.

Кроме того, на всех изображениях горитов клапаны на карманах отсутствуют, видно оперение стрел, а на горитах, воспроизведенных на пекторали из Толстой Могилы и Куль-Обском сосуде, можно разглядеть оперение и ушки стрел⁵⁶⁾ (60, 61, 62).

Гориты, изображенные на предметах торевтики, имеют форму очень близкую форме горитов с золотыми накладками. Они только несколько уже их (за исключением довольно широких горитов с Гаймановой чаши) (рис. 63, 64, 65). Как и обивки парадных горитов, они делятся на несколько горизонтально расположенных зон. У всех есть вырез над карманом для стрел. Верхний его край скошен, а нижний — прямой. На боках расширения для лука. Гориты украшены золотыми круглыми бляшками (Куль-Обский сосуд), спирально нашитыми бляшками или аппликацией (Куль-Обский сосуд, сосуд из Гаймановой Могилы). Интересны гориты, воспроизведенные на пекторали из Толстой Могилы. Изображения очень схематичные и сказать что-либо определенное о них нельзя. Б. Н. Мозолевский считает, что на горитах воспроизведены сцены боя героя с чудовищем. Очевидно, он прав, и на нижнем горите слева действительно, несмотря на крайний схематизм, можно видеть зверя с выгнутой спиной. Человек опустил на колено и протянул руку к голове зверя. Вторая рука отведена за голову. Создается впечатление, что он замахнулся на чудовище копьем.⁵⁷⁾ Нет украшений на горитах Солохского гребня (рис. 66). Некоторые украшались пышными кистями. Это гориты на Воронежском сосуде (рис. 67), на пластине из Сахновки.⁵⁸⁾ Особенно пышные кисти украшают гориты из Гаймановой Могилы (рис. 65). Очевидно, такие кисти были настолько обычны для этого вида воинского снаряжения, что они даже изображены на монете Атея.⁵⁹⁾ [92]

К другому типу относятся гориты с клапанами на карманах для стрел, застегивающихся описанными выше застежками или ворварками. Два подобных горита имеют воины на диадеме из Сахновки,⁶⁰⁾ такой же горит имеет воин на стеле из Терповки⁶¹⁾ (рис. 68). Своеобразный горит, у которого закрыт не только карман для стрел, но и весь лук, подвешен к боку воина на Чертомлыкской амфоре. Такие гориты имеют воины на рельефах Персеполя⁶²⁾ (рис. 69).

Судя по изображениям и положению горитов в могилах, их носили подвешенными к портупейному поясу слева вверх. Для этого в левой верхней части горита пришивалась короткая ременная петля. Она очень хорошо видна на всех изображениях, где гориты подвешены к поясу. На всех парадных горитах в этом месте обивки пробито отверстие диаметром до 0,5 см. Горит с Гаймановой чаши, помещенный под ручкой, по-видимому, пришит прямо к поясу (рис. 65).

Горит грека-воина с Ольвийского рельефа, аналогичный описанным выше скифским, находится на портупее, переброшенной через плечо⁶³⁾ (рис. 70).

Заканчивая описание парадных горитов, необходимо остановиться на ошибке М. В. Фармаковского, который считал, что они «...могли быть лишь декоративными, а не боевыми, скорее царской регалией, а не вооружением».⁶⁴⁾ Может быть, эти гориты и были царскими регалиями,

но не только парадное, но и боевое назначение их вряд ли может быть поставлено под сомнение. Об этом убедительно свидетельствуют многие десятки наконечников стрел, найденных вместе с ними, и абсолютная однотипность их с рядовыми горитами, хорошо известными по памятникам изобразительного искусства и находкам.

[Назад](#) [К оглавлению](#) [Дальше](#)

---

¹⁾ *Фармаковский Б. В.* Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана... — В кн.: Сборник археологических статей. Спб., 1911, с. 113.

²⁾ *Стефани Л.* Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России. — ОАК 1864 г. Спб., 1865, с. 142 и сл.; *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Курган Карагодеуашх. — МАР. 1894, № 13; *Фармаковский Б. В.* Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и кургана в м. Ильшцах; *Фармаковский М. В.* Горит из кургана Солоха. — Изв. РАИМК, 1922; *Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха. — В кн.: Тр. Государственного Эрмитажа, 1962, Т. 7; *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1962; *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. — СА, 1961, № 1; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — САИ, 1970. вып. Д1-27; *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы. — В кн.: Скифский мир, с. 154-156, рис. 2; *Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе... — СА, 1972, № 3, с. 283-284. рис. 12. *Мозолевский Б. М.* Товста Могила, с. 62-64, 177; *Черненко Е. В.* О серийном производстве парадного оружия скифского времени в античных центрах Северного Причерноморья. — В кн.: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 67-69.

³⁾ *Фармаковский М. В.* Горит из кургана Солоха, с. 26.

⁴⁾ *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, с. 109. 124 и сл., рис. 39, 3; табл. XII, 5-6.

⁵⁾ *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы, с. 154, 156, рис. 2.

⁶⁾ *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг. — ИАК, 1911, вып. 43, с. 52-53; 64-65, табл. 2-4.

⁷⁾ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. — САИ, 1965. вып. Д1-31, табл. 20, 11.

⁸⁾ Манцевич А. П. Бронзовые пластины из второго мастюгинского кургана (к вопросу о фракийских шлемах). — АС, 1969, вып. 2, с. 104-113.

⁹⁾ Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 88.

¹⁰⁾ Горелик М. В. «Фракийские» шлемы. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск. 1980, с. 91.

¹¹⁾ Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх. — МАР, 1894, № 18, с. 10. В публикации указывается, что с другой стороны головы воина лежал другой набор из сотни наконечников стрел, украшенный золотыми накладками. Изданные в связи с этим золотые пластинки частями декора колчана или горита не являются (Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Указ. соч., с. 10, табл. VII, 7, 9). Это типичные накладки на деревянные сосуды. Ошибочно связала их с колчаном Г. А. Цветаева (Цветаева Г. А. Сокровища причерноморских курганов. М., 1968, с. 100).

¹²⁾ *Andronicos M. Vergina. The royal graves in the Great Tumulus. — Athens Annals of Archaeology, T.X, N 1, Athens, 1977; Andronicos M. The Royal Tomb of Philip II. — Archaeology. Sept.-Oct. 1978, 31, N 4; Treasures of Ancient Macedonia. Athens, 1978; ΕΜΠΟΡΙΚΗ ΤΡΑΠΕΖΑ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ.**

Андроникос М. Гробницы македонских царей. — Курьер, 1979, № 7, с. 18-21, 25-27, 30-31; Schiltz V. Deux gorytes identiques en Macedoine et dans le Kouban. — Revue archeologique, Fasc. 2. Paris, 1979, p. 305-310.

¹³⁾ *Andronicos M. Vergina..., p. 66.*

¹⁴⁾ Там же.

¹⁵⁾ Черненко Е. В. Ножны греческого меча из Ольвии. — В кн.: Скифы и сарматы, с. 120-127; Черненко Е. В. Греческие мечи-ксифосы. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев. 1975, ч. 2, с. 85-86.

¹⁶⁾ Мальмберг В. К. Указ. соч., с. 125.

¹⁷⁾ Там же.

¹⁸⁾ Там же.

¹⁹⁾ *Andronicos M. Vergina, fig. 28.*

²⁰⁾ *Мальмберг В. К.* Указ. соч., с. 125-128, рис. 1; 2; 4-7; табл. IX.

²¹⁾ *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Указ. соч., с. 56.

²²⁾ Там же, табл. VIII, 9. {В книге — знак сноски 23. HF}

²³⁾ *Черненко Е. В.* Оружие из Семибратних курганов, с. 67-68. {В книге — знак сноски 24. HF}

²⁴⁾ *Фармаковский М. В.* Указ. соч., с. 32. {В книге — знак сноски 24. HF}

²⁵⁾ *Половцева С.* Объяснение изображений на драгоценных вещах из Солохи проф. Свороносом. — ИАК, 1918, вып. 65, с. 34-35. [158]

²⁶⁾ *Ростовцев М. И.* Ученые фантазии. — ИАК, 1918, вып. 65.

²⁷⁾ *Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха, с. 115-118.

²⁸⁾ *Онайко Н. А.* Античный импорт..., с. 24.

²⁹⁾ *Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха, с. 113, рис. 12.

³⁰⁾ Там же, с. 118.

* Мало вероятно, что это был лук. Очевидно, дерево является частью каркаса, проходившего вдоль краев горита. Без достаточно прочного каркаса горит был бы очень хрупким и использовать его было бы практически невозможно. Прочности горитов уделялось большое внимание. Вспомним, что для этой цели в горите из Опишлянки, возможно, использовались даже железные стержни.

³¹⁾ *Фармаковский М. В.* Указ. соч., с. 24-25.

³²⁾ *Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха, с. 118.

³³⁾ *Тереножкин А. И.* Скифский курган в г. Мелитополе. — КСИА, 1955, вып. 5; *Покровская Е. Ф.* Мелитопольский скифский курган. — ВДИ, 1955, № 2, с. 193.

- ³⁴⁾ *Стефани Л.* Описание некоторых вещей, ..., с. 152-171.
- ³⁵⁾ *Толстой И., Кондаков Н.* Указ. соч., вып. 2, с. 145.
- ³⁶⁾ *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Указ. соч., с. 177.
- ³⁷⁾ Там же, с. 180.
- ³⁸⁾ *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Указ. соч., с. 175-184.
- ³⁹⁾ *Фармаковский Б. В.* Указ. соч., с. 84.
- ⁴⁰⁾ Там же, с. 82-98.
- ⁴¹⁾ *Онайко Н. А.* Античный импорт..., с. 26.
- ⁴²⁾ *Фармаковский В. В.* Указ. соч., с. 97-98.
- ⁴³⁾ *Яценко И. В.* Искусство эпохи раннего железа..., с. 95.
- ⁴⁴⁾ *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья. — СА, 1964, № 2, с. 13-27; № 4, с. 25-36;
Лейпунська Н. О. Про культ Ахілла в Північному Причорномор'ї — Археологія, 1970, 23; *Русяева А. С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье. — В кн.: Скифский мир, с. 174-185.
- ⁴⁵⁾ *Черненко Е. В.* Ножны греческого меча из Ольвии. — В кн.: Скифы и сарматы, рис. 3.
- ⁴⁶⁾ При сравнении чертомлыкской и ильинецкой обкладок на это обратил внимание Б. В. Фармаковский, отметив некоторые различия (*Фармаковский Б. В.* Указ. соч., с. 72-77).
- ⁴⁷⁾ *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана, с. 55.
- ⁴⁸⁾ ДБК, с. XXIV, 176, табл. XXVI, 2.

[49\)](#) ДБК, с. XXXII.

[50\)](#) *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 268.

* В книге под №69 помещено 2 рисунка: один целиком занял 90-ю страницу, 2-й - на 91-й. *HF*.

[51\)](#) *Фармаковский Б. В.* Указ. соч., с. 59.

[52\)](#) Там же, с. 58.

[53\)](#) Там же.

[54\)](#) *Манцевич А. П.* Ритон Талаевского кургана, с. 156.

[55\)](#) *Манцевич А. П.* Парадный меч из кургана Солоха. рис. 1.

[56\)](#) Б. Н. Мозолевский ошибается, описывая горит, воспроизведенный на пекторали, со стрелами, направленными остриями вверх (*Мозолевский Б. М.* Товста Могила. с. 86).

[57\)](#) *Мозолевский Б. М.* Товста Могила, с. 86.

[58\)](#) *Черненко Е. В., Клочко В. И.* О подлинности золотой пластины из Сахновки, рис. 2; 3, 1, 2.

[59\)](#) *Анохин В. А.* Монеты царя Атея, с. 25. рис. 1.

[60\)](#) *Черненко Е. В., Клочко В. И.* О подлинности золотой пластины из Сахновки с. 272.

[61\)](#) *Елагина Н. Г.* Указ. соч., с. 193, рис. 8.

[62\)](#) Благодарю Р. Ролле за фотографии рельефов, сделанные с натуры.

[63\)](#) ИАК, 1913, вып. 47, табл. 4.

⁶⁴⁾ Фармаковский М. В. Указ. соч., с. 26.

V. Некоторые вопросы производства снаряжения лучников

*Лук, тетива и стрела составляют
уже очень сложное орудие, изобретение
которого предполагает долго накапливаемый
опыт и более развитые умственные способности,
следовательно, и одновременное знакомство
со множеством других изобретений*

Ф. Энгельс ¹⁾

Вопросам производства оружия и предметам снаряжения лучников скифского времени посвящена довольно обширная литература. Прежде всего следует отметить работу Б. Н. Гракова, в которой тщательно собран, обобщен имеющийся к концу 20-х годов материал о производстве наконечников стрел лучниками Евразии. Особое внимание в этой работе уделено скифским бронзовым наконечникам.²⁾ Бронзовые части от литейных форм, хранившиеся ранее в Киевском историческом музее, издала Ф. М. Штительман.³⁾ В статьях А. И. Фурманской, посвященных бронзолитейному производству Ольвии, очень кратко использован материал по интересующему вопросу.⁴⁾ Недавно с интересными соображениями по поводу значения заключительного этапа обработки наконечников — заточки — выступил В. И. Клочко.⁵⁾

Производству наконечников стрел, луков и колчанов посвящен раздел в докторской диссертации Б. А. Шрамко. К сожалению, эта чрезвычайно интересная работа до сих пор не опубликована, и о выводах, к которым пришел ее автор, можно судить лишь по нескольким фразам, помещенным в его автореферате.⁶⁾ Б. А. Шрамко писал и о производстве железных наконечников стрел.⁷⁾ Материалы разработок Б. А. Шрамко о производстве и обработке дерева, кости, кожи имеют исключительно важное значение для выяснения особенностей изготовления луков, их костяных и кожаных частей, основной массы горитов и колчанов. Особое значение имеют данные Б. А. Шрамко о специализированных орудиях обработки дерева и кожи. Навыки, приобретенные мастерами Скифии в обработке кожи, кости и дерева, изготовлении утвари, частей узды и кожаных частей доспеха, с успехом могли быть применены и при изготовлении снаряжения лучников.

Изготовить обычный горит было не очень сложно. Для этого, по-видимому, [94] не требовалось специализированного инструмента. Мастера вполне могли устроить обычные инструменты, применявшиеся при обработке кожи. То же самое можно сказать и об обработке кости для частей луков и об изготовлении луков. Кроме того, мы практически не располагаем целыми луками, сохранность которых позволила бы

установить характер изготовления этого оружия. То же относится к горитам и колчанам. Поэтому вопрос производства луков, костяных и деревянных стрел, рядовых горитов и колчанов рассматриваться здесь не будет.

В этой главе речь идет о производстве бронзовых наконечников стрел и парадных горитов IV в. до н. э., остатки которых позволяют составить определенное представление о технике их производства. Из числа работ по этому вопросу следует отметить большую статью Б. В. Фармаковского,⁸⁾ статьи А. П. Манцевич⁹⁾ и В. П. Шилова,¹⁰⁾ разделы из работы Н. А. Онайко.¹¹⁾

Наконечники стрел. Абсолютное большинство наконечников отлито из бронзы. Все они отливались в составных литейных формах, сделанных из бронзы или камня. Производству этого вида оружия посвящена статья Б. Н. Гракова.¹²⁾ Его материалы, дополненные новыми данными, легли в основу данного раздела. Известны литейные формы или их части, бракованные или неоконченные наконечники, остатки мастерских, в которых, по-видимому, изготавливались наконечники стрел, следы бронзолитейного производства.

На территории самой Скифии известны литейные формы для изготовления стрел только IV в. до н. э. Для более раннего времени есть материалы с других территорий, нередко отдаленных от Скифии на многие сотни километров. Концом VII в. до н. э. датируется форма для отливки двух наконечников стрел из Кархемыша.¹³⁾ К VI в. до н. э. относится очень интересная форма для отливки скифских наконечников, найденная в Мосуле.¹⁴⁾ Великолепно сохранившаяся бронзовая форма состояла из шести составных частей — основания с муфтой и жестко закрепленными в нем тремя коническими стерженьками, которые при литье образовывали втулку, пары боковых и пары торцевых створок. Боковые и торцевые створки входили в муфту основания и сверху соединялись в неподвижный блок овальной кольцевой обоймой. Извлекались готовые наконечники очень просто — снималась верхняя обойма и створки легко выходили из основы, освобождая наконечники. В этой форме за один прием можно было отлить три наконечника — два трехлопастных и один, находящийся между ними — двухлопастный (рис. 71, 72).

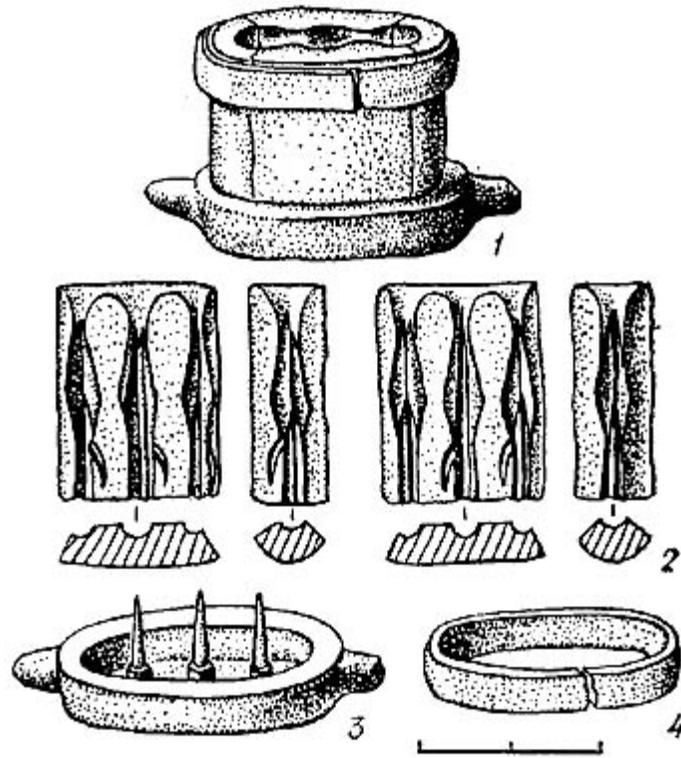
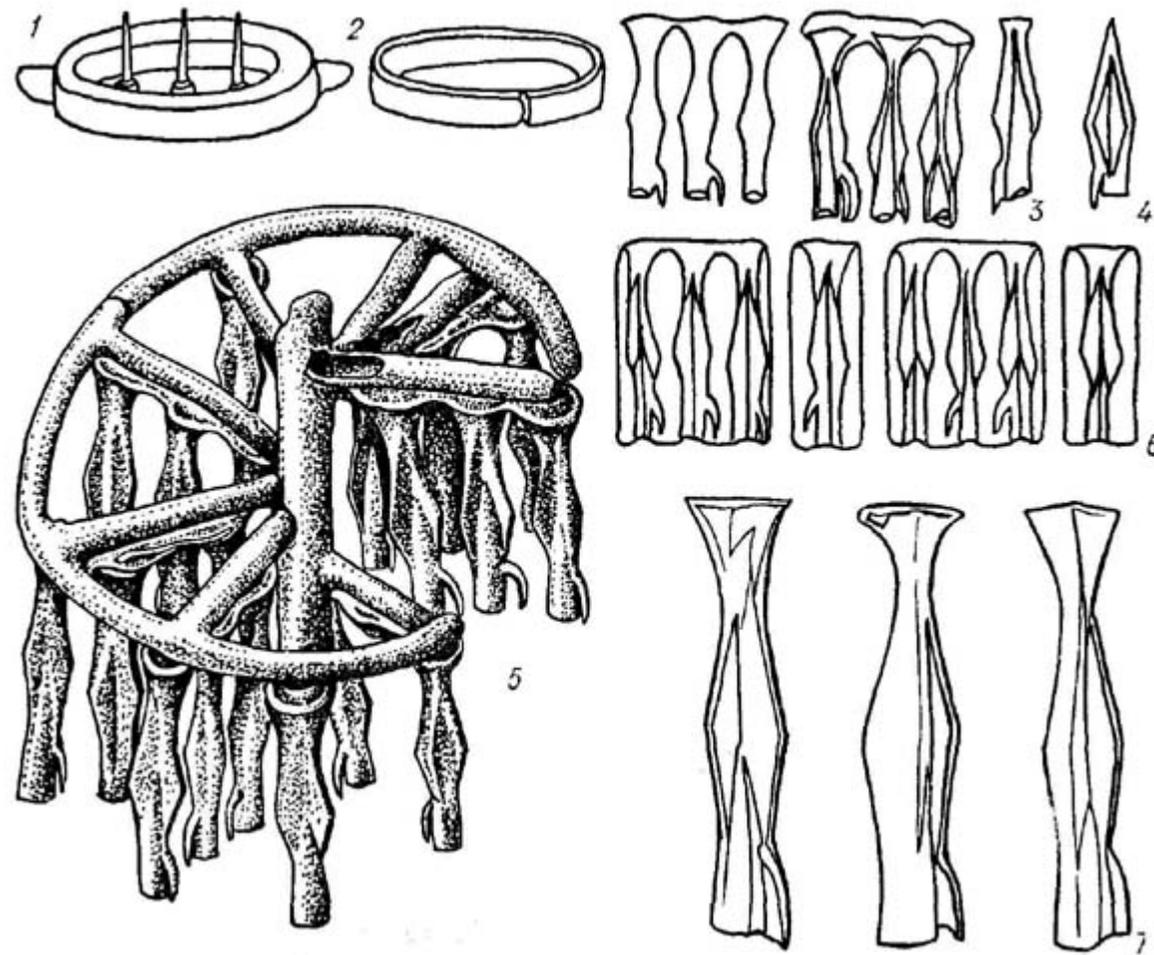

Рис. 71. Литейная форма из Мосула. 1 — общий вид; 2 — створки; 3 — дно; 4 — обойма.

Рис. 72. Литейная форма из Мосула. 1 — дно; 2 — обойма; 3-7 — отлитые наконечники; 4 — готовый наконечник; 5 — приспособление для отливки наконечников (эксперимент); 6 — створки.

Процесс производства стрел в этой форме сводился к пяти операциям: сборка створок в один блок; закрепление их в основе; одевание верхней [95] муфты; заливка металла; разборка формы и извлечение заготовок. Затем следовали отделение литников и заточка стрел.

Эксперимент, проведенный английскими археологами и специалистами по литью, показал очень высокую эффективность изготовления стрел. В такой литейной форме один мастер с несколькими квалифицированными помощниками мог отлить за неделю около 10 тыс. наконечников, шесть литейщиков в ней могли за месяц отлить более 500 тыс. наконечников, переработав при этом до 2 т металла. Л. Ундервуд, обратив внимание на удивительную сохранность формы, будто бы не бывшей в употреблении, сделал вывод, что в этой форме отливали не сами наконечники, а только восковые модели для них. Литье наконечников проходило так, как это делалось уже много веков, с использованием техники литья по восковой модели. Авторы эксперимента предполагают, что различные операции, включая и заточку стрел после отделения литников, могли проводить семь различных мастеров. Они допускали возможность использования при отливке даже не одной, а нескольких одинаковых форм, располагая их по спирали и заливая металл в верхнюю форму, откуда он самотеком попадал в формы, расположенные ниже (рис. 72, 5). Даже если допустить, что эффективность труда литейщиков [96] авторами эксперимента несколько и преувеличена, достаточно высокая производительность не может вызвать никаких сомнений. Об этом убедительно свидетельствуют частые находки горитов со многими десятками наконечников, практическое отсутствие погребений мужчин-скифов, в инвентаре которых не было бы наконечников стрел, десятки и сотни тысяч наконечников, усеявших просторы Евразии.

Формы для отливки наконечников V в. до н. э. неизвестны. К IV в. относятся несколько частей составных форм, обнаруженных в Скифии. В отличие от описанной выше формы, в них за один прием можно было отлить лишь один наконечник. До сих пор известны только части от литейного комплекта, целиком он не найден. В обычный комплект, как свидетельствуют находки, входили три части формы и стержень для образования втулок.

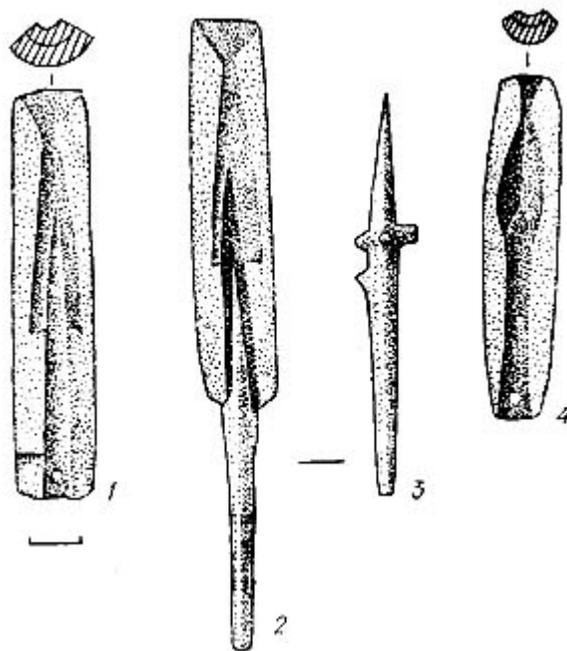

Рис. 73. Части литейных форм из Северного Причерноморья. 1 — створка литейной формы из Букрина; 2 — створка и стержень литейной формы из Букрина; 3 — стержень из Букрина; 4 — створка литейной формы из коллекции А. А. Бобринского.

Две части бронзовой составной формы найдены в начале этого столетия у с. Букрин Ржищевского р-на Киевской обл.¹⁵⁾ Обстоятельства их находки неизвестны. В Киевский исторический музей поступила лишь одна из трех створок, образующих в «рабочем» положении составную форму в виде цилиндра, в которой можно было за один прием отлить один трехлопастный наконечник и вставлявшийся между створками стержень для оставления втулки (рис. 73, 1). В верхней части створок помещалось воронковидное отверстие, через которое заливался металл. Длина створки 7,3 см, ширина 1,5 см. Важной частью являлся бронзовый стержень в виде длинного (около 7,5 см) цилиндра, заостренного в верхней части, который входил в нижнюю часть стрелы и позволял отливать ее втулку. Для фиксации втулки строго по оси будущего наконечника служили три невысоких (0,4 см) шипа, входящих в неглубокие отверстия, находящиеся в каждой из трех створок. Все шипы расположены на разных уровнях — два у самого конца будущей втулки (один чуть выше другого) и третий — на 0,7 см ниже их (рис. 73, 3). Ф. М. Штителман ошибалась, объяснив назначение этих отверстий во втулках лишь как приспособление для соединения всех частей формы в один блок. Это было явно недостаточно. Таким способом можно было только зафиксировать взаимное расположение всех частей

формы (рис. 73, 2). Для более надежного их крепления створки обвязывались проволокой или шнуром (следы видны на поверхности формы).

Отливка наконечника в этой форме сводилась к пяти операциям: сборка формы; перевязывание ее; закрепление в песке или земле; заливка металла; [97] разборка формы и извлечение наконечника.

В КИМе хранилась еще одна створка формы, аналогичная букринской (рис. 73, 4). Она входила в состав коллекции А. А. Бобринского и, по мнению Ф. М. Штительман, происходит из Среднего Поднепровья, возможно, из окрестностей Смелы.¹⁶⁾ Створка несколько меньше букринской. Если в форме из Букрина отливался трехлопастный наконечник с прямыми лопастями, то в форме из собрания А. А. Бобринского — с заметно дуговидными ребрами.

Имеются сведения о находке еще одной литейной формы у с. Стайки Ржищевского р-на Киевской обл.¹⁷⁾ Она утеряна. Нельзя исключить, что место находки указано ошибочно и она в действительности происходит из Букрина, расположенного недалеко от Стаек, и мы в данном случае имеем дело не с двумя, а с одной формой.

Б. Н. Граков сообщает о находке литейной формы при раскопках Ольвии в конце 20-х годов.¹⁸⁾ Кроме этого сообщения Б. Н. Гракова об этой форме (или ее части) ничего неизвестно. Может быть, именно этой находкой и является хранившаяся в фондах заповедника «Ольвия» и утраченная ныне беспаспортная часть формы, воспроизведенная в работе А. И. Фурманской.¹⁹⁾

В Ольвии найдены два бронзовых стержня от литейных форм, один из них в 1940 г. (раскоп И, квадрат 47-49) вместе с материалами конца IV в. до н. э.²⁰⁾ Упомянув об этой находке, Ф. М. Штительман не воспроизводит ее, ограничившись лишь указанием, что она подобна букринской.

Второй стержень от литейной формы найден при раскопках Ольвии в 1947 г. на раскопе А. Он также подобен букринскому и имеет вид продолговатого стержня с заостренным концом длиной 5 см и толщиной 0,5 см. Та часть стержня, которая входила в наконечник, в разрезе имеет форму, близкую к треугольной. В верхней трети стержня четыре небольших выступа, помещенных в средней части граней. Один из них овальный, другой — заострен. Третий выступ сохранился частично. Ниже этих трех выступов, в 0,3 см от них, есть еще один небольшой шип.* Длина их 0,3-0,2 см при такой же толщине.

Заканчивая рассмотрение литейных форм для изготовления скифских наконечников стрел, следует отметить находку каменной формы для отливки бронзовых двухлопастных стрел с листовидной головкой на территории Болгарии у г. Коларовград. В музее этого города она и хранится. К сожалению, эта важнейшая находка еще не издана.²¹⁾

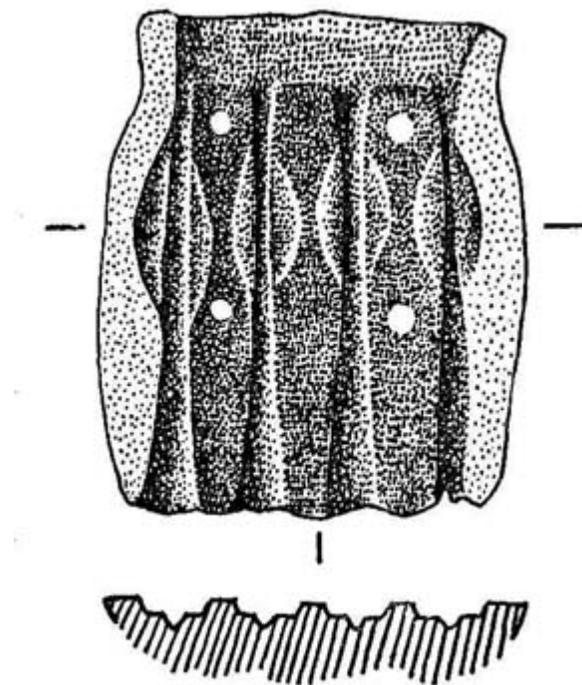
Литейные формы, аналогичные описанным выше, известны и к востоку от Скифии. Б. Н. Граков писал о находке их у озер Иртыш и Исеть в бывшей Пермской губернии.²²⁾ Со ссылкой на С. В. Киселева он пишет о находке формы у Семипалатинска. Однако последнее утверждение, по-видимому, является ошибкой. В работах, где рассматриваются вопросы истории древнего населения Южной Сибири, эта форма не упоминается.²³⁾ Нет ее, кстати, и в работе самого С. В. Киселева, который будто бы сообщал Б. Н. Гракову о находке.

Следует отметить, что литейные формы, в которых отливался лишь один наконечник, подобные найденным в Скифии, менее практичны и эффективны, чем более ранняя форма из Мосула. Вызывает некоторое недоумение, что скифские литейщики и литейщики античных городов Северного Причерноморья, изготавливавшие для скифов бронзовые наконечники стрел и имевшие [98] высокоразвитое литейное производство,²⁴⁾ в IV в. до н. э. использовали для отливки наконечников стрел формы, в которых можно было отлить лишь один наконечник. Формы для отливки несколько разнотипных наконечников, были известны не только в архаику (форма из Малой Азии), но и гораздо раньше, о чем убедительно свидетельствует литейная форма для четырех наконечников из Новочеркасского клада, обнаруженного в 1939 г.²⁵⁾ (рис. 74).

Вероятно, прав крупный специалист по литейному производству А. М. Петриченко, допускавший возможность изготовления наконечников скифских стрел не в одной форме, где одновременно отливалось несколько наконечников, а в нескольких расположенных в ряд форм, в каждой из которых отливали по одному наконечнику.²⁶⁾

На боках некоторых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел хорошо видны невысокие рельефные полосы, которые иногда образуют довольно сложный узор (рис. 75, 1-12). Характерно, что в ряде наборов видно присутствие наконечников с украшением различных систем (рис. 75, 4, 5, 6-9). Назначение этих значков остается неясным.

Из Олинфа известен хранящийся ныне в Британском Музее очень интересный довольно крупный (длина его равна 7 см) бронзовый наконечник скифского типа.²⁷⁾ На наконечнике очень четко видна подпись ΦΙΛΠΠΟ, выполненная в той же манере, что и значки на наконечниках из Скифии (рис. 75, 13, 14). Надпись была вырезана на форме в позитивном изображении, и поэтому на наконечнике она получилась воспроизведенной в «зеркальном» виде. В популярной книге о военном деле у греков он описан как наконечник болта катапульты.²⁸⁾

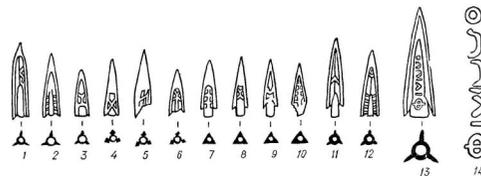
Рис. 74. Литейная форма из Новочеркасского клада.

К сожалению, определение состава металла, из которого отливались наконечники стрел, производилось очень редко. Б. А. Шрамко отмечает, что обычно для этого применялась оловянистая или свинцово-оловянистая бронза, реже встречаются наконечники, отлитые из томпака или латуни.²⁹⁾ После извлечения наконечника из формы, очевидно, с помощью зубила отрубали воронкообразное расширение в верхней части наконечника (литник) и проводили заточку граней и лопастей на точильном камне. При этом каждая стрела затачивалась отдельно. Степень заточки наконечников, даже изготовленных в одной форме, разная, нередко они даже выглядят как отлитые в разных формах. Б. Н. Граков писал, что не только отливка, но и заточка влияли на тип стрелы.³⁰⁾ Поэтому выявление стрел, отлитых в одной форме, возможно только при самом детальном сравнении их отдельных элементов, учитывая одинаковое расположение и форму литейных швов, длину и форму втулки и шипа.³¹⁾ Надо отметить, что сама втулка и шип на архаических наконечниках почти не подвергались обработке после извлечения наконечника из формы и поэтому могут быть самым надежным показателем принадлежности наконечников, отлитых в одной [99] форме, к какой-то серии. Работа по выявлению серий наконечников очень важна не только в пределах колчанного набора, но и в синхронных наборах. Удачный опыт продемонстрировал В. И. Клочко на примере колчаных наборов из Репяховатой Могилы.³²⁾

Очень важен вопрос о месте производства скифских наконечников стрел. Остатки бронзолитейного производства в виде мастерских, шлаков, слитков металла, наконечников стрел, извлеченных из формы, но не прошедших заключительного этапа обработки — заточки, нередко встречаются при раскопках городищ Лесостепной Скифии. Много их обнаружено на Вельском городище,³³⁾ городище у с. Полковая Никитовка.³⁴⁾

Говоря о поселениях скифского времени в украинской Лесостепи, Б. Н. Граков упоминает о находке следов бронзолитейного производства на городище, названном им «Разорена Могила».* Об этом упоминается в статьях А. А. Захарова³⁵⁾ и А. И. Фурманской.³⁶⁾ В действительности такого городища нет. Разведки Б. А. Шрамко выяснили, что упоминаемый Б. Н. Граковым памятник городищем не является. Это характерный майдан, расположенный в окружении курганов на территории курганного могильника. Никаких следов бронзолитейного производства на нем нет. На ошибку А. А. Захарова и А. И. Фурманской справедливо указал Б. А. Шрамко.³⁷⁾

Следы бронзолитейного производства, среди которых следует отметить бракованную трехлопастную стрелу, обнаружены на Каменском городище.³⁸⁾

Рис. 75. Наконечники стрел со значками. 1 — Басовка, курган № 482; 2 — Золотой курган; 3 — Марицыно, курган IG; 4, 5 — Осняги; 6-9 — курган близ Цимбалки; 10 — курган Бобовича; 11 — Кут, курган № 21; 12 — Краснокутский курган; 13, 14 — Олинф.

Многочисленные следы металлургического, в том числе и бронзолитейного, производства, связанного с изготовлением наконечников стрел скифских типов, известны на территории античных городов Северного Причерноморья. К их числу следует отнести Ольвию.³⁹⁾ Именно отсюда известно несколько описанных выше частей литейных форм по изготовлению наконечников стрел.

На территории Ягорлыцкого поселения у с. Ивановка Голопристанского р-на Херсонской обл. обнаружено очень много следов бронзолитейного производства — шлаки, слитки металла. Количество архаических скифских стрел, извлеченных из формы, но не законченных (с неотрубленными литниками и незаточенных) (рис. 76), исчисляется сотнями.⁴⁰⁾ Здесь их найдено, пожалуй, больше, чем на всех остальных поселениях и городищах Северного Причерноморья вместе взятых. [100]

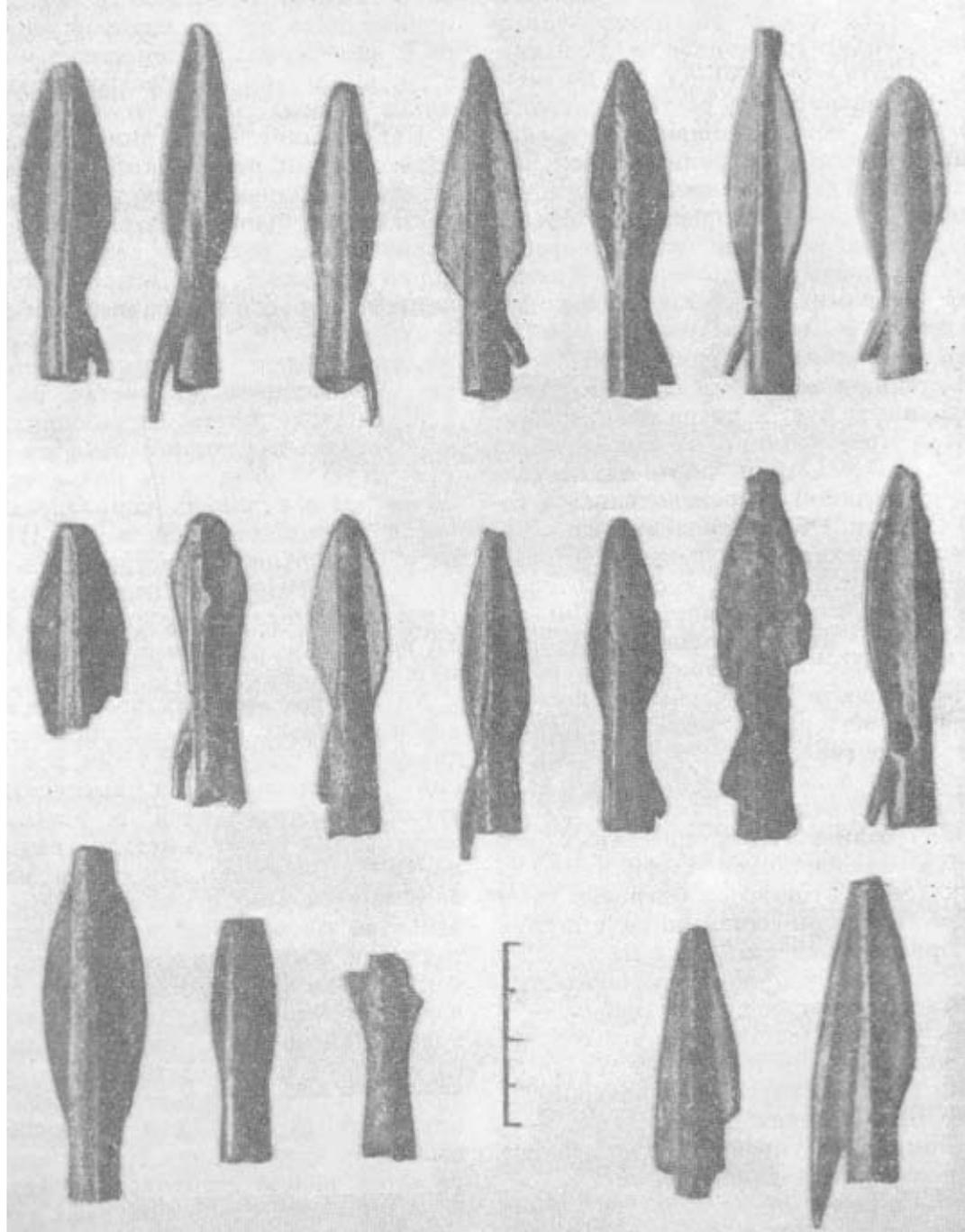
Мастерская оружейника, где наряду с панцирями изготавливались и наконечники стрел (судя по неоконченным экземплярам), раскопана в Пантикапее.⁴¹⁾ Датируется VI—V вв. до н. э.

Нет сомнения, что часть наконечников стрел, обнаруженная в скифских курганах (особенно раннего времени), изготовлена в античных городах Северного Причерноморья, мастерские которых работали на удовлетворение спроса необъятной Скифии. Пример тому Ягорлыцкое поселение, где для обитателей Скифии наряду с бронзовыми булавками, находившими сбыт в Лесостепи, и массовым производством стеклянных бус в значительных размерах производили и наконечники стрел. Но основная часть наконечников, по-видимому, производилась в самой Скифии. Об изготовлении их в Лесостепи убедительно свидетельствуют материалы городищ, часть которых приведена выше. Свидетельством изготовления наконечников в степной Скифии могут быть данные Каменского городища и полученные в последние годы материалы раскопок Елизаветовского городища. Об этом косвенно говорит и легенда о скифском царе Арианте, *«приказавшем»* (курсив мой. — Е. Ч.) отлить из принесенных его воинам наконечников стрел котел».⁴²⁾ Безусловно, этот котел отливали сами скифы. Трудно предположить, что царь мог приказать сделать это в мастерской античного города. Мастера, способные отлить котел огромных размеров — в шесть раз больше знаменитого сосуда, который был поставлен «у входа в Понт» Павсанием, командовавшим в битве при Платеях спартанцами, могли отливать и гораздо более простые в производстве наконечники.

Бесспорным представляется факт весьма широкого распространения и очень высокой технической оснащенности мастерских, изготавливавших в Северном Причерноморье сотни тысяч наконечников стрел для горитов скифских воинов. Возможность массового производства при их видимой дешевизне⁴³⁾ определила повсеместное господство в Скифии бронзовых наконечников стрел.

Наконечники стрел были, пожалуй, единственным видом скифского вооружения, в котором железо так и не смогло заменить бронзу. Поэтому железные наконечники редки в колчанных наборах Скифии.* Их число лишь ненамного выросло по сравнению с отмеченными А. И. Мелюковой комплексами, где найдены железные наконечники (Александрополь, курган № 6 в с. Башмачка, в трех погребениях Никопольского курганного поля и в двух у с. Кут).⁴⁴⁾ Железных наконечников почти нет и в ранних комплексах. Их число возрастает лишь в IV—III вв. до н. э. Больше они встречены в курганах на Среднем и Нижнем Дону.⁴⁵⁾ Но и здесь железные наконечники смогли вытеснить бронзовые только в сарматское время.

Характерно, что изготовленные методомковки железные наконечники стрел аналогичны бронзовым. Как правило, они трехлопастные с выступающей втулкой, образованной в результате свертывания полоски металла ниже головки.⁴⁶⁾ Очевидно, трудность массового изготовления стрел из железа объясняется сложностьюковки трех лопастей и изготовлением втулки. Поэтому только в сарматское время, когда начинают делать не втульчатые, а черешковые наконечники, смогли наладить их массовое производство и вытеснить бронзу. Как свидетельствуют наблюдения Б. А. Шрамко, для изготовления железного наконечника стрелы использовалось железо невысокого качества с большим количеством шлаковых примесей.⁴⁷⁾ [101]

Рис. 76. Наконечники стрел из Ягорлыцкого поселения. [102]

Костяные наконечники стрел чаще всего повторяют форму бронзовых. Обычно они трехгранные (трехлопастных нет), очень редки четырехгранные со скрытой или выступающей втулкой. Грани оформлены так же, как и на бронзовых, нередко показан ложок, вырезались наконечники ножом из толстой кости крупного животного. Поверхность часто тщательно полировалась. Втулка высверливалась сверлом.

Пулевидные наконечники различной величины и пропорций, по-видимому, вытачивались на специальных приспособлениях. Следы реза заметны на некоторых экземплярах. Поверхность их обычно тщательно полировалась до зеркального блеска. Из курганов Керченского п-ова и Прикубанья известна серия цилиндрических наконечников с заостренным игловидным острием, сделанных ножом из трубчатой кости птицы.⁴⁸⁾

Ножом вырезались и деревянные наконечники, форма которых тоже повторяет бронзовые (курган у Серогоз), и стрелы, наконечник которых составляет одно целое с древком (курган у Богдановской обогатительной фабрики возле г. Орджоникидзе).

Парадные гориты. В скифских курганах IV—III вв. до н. э. нередко находки вещей, сделанных из золота и серебра по одной матрице. Многие десятки однотипных бляшек, выбитых по одной матрице, встречаются не только в одном комплексе, но и в погребениях, разделенных иногда десятками и сотнями километров. Известны серии более крупных предметов, например, совершенно одинаковые налобники из Цимбалки и Толстой Могилы,⁴⁹⁾ ножны мечей так называемой чертомлыкской серии (из Чертомлыка, Пятибратнего кургана и происходящая из-под Никополя накладка на ножны меча, хранящаяся в музее Метрополитен в Нью-Йорке). На всех этих пластинах одинаковая форма ножен, варьируются лишь форма и сюжет изображений на боковой лопасти. Скорее всего, не единственна и накладка на ножны меча из Толстой Могилы, и следует ожидать находок подобных же накладок.⁵⁰⁾ Есть несколько одинаковых золотых накладок на рукояти мечей.⁵¹⁾

Сериями изготавливались и накладки на гориты. Еще совсем недавно была известна только чертомлыкская серия из четырех золотых накладок: чертомлыкская (1863 г. — И. Е. Забелин), ильинецкая (1902 г. — Н. Е. Бранденбург), мелитопольская (1954 г. — А. И. Тереножкин) и пятибратняя (1959 — В. П. Шилов). Сейчас уже ясно, что такими же сериями изготавливались и другие накладки. Серебряная с позолотой накладка из Карагодеуашха имеет своего двойника, выполненного в золоте. Имеется в виду накладка на горит так называемой гробницы Филиппа Македонского, недавно открытой в Македонии. Может быть, будут найдены и повторения серебряной пластины горита из Солохи.

Сюжеты изображений на горитах этой серии были описаны выше. Здесь остановимся на некоторых вопросах, связанных с изготовлением этих пластин. Вопрос о серийном производстве золотых накладок на гориты встал только после находки второго однотипного экземпляра в 1902 г., когда в Ильинецком кургане была найдена пластина, являющаяся копией найденной за 40 лет до этого в кургане Чертомлык.

Сравнению этих пластин посвятил большую работу Б. В. Фармаковский.⁵²⁾ Заметное место в ней заняли вопросы, посвященные выяснению особенностей изготовления пластин-близнецов.

Сам факт находки ильинецкой пластины опроверг мнение В. К. Мальмберга о выполнении всех изображений на чертомлыкской пластине от руки. «Несомненно, обе обивки исполнены при помощи какого-то механического [103] приема. Самая простая модель, приходящая в голову каждому при сравнении обеих обивок, это, конечно, та, что обивки были оттиснуты с одной общей формы».⁵³⁾ По сообщению Б. В. Фармаковского, к такому выводу пришел Г. Е. Кизерицкий. Возражая ему, Б. В. Фармаковский выдвигал следующие соображения: «Совершенно непонятно, на каком основании он предполагал, что форма, по которой были оттиснуты пластины, могла быть изготовлена только из камня и имела резьбу вовнутрь и что золотые пластины вбивались в резьбу камня при посредстве еще какого-нибудь передаточного мягкого материала, вгонявшего их в углубления каменной формы».⁵⁴⁾ Перебирая вероятные приемы, использовавшиеся для изготовления пластин, он говорит и о возможности изготовления по одной форме двух пластин одновременно. Вспоминая келермесскую секиру, Б. В. Фармаковский писал и о способе получения золотых рельефных украшений на рельефной деревянной основе, к которой и прибывалось покрытие. При этом основа-матрица оставалась внутри предмета.^{54a)} На этом основании он делает вывод, что одна из обивок (ильинецкая) была изготовлена по деревянной основе, оставшейся под золотым покрытием, и по ней уже оттиснули Чертомлыкскую пластину.

Н. И. Веселовский пошел дальше. Он писал, что «...не может быть и речи о том, что которая-либо пластина сделана оттиском с другой». Используя материалы раскопок Солохи, где под золотыми пластинами конских нащечников находилась деревянная основа, он сделал вывод об отсутствии связи между ильинецкой и чертомлыкской пластинами. По его мнению, обе пластины самостоятельны и изготовлены одним и тем же способом — у каждого из горитов была своя деревянная основа.⁵⁵⁾

Б. В. Фармаковский допускал возможность изготовления на деревянной форме, покрытой золотым листом, нескольких копий. «О получении оттисков с деревянной формы (не имеющей подобного покрытия. — *Е. Ч.*) в большом количестве, конечно, никакой речи быть не может».⁵⁶⁾ После детального сравнения обеих обивок, выяснения различий в отделке деталей Б. В. Фармаковский сделал вывод, что «ильинецкая обивка не представляет копии с чертомлыкской... Может быть одно из двух: или обе обивки сделаны с одного общего оригинала, или чертомлыкская обивка скопирована с горита, которому принадлежала обивка из Ильинец».⁵⁷⁾ На основании характера отделки деталей на чертомлыкской пластине Б. В. Фармаковский сделал вывод, что она была копией, а «...художественные качества ильинецкой обивки выгодно отличают ее как оригинал».⁵⁸⁾

Через всю работу Б. В. Фармаковского проходит мысль, что чертомлыкская обивка была снята с горита, обивку которого нашли в Ильинцах.⁵⁹⁾ Сделав так много для обоснования своего мнения, иногда прибегая к натяжкам и даже нелогичным построениям, Б. В. Фармаковский почему-то не привел одного очень существенного факта. Сделать это в то время было нетрудно — статья писалась вскоре после находки.* В статье нет данных о том, что помещалось под пластиной с ее обратной стороны — дерево, которое должно было там

находиться, если эта пластина была использована как матрица при изготовлении чертомлыкской,^{*} или какой-то состав, помещенный под остальными тремя пластинами этой [104] серии. Еще И. Е. Забелин отмечал, что в чертомлыкском горите «с исподни, в углублениях чеканки остается еще мастика, которая, без сомнения, была употреблена для сохранения выбитых изображений в целости».⁶⁰⁾ Такая же мастика была под мелитопольской^{*} и пятибратней⁶¹⁾ пластинами. Есть она и под горитами^{*} из Солохи.⁶²⁾ По-видимому, подобная же мастика была и под пластинами из Ильинцов и Карагодеушха. К сожалению, при издании этих материалов авторы публикаций не отметили этот факт. Под пластиной горита из Македонии (гробница Филиппа Македонского) мастика была светлая. Она хорошо видна на фотографии, где зафиксированы наконечники стрел, лежащие на месте после снятия пластины.⁶³⁾ Такая же зафиксирована и под пластинами, покрывавшими ножны мечей из Пятибратнего кургана, Толстой Могилы и др., сделанных в той же технике, что и серийно изготовлявшиеся гориты.

О технике производства пластин, украшавших гориты чертомлыкской серии, писал В. П. Шилов. Он категорически отверг мнение Б. В. Фармаковского об изготовлении чертомлыкской пластины по ильинецкой, использованной в качестве матрицы. Обратив внимание на различие в качестве оттиска лицевой и оборотной стороны (лицевой сделан менее тщательно), он сделал вывод, что «...изображения на обивках оттискивались с лицевой стороны по позитивной форме» и чертомлыкская и пятибратняя пластины изготовлены по одной форме и являются копиями. «Изучение с помощью бинокулярной лупы отпечатков фактуры формы на оборотной стороне золотых обивок позволяет утверждать, что материалом этим являлась бронза. Здесь на многих участках, благодаря мягкости материала обивок, отпечатались неровности, шероховатости и даже мелкие раковины, характерные для литых металлических предметов. Помимо этого, поскольку бронзовая форма отливалась по восковой модели, здесь хорошо заметны параллельные штрихи от сглаживания поверхности восковой формы тонкой тканью».⁶⁴⁾

В. П. Шилов реконструирует процесс изготовления золотой накладки на горит следующим образом: вначале делали восковую модель, по которой отливали позитивную бронзовую форму, производя после этого ее механическую обработку с целью улучшения поверхности. После этого оттискивалось изображение на золоте. Завершался процесс изготовления пластины проработкой деталей резцом. С внутренней стороны рельефы заливались гипсом с какой-то клейкой примесью для предохранения изображений от деформации, пластина золотыми гвоздиками прибавалась к деревянной основе горита.⁶⁵⁾

Реконструкция процесса производства золотых накладок на гориты, предложенная В. П. Шиловым, выглядит убедительно. Довольно обоснованно его мнение об использовании в качестве матрицы бронзовой пластины. Отливка бронзовых предметов по восковой модели широко применялась в Северном Причерноморье в скифское время,⁶⁶⁾ хотя такие большие по размеру (47 * 26 см) изделия, выполненные в этой технике, неизвестны.

Однако есть одно обстоятельство, которое противоречит мнению В. П. Шилова. Еще Б. В. Фармаковский, сравнивая чертомлыкскую и ильинецкую пластины, обратил внимание на то, что «под левой ногой юноши, изображенного в центре композиции верхнего фриза, в орнаментальной полосе, украшенной «овами», на чертомлыкской обивке не отпечатались два зерна орнамента (полукруг и черточка). На

ильинецкой [105] обивке эти звенья вышли... На чертомлыкской обивке не отпечатались как раз только те звенья орнамента, которые на ильинецкой находятся на поврежденном месте».⁶⁷⁾ Подобные же различия приводит и А. П. Манцевич, отмечая, что под ногой танцовщицы (по-видимому, он имеет в виду дочь царя Ликомеда Деидамию. — *Е. Ч.*) на ильинецкой пластине полоска помята, а под сиденьем второй фигуры справа она слегка повреждена. На чертомлыкском экземпляре этих повреждений нет.⁶⁸⁾ Далее А. П. Манцевич сравнивает пластину из Пятибратнего кургана с чертомлыкской и ильинецкой пластинами. И на них она выявляет подобные различия, «горит из Пятибратнего кургана не имеет лакуны под седьмой фигурой фриза (очевидно, она имеет в виду сидящую справа от Ахиллеса кормилицу или рабыню, удерживающую Деидамию. — *Е. Ч.*), подобно ильинецкому, но полоска под фигурой танцовщицы у него, как и на Чертомлыкском кургане, уже отсутствует».⁶⁹⁾

Перечисленных повреждений нет лишь, по мнению А. П. Манцевич, на мелитопольской пластине. В результате сравнения элементов декора на всех четырех пластинах и выяснения порядка появления этих различий А. П. Манцевич делает вывод о порядке изготовления пластин. На пластине, которая была изготовлена первой (мелитопольская), нет никаких повреждений. При обработке каждой последующей происходило повреждение матрицы, при котором утрачивались части рельефа, чего можно было избежать, если бы матрица изготавливалась из бронзы. Вероятно, права А. П. Манцевич, которая, как и Б. В. Фармаковский, считает, что матрица была изготовлена из дерева.⁷⁰⁾ Причем она не имела золотого покрытия, которое могло хотя бы частично защитить ее от повреждений при работе.

А. П. Манцевич на основании изучения «нарастания дефектов» на матрице по мере изготовления все новых и новых пластин устанавливает очередность их изготовления — мелитопольская, ильинецкая, пятибратняя, чертомлыкская. Она же высказала мнение, что по этой форме могло быть изготовлено не более четырех-пяти пластин. Не исключено, что их было и больше. Во всяком случае, очередность изготовления пластин, выясненная А. П. Манцевич, может не отвечать реальной, с чем можно согласиться, оговорив то обстоятельство, что это порядок производства известных ныне накладок. Не исключено, что были или еще есть неизвестные нам накладки, нарушающие этот ряд.

Очевидно, таким же образом изготавливались пластины новой серии, которую можно по месту находки первого экземпляра назвать карагодеуашхской. Судя по наличию гипса под пластиной горита из Солохи, можно с большой долей вероятности говорить и о существовании горитов солохской серии. Реальность ее могут подтвердить новые находки.

Важен вопрос о месте производства подобных пластин. Решаться он может и должен не только в связи с золотыми обивками горитов, а в целом для всего комплекса предметов торевтики, происходящих из скифских курганов и роскошного парадного оружия, поступающего на вооружение скифской знати.

Так и делает Б. В. Фармаковский, заявляя, что «...обе обивки (известные ко времени написания статьи — чертомлыкская и ильинецкая и две, найденные позднее, — мелитопольская и пятибратняя. — *Е. Ч.*) должны происходить из того художественного центра, откуда вышла большая часть золотых и серебряных изделий, найденных в курганах Южной России».⁷¹⁾ У него, как и у всех исследователей, [106]

писавших о северопричерноморской торевтике, нет никакого сомнения, что выдающиеся предметы торевтики делали для скифов греки, что «...автором обивок был чистый эллин».⁷²⁾ Вопрос лишь заключался в том, где их производили — в колониях Северного Причерноморья или в метрополии. Интерес представляет и возможность связать те или иные предметы или группы их с определенным центром.

Б. Ф. Фармаковский решил этот вопрос однозначно. Он отмечал эллинистический характер орнаментики обивок из Чертомлыка и Ильинцев.⁷³⁾ На основании анализа элементов декора пластин он находит им аналогии в искусстве Милета довольно поздней поры — II в. до н. э. Этим временем он датирует обе пластины. Одной из аналогий, проводимых Б. В. Фармаковским, являются материалы из храма Аполлона Дидимийского в Милете.⁷⁴⁾ Очень категорично звучит его утверждение, распространяемое не только на обивки горитов, что «...шедевры греческой торевтики, найденные в южнорусских курганах, и в том числе и обе наши (чертомлыкская и ильинецкая. — *Е. Ч.*) обивки сделаны были не в какой-либо греческой колонии на юге России, а были привезены туда из Ионии, и скорее всего из Милета».⁷⁵⁾ Однако большинство аналогий, на которых построен столь ответственный вывод, привлечены быть не могут, хотя бы потому, что они намного моложе самих обкладок. Так, храм Аполлона Филесия в Дидимах после сожжения Дарием в 494 г. до н. э. был восстановлен только при правлении базилевса Селевка I Никатора (306—280 гг. до н. э.) — через много лет после создания обивок.⁷⁶⁾ На эти ошибки Б. В. Фармаковского совершенно обоснованно обратила внимание Н. А. Онайко.⁷⁷⁾ Таким образом, мнение Б. В. Фармаковского о Милете и Малой Азии как центре производства обивок этого типа и в целом большинства шедевров торевтики из северопричерноморских курганов не получило подтверждения в материалах и принято быть не может.

А. П. Манцевич на основании изучения горита из Солохи этот горит и остальные парадные гориты отнесла к предметам производства фракийских торевтов. Мнение это построено на более или менее сомнительных аналогиях, многие из которых не имеют прямого отношения к предмету, о котором идет речь.⁷⁸⁾ Все недостатки, натяжки и ошибки А. П. Манцевич, стремящейся доказать фракийское происхождение северопричерноморской торевтики, очень убедительно опровергла Н. Н. Погребова.⁷⁹⁾ Столь же бездоказательна и аргументация А. П. Манцевич в отношении золотых обивок парадных горитов IV в. до н. э.⁸⁰⁾ Даже недавняя находка горита в «гробнице Филиппа Македонского», который является копией с карагодеуашхского, но в отличие от нее, выполнена не в позолоченном серебре, а в золоте, никак не может поколебать твердого убеждения в нефракийском происхождении обивок парадных горитов. Этот горит вполне мог попасть в Македонию в качестве подарка от скифов во время переговоров с Филиппом или после поражения Атея, когда Филиппом были взяты большие трофеи.⁸¹⁾ Сообщение Помпея Трога, дошедшее в изложении Юстина о том, что у потерпевших поражение скифов не было золота и серебра, не должно нас смущать, столь явно оно противоречит тому, что мы знаем о богатых скифских погребениях IV в. до н. э. и вполне укладывается в рамки античной морализующей традиции о скифах.⁸²⁾

Весьма определенно высказался о месте производства предметов торевтики, найденных в скифских курганах, В. П. Шилов: «Топография находок, а также нахождение идентичных вещей в античных городах Северного [107] Причерноморья (неясно, что именно имеет в виду в данном случае В. П. Шилов, тем более, что ничего подобного там не найдено. — *Е. Ч.*) все более и более убеждают нас, что центром производства вещей, подобных найденным нами (по-видимому, речь идет о золотой накладке на ножны меча и горита. — *Е. Ч.*), являются

города Боспорского царства и других античных колоний».⁸³⁾ По мнению В. П. Шилова, появление сюжетов терзания и борьбы зверей связано с творчеством античных мастеров из центров Северного Причерноморья, в особенности боспорских.⁸⁴⁾

Мнение В. П. Шилова о производстве парадного оружия, изготовленного руками греческих мастеров и обнаруженных в курганах Скифии в городских мастерских северопричерноморских городов, и, прежде всего на Боспоре, поддержала Н. А. Онайко.⁸⁵⁾ А задолго до написания статьи В. П. Шилова это мнение высказывали многие специалисты.⁸⁶⁾

В общем, соглашаясь с их мнением, следует отметить, что не стоит столь категорически сбрасывать со счетов Ольвию — крупный ремесленный центр, работающий на удовлетворение спроса необъятной Скифии.

В пользу северопричерноморского происхождения золотых обивок горитов свидетельствует и один из сюжетов на горитах чертомлыкской серии. На это обратил внимание В. Д. Блаватский. Речь идет о сцене, помещенной в левой части верхнего фриза обивок этой серии, где маленькому Ахиллу «...его воспитатель Фойникс показывает... как надлежит стрелять из лука. Этот мотив плохо вяжется с воинскими подвигами героя Илиады, всегда выступавшего в качестве гоплита, в полной мере отвечая тем навыкам, которые должен был приобретать с малолетства воинственный вождь северопричерноморских степняков. В этом следует видеть явную уступку греческого торефта местным вкусам».⁸⁷⁾

Приведем слова Б. В. Фармаковского, который считал абсолютно невозможным существование мастерских, «которые чисто фабричным способом в большом количестве выделывали драгоценное оружие».⁸⁸⁾ Находки последних лет, на мой взгляд, убедительно опровергают слова Б. В. Фармаковского, что «...обивки из Ильинец и из Чертомлыкского кургана не только не могли быть сделаны одним мастером, но не могли выйти и из одной мастерской».⁸⁹⁾

То, что казалось абсолютно невозможным Б. В. Фармаковскому, сейчас представляется бесспорным. Драгоценные обивки горитов, как и остальное парадное оружие, известное из курганов Скифии, производились в мастерских северопричерноморских центров, наладивших, хотя это и звучит очень по-современному, производство этого оружия «фабричным способом».

Продолжительное существование античных городов Северного Причерноморья — городов Боспора и, прежде всего Пантикапея, привело к тому, что площади городов подвергались неоднократным перестройкам, остатки ремесленного производства сохранились плохо. Для всего греческого северопричерноморского мира нам известна только одна более или менее сохранившаяся мастерская V в. до н. э. в Пантикапее. Весьма примечательно, что это была именно мастерская оружейника.⁹⁰⁾ Бесспорно существование на Боспоре* и в других античных центрах мастерских, где работали люди, которые «...хорошо зная запросы заказчиков, изготовляли вещи, близко отвечающие местным вкусам и потребностям».⁹¹⁾ В. Ф. Гайдукевич даже предполагает, что в этих мастерских работали мастера, переселившиеся в Северное Причерноморье из [108] метрополии.⁹²⁾ Своеобразие направленности производства Боспора на «внешний» скифский рынок хорошо подметил В. Ф.

Гайдукевич: «Самый факт изготовления этого (чертомлыкского горита. — *Е. Ч.*) художественного металлического рельефа для обивки горита — специфически скифского предмета вооружения — показывает, что греческий художник-торевт, выполнивший обивку, жил в Северном Причерноморье и работал на скифских заказчиков». Далее В. Ф. Гайдукевич писал, что «... в художественном содержании данного произведения нет ничего, что

Таблица 1.

Металл, %	Ильинецкая	Чертомлыкская	Пятибратняя	Мелитопольская
Золото	49,3	48,1	60,89	80,0
Серебро	47,6	47,2	36,61	
Медь	1,4	2,2	0,92	
Железо			0,60	
Вес, г	220,76	195,96	193,7 [*]	213

Таблица 2

Место находки	Размер горита, см	
	длина	ширина
Чертомлык ^а	46,8	27,3
Ильинцы ^б	47	26
Мелитополь ^в	47	26
Пять Братьев ^г	46	25
Солоха ^д	42,5	25
«Гробница Филиппа Македонского» ^е	46,5	26

Таблица 3

	IV в. до н. э.														начало III в. до н.э.								
	третья четверть							четвертая четверть															
Мелитопольский												*	*	*	*	*	*	*	*				
Ильинецкий	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Пятибратный												*	*	*	*	*	*	*	*				
Чертомлыкский ⁹⁸												*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	
Карагодеуашх ⁹⁹												*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	
«Гробница Филиппа» [*]							?	*	*	*	*	*	?										

[109]

выдавало бы знакомство мастера с жизнью той варварской среды, для которой он делал данную вещь». ⁹³⁾ В общем это так. Но уступка вкусам заказчика присутствует и в сюжете, например, изображение лука в руках у маленького Ахилла. На это обстоятельство обратил внимание В. Д. Блаватский. ⁹⁴⁾

Конечно, все обивки одной серии (например, чертомлыкской) делались в одной мастерской. Производство их по одной матрице вряд ли можно сейчас оспаривать. Делались они, скорее всего, не одновременно и уж во всяком случае, не из металла одной плавки. Об этом свидетельствуют разный состав металла на обивках и разный вес пластин, как это видно из табл. 1. ^{*}

Для разных обивок применялся металл с разным содержанием золота, причем качество металла и вес обивки не зависели от «ранга» обладателя горита. Так, чертомлыкская обивка содержит золота меньше и весит меньше, чем остальные обивки серии. В. П. Шилов обратил внимание на очень любопытное обстоятельство: ^{*} в пятибратней пластине «...с лицевой стороны как будто процентный состав золота несколько выше. Здесь мы встречаемся с золочением, когда снаружи предметам, изготовленным из более низкопробного золота, придавался вид сделанных из чистого золота». ⁹⁵⁾ Однако мастера, шедшие на подобные ухищрения, не многим рисковали. В готовом горите была видна только лицевая сторона. Кроме того, вряд ли их заказчиков волновала проблема, вставшая перед Гиероном Сиракузским, да и у них, очевидно, не было своих Архимедов.

К сожалению, на обивках всей чертомлыкской серии нет имен мастеров (или мастера), как на олене из Куль-Обы, где процарапаны первые буквы имени мастера «ПАІ» и на обложке ножен отсюда же — «ΠΟΡΝΑΧΟ». ⁹⁶⁾ Безусловно, правы М. И. Ростовцев, В. Ф. Гайдукевич и Л. Згуста, именно так объясняя эти буквы. ⁹⁷⁾

Может быть, продукцией мастерской, в которой изготавливались обивки чертомлыкской серии, являются и обивки карагодеуашхской (горит из Карагодеуашха и «гробницы Филиппа Македонского»). В пользу этого говорят не только абсолютное совпадение форм горитов этих серий и очень незначительные колебания (табл. 2) их размеров, но и абсолютное сходство технических приемов, использовавшихся при их изготовлении, полное единство принципа оформления, выразившееся в делении основного поля горитов на два пояса изображений, помещение над верхним поясом изображений узкой полосы, заполненной фигурами животных или птиц, деление нижней орнаментальной зоны на две части и размещение в них разных по своему характеру изображений, большая близость элементов декора, помещение в одном месте горитов почти одинаковой ключевой фигуры композиции.

Кроме того, все комплексы, в составе которых найдены гориты обеих серий, хронологически очень близки (см. табл. 3).

Несмотря на колебания в датировке каждого отдельного комплекса, общим для всех является возможность их существования в пределах последней четверти IV в. до н. э.

[Назад](#) [К оглавлению](#) [Дальше](#)

Нумерация сносок сохранена; порядок изменен в соответствии с реальным расположением в тексте. *HF*.

¹⁾ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 29.

²⁾ Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — ТСА РАНИОН. М., 1930, т. 5.

³⁾ Штительман Ф. М. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки КІМ. — Археологія, 1947, 1.

⁴⁾ Фурманська А. І. Бронзоліварне ремесло в Ольвії. — Археологія, 1963, 15; Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії. — АП, 1958, 7.

⁵⁾ Клочко В. И. Новые данные о типах скифских горитов и колчаных наборов VI в. до н. э., с. 52.

⁶⁾ Шрамко Б. А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Автореф. дис... д-ра ист. наук. Киев. 1965.

- ⁷⁾ Шрамко Б. А., Фомін Л. Д., Солнцев Л. О. Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза й сталі. — Археологія, 1970, 23, с. 57-58.
- ⁸⁾ Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыкского кургана и кургана в м. Ильинцах. — В кн.: Сборник археологических статей. Спб., 1911.
- ⁹⁾ Манцевич А. П. Горит из кургана Солоха. — В кн.: Тр. Государственного Эрмитажа, 1962, т. 7.
- ¹⁰⁾ Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. — СА, 1961, № 1.
- ¹¹⁾ Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — САИ, 1970, вып. Д1-27. [159]
- ¹²⁾ Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов.
- ¹³⁾ Wooley C. L. Carchemish, vol. 2. The town defences. London, 1921, p. 130. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, т. 1, рис. 41.
- ¹⁴⁾ Coghlan H. H. Casting moulds made in metal. — Man, 1952, vol. 52, Nov., p. 162-163; Underwood L. Bronze age technology in Western Asia and Northern Europe, part 1. — Man, vol. 58, February, 1958. p. 17-22.
- ¹⁵⁾ Штительман Ф. М. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки КІМ, с. 161, рис. 1-3.
- ¹⁶⁾ Штительман Ф. М. Указ. соч., с. 162, рис. 1, 4. В настоящее время створки из Букрина и собрания А. А. Бобринского хранятся в фондах Полтавского областного краеведческого музея (инв. № 11763, 23763), куда они были переданы в начале 50-х годов. Сведения о них и зарисовки предметов мне любезно предоставил Б. А. Шрамко. Он же и опубликовал вторично эти формы. (Šramko B. A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der Früheisenzeit. — In: Symp. Probl. jüngere Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974, Abb. 1, в).
- ¹⁷⁾ ДП, вып. 3, с. 7.
- ¹⁸⁾ Граков Б. Н. Техника изготовления..., с. 77.
- ¹⁹⁾ Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії, с. 42, табл. I, б.

²⁰⁾ Неясно, почему Ф. М. Штительман допускает возможность датировки этого предмета III в. до н. э. (*Штительман Ф. М.* Указ. соч., с. 164). Предметы, найденные вместе со стержнем, она датирует IV в. до н. э. (синопская черепица и монеты конца IV в. до н. э.).

* К сожалению, эти уникальные предметы, по-видимому, ныне утрачены. В фондах Ольвийского заповедника их найти не удалось.

²¹⁾ *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979, с. 119.

²²⁾ *Граков Б. Н.* Техника изготовления..., с. 77, табл. I, 1, 2, рис. 8.

²³⁾ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

²⁴⁾ *Шрамко Б. А.* Хозяйство лесостепных племен..., с. 19-24; *Петриченко А. М.* Книга о литье. Киев, 1972, с. 36.

²⁵⁾ *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953. 18. рис. 1, 2; 29; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 53, рис. 26, 6.

²⁶⁾ *Петриченко А. М.* Указ. соч., с. 36.

²⁷⁾ Treasures of ancient Macedonia, p. 85, plate 50, N 353.

²⁸⁾ *Connolly P.* The Greek Armies. London, 1977, p. 65. Автор связывает эту находку с осадой Олинфа Филиппом Македонским в 348 г. до н. э.

²⁹⁾ *Шрамко Б. А.* Хозяйство лесостепных племен..., с. 20; *Шрамко Б. А.* Господарство лісостепових племен на території України.— УІЖ, 1971, № 1. с. 53-61.

³⁰⁾ *Граков Б. П.* Техника изготовления..., с. 84.

³¹⁾ *Клочко В. И.* Новые данные о типах скифских горитов..., с. 52.

³²⁾ *Клочко В. И.* Новые данные о типах скифских горитов..., с. 52-53.

³³⁾ Граков Б. И. Техника изготовления..., с. 77; Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. — КСИИМК, 1948, вып. 22, с. 43; Шрамко Б. А. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли. — АД 1969 р. К., 1972, с. 128; Шрамко Б. А. Исследования в Харьковской и Полтавской областях. — АО 1972 г. М., 1973, с. 351; Шрамко Б. А. Работы Скифо-славянской экспедиции ХГУ. — АО 1970 г. М., 1971, с. 276; Шрамко Б. А. Новые исследования Вельского городища. — АО 1974 г. М., 1975, с. 374; Шрамко Б. А. Восточное укрепление Вельского городища. — В кн.: Скифские древности, с. 101; Шрамко Б. А. Раскопки Гелона. — АО 1978 г. М., 1979, с. 425-426; Моруженко А. А. Раскопки городища Полковая Никитовна. — АО 1972 г., М., 1973, с. 316; Моруженко А. А., Косиков В. А. Работы Лесостепной скифской экспедиции. — АО 1975 г. М., 1976, с. 368.

³⁴⁾ Граков Б. Н. Техника изготовления..., с. 77.

* Четверка — из книги. На всякий случай оставляю. *HF*.

³⁵⁾ Zakharov A. A. Op. cit., ESA. VII, Helsinki, 1932.

³⁶⁾ Фурманська А. І. Бронзоліварне ремесло в Ольвії, с. 70.

³⁷⁾ Шрамко Б. А. Появление и освоение железа в Восточной Европе. — В сб.: Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества. Харьков, 1965, вып. 4, с. 226.

³⁸⁾ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 118.

³⁹⁾ Граков Б. Н. Техника изготовления..., с. 77; Фурманська А. І. Ливарні форми..., с. 41.

⁴⁰⁾ Островецкое А. С. Ягорлыцкое поселение. — АО 1973 г. М., 1974, с. 323.

⁴¹⁾ Марченко И. Д. Позднеархаическая мастерская ремесленника в Пантикапее. — СА, 1971, № 2, с. 153-154. рис. 2, 4.

⁴²⁾ Геродот IV.81. — ВДИ, 1947, № 2, с. 274. [160]

⁴³⁾ Граков Б. Н. Техника изготовления..., с. 85.

* О железных наконечниках в составе наборов из курганов Скифии см. в приложениях 5-7.

- [44\)](#) Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 29.
- [45\)](#) Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 29.
- [46\)](#) Граков Б. П. Техника изготовления..., с. 85-86.
- [47\)](#) Шрамко Б. А., Фомін Л. Д., Солнцев Л. О. Техніка виготовлення скифської наступальної зброї із заліза й сталі. — Археологія, 1970, 23, с. 58.
- [48\)](#) Черненко Э. В. Оружие из Семибратних курганов, с. 65-66; Яковенко С. В. Скифы Східного Криму в V — III ст. до н. е. К., 1974, с. 96.
- [49\)](#) Мозолевский Б. Н. Курган Толстая Могила..., с. 274-275.
- [50\)](#) Черненко Е. В. Оружие из Толстой могилы, с. 164-165.
- [51\)](#) Черненко Е. В. О серийном производстве парадного оружия..., с. 67-69.
- [52\)](#) Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыкского кургана и кургана в м. Ильинцах. — Сборник археологических статей. Спб., 1911.
- [53\)](#) Там же, с. 68.
- [54\)](#) Там же, с. 69 и сл.
- [54a\)](#) В книге 54-я сноска обозначена дважды (хотя сама сноска - в одном экземпляре). Я обозначаю вторую как 54a. *HF*.
- [55\)](#) Веселовский Н. И. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве. — ИАК. 1913, вып. 47, с. 96-98.
- [56\)](#) Фармаковский Б. В. Указ. соч., с. 71.
- [57\)](#) Там же, с. 78-79.
- [58\)](#) Там же, с. 79.

⁵⁹⁾ Там же, с. 81.

* Сейчас этого сделать нельзя — пластина утеряна во время Великой Отечественной войны.

* Вскользь упоминая о чертомлыкском горите, он писал «...на дереве у него не могло быть рельефов, какие были под облицовкой у горита из Ильинец» (*Фармаковский Б. В. Указ. соч., с. 79*).

⁶⁰⁾ Научный архив ЛО ИА СССР, д. 1862/2.

* Сообщение А. И. Тереножкина.

⁶¹⁾ *Шилов В. П. Указ. соч., с. 162.*

* Для этой цели был использован гипс, смешанный с известью.

⁶²⁾ *Манцевич А. П. Горит из кургана Солоха, с. 108.*

⁶³⁾ *Andronicos M. Vergina. The royal graves in the Great Tumulus. — Athens Annals of Archaeology, t. 10, N 1, Athens, 1977, fig. 28.*

⁶⁴⁾ *Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника..., с. 166.*

⁶⁵⁾ Там же.

⁶⁶⁾ *Граков Б. Н. Бортничество у отдельных первобытных племен Европейской части СССР. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 9-11.*

⁶⁷⁾ *Фармаковский Б. В. Указ. соч., с. 80.*

⁶⁸⁾ *Манцевич А. П. Горит из кургана Солоха, с. 109.*

⁶⁹⁾ Там же, с. 109-110.

⁷⁰⁾ Там же, с. 110.

- ⁷¹⁾ *Фармаковский Б. В.* Указ. соч., с. 109.
- ⁷²⁾ Там же, с. 113.
- ⁷³⁾ Там же, с. 109.
- ⁷⁴⁾ Там же, с. 106-110.
- ⁷⁵⁾ Там же, с. 115-116.
- ⁷⁶⁾ *Кобылина М. М.* Милет. М., 1965, с. 97.
- ⁷⁷⁾ *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э., с. 27.
- ⁷⁸⁾ *Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха, с. 115-118.
- ⁷⁹⁾ *Погрехова Н. Н.* К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. — СА, 1953, 17.
- ⁸⁰⁾ *Манцевич А. П.* К открытию царской гробницы в Македонии в 1977 году. — Сообщ. Государственного Эрмитажа. Л., 1979, вып. 43, с. 49-50.
- ⁸¹⁾ *Черненко Е. В.* О серийном производстве парадного оружия..., с. 69.
- ⁸²⁾ *Граков Б. М.* Скифы. К., 1947, с. 4-5; *Погрехова Н. Н.* Указ. соч., с. 286.
- ⁸³⁾ *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г., с. 166.
- ⁸⁴⁾ Там же.
- ⁸⁵⁾ *Онайко Н. А.* О центрах производства золотых обивок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 167. (эл. версию статьи см. здесь: http://annals.narod.ru/i_greece.htm#pont).

⁸⁶⁾ Граков Б. М. Скифы, с. 62; Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1949, с. 38; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 120; Погребова Н. Н. Указ. соч., с. 285-290.

⁸⁷⁾ Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья. — СА, 1964, № 4, с. 30.

⁸⁸⁾ Фармаковский Б. В. Указ. соч., с. 71-72.

⁸⁹⁾ Там же, с. 77.

⁹⁰⁾ Марченко И. Д. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пятыкапее. — СА, 1971, № 2.

* Очень показательны в этой связи слова М. И. Ростовцева: «...интенсивно работает Пантикапей на Скифию» (Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 457).

⁹¹⁾ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 120.

⁹²⁾ Там же, с. 122.

* Злато скита. Београд, 1977, с. 59.

^а Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов, с. 111.

^б Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий..., с. 52.

^в Ганина О. Д. Киевский музей исторических драгоценностей. Киев, 1974, рис. 28, 29.

^г В своих статьях, посвященных этой находке, В. П. Шилов не сообщает размеры горита. В каталогах выставки «Золото скифов», экспонировавшейся во Франции в 1975 г. и Югославии в 1977 г., указана, по-видимому, ошибочно длина обивки, равная 36 см. (Or des Scythes, Trésors des muséos soviétiques. Paris, 1975, p. 153; Злато скита, с. 59).

^д Приведены размеры, указанные в статье А. П. Манцевич (Горит из кургана Солоха, с. 118) М. И. Артамонов приводит иные размеры; длина — 44 см, ширина — 24 см.

^ε *Andronicos M. Vergina...*, p. 66. {в книге примечания к таблице обозначены звездочками. HF}

⁹⁸ Датировка первых четырех комплексов предложена И. Б. Брашинским (Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного [161] Причерноморья. — *Eirene*, 4. Praha, 1965, с. 99-100, 101, 99, 101*).

* так. HF.

⁹⁹ Карагодеуашх датировали последними десятилетиями IV — началом III в. до н. э. (*Придик Е.* Два серебряных ритона из коллекции императорского Эрмитажа. — «ПРОПЕМΠΤΗΡΙΑ». Одесса, с. 117), концом IV — началом III в. до н. э. (*Манцевич А. П.* О пластине из кургана Карагодеуашх. — Археологический сборник, 1864 {так. HF}. вып. 6, с. 132-135).

* В случае верности мнения о принадлежности гробницы Филиппу Македонскому она может быть датирована не позднее 336 г. до н. э. — года смерти царя. Поражение Атея, в результате чего этот трофей мог попасть в Македонию, датируется 339 г. до н. э. Принадлежность недавно открытой гробницы Филиппу Македонскому не разделяется многими специалистами. Вопрос о датировке этого погребения еще остается открытым. Не издан полностью и основной комплекс погребения, который может решить этот вопрос. (*Andronikos M.* The Royal Tomb of Philip II, — *Archaeology*, Sept.-Oct. 1978, vol. 31, № 4).

⁹³) Там же.

⁹⁴) *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры ..., с. 30; *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника..., с. 166.

* Таблица составлена на основании данных, помещенных в статьях Б. В. Фармаковского и В. П. Шилова (*Фармаковский В. В.* Указ. соч., с. 59-60; *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветинского могильника..., с. 166). Количественный анализ металла пластины из Мелитопольского кургана не проводился. Данные о пробе и весе получены в Музее исторических драгоценностей УССР в Киеве.

* К сожалению, автор не подкрепил свое мнение данными о составе металла и о процентном содержании золота с обеих сторон пластины, а привел только общее содержание золота в пластине, кстати, довольно высокое.

⁹⁵) *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага, 1967, с. 63.

⁹⁶) *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 383; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949, с. 268, 273; *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955.

⁹⁷) *Манцевич А. П.* Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи. — *Archeologia*, 26, 1975. Warszawa. 1976, с. 1-4.

VI. Лук и стрелы на вооружении скифских воинов

Скифы были ... искусными стрелками

Лукиан

В этой главе рассматриваются вопросы, связанные с использованием луков в бою, уходом за ними, приемами натягивания на лук тетивы, расположением пальцев рук при стрельбе на тетиве и самом луке, дальностью стрельбы из лука, его скорострельностью и некоторыми поражающими качествами стрел, а также количеством стрел в составе разных горитов, походным положением лука в составе вооружения и помещением колчанов и луков в погребениях. Особое внимание уделено определению места лука и стрел в составе скифского вооружения, распространению этого оружия в соседних со Скифией землях.

Следует сразу же оговориться, что материал большинства затронутых вопросов ограничен и неравноценен. Некоторые из них могут быть лишь поставлены, о многих нет прямых свидетельств, поэтому часть моих предположений носит более или менее гипотетичный характер.

Рассмотрим приемы натягивания тетивы на лук.

Очевидно, скифский лук был достаточно тугим и натянуть его было не так легко — для этого кроме силы требовались, конечно, и определенные навыки. Не случайно Геракл поставил одним из условий передачи власти над будущей Скифией тому сыну, «...который из них натянет *вот так* (курсив мой. — *Е. Ч.*) этот лук».¹⁾

Способ натягивания тетивы иллюстрирует сцена на сосуде из Куль-Обы. Скиф присел на правую поджатую ногу, упер в бедро нижний конец лука, левая вытянутая нога легла на нижнее плечо лука, зафиксировав его. В правой руке он держит заканчивающуюся петлей тетиву, закрепленную на нижнем конце лука. Левая рука, в которой зажат верхний конец лука, с усилием сгибает его, подводя к петле тетивы (рис. 77).

Аналогично натягивает лук и Геракл на реверсе ольвийской монеты [111] (рис. 78, 1) с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ и на монете из Фив (рис. 78, 2).²⁾ Первым на общее сходство приемов натягивания луков на монетах с именем ΕΜΙΝΑΚΟ и на монетах из Фив с изображением на куль-обской вазе обратил внимание Д. Н. Анучин.³⁾ На обеих монетах переданы одинаковые позы сидящего на пятке и натягивающего тетиву небольшого сложного лука Геракла. П. О. Карышковский верно отметил в качестве аналогии этим изображениям сцену на куль-обской вазе.

Рис. 77. Скиф, натягивающий тетиву (сосуд из Куль-Обы).

Однако он не отметил одного очень существенного отличия в способах одевания тетивы на лук между куль-обским и монетными изображениями. Дело в том, что лук и тетива находятся в разных руках. На вазе из Куль-Обы скиф держит лук в левой, а на монетах — наоборот. На куль-обском изображении основное усилие воина направлено на натягивание тетивы (она в правой руке), а лук — зажат в левой руке, усилие по сгибанию лука увеличивается давлением ноги на его одно плечо. На монетах основное усилие сосредоточено не на тетиве, а на сгибании лука. Это подчеркивают наклон фигуры Геракла назад на монете из Фив и напряженные мышцы руки и торса на монете с именем ЕМІНАКО.

Д. Н. Анучин отметил разницу в положении корпуса Геракла на монетах с именем ЕМІНАКО и фиванских. Верно отметив стремление автора монеты подчеркнуть направление усилий на сгибание лука, он противопоставил этой позе позу Геракла на фиванской монете, где основное усилие будто бы направлено на натягивание тетивы.⁴¹ В действительности на обеих монетах основное усилие направлено на сгибание лука. Так же, как и на сосуде из Куль-Обы, натягивает лук варвар на вазе из Лувра (рис. 78, 3).⁵¹ Он держит лук в левой руке, а тетиву натягивает правой. Отличие заключается в том, что эта фигура стоит. В аналогичной позе изображен лучник, натягивающий лук на килике начала V в. до н. э. (рис. 78, 5).

Рассматривая способы натягивания тетивы, следует вспомнить изображение, которое обычно привлекалось при описании скифских топоров или боевых поясов,⁶¹ помещенное на золотых пластинах из кургана № 1 у с. Аксютинцы (рис. 79). На них изображен скифский воин, держащий в левой руке «...ритон, а в правой — топор, поставленный вертикально, который упирается нижним концом топорница в правое колено. Форма топора необычна. Передний конец его имеет вид клевца с изогнутым вниз острием, а обух сделан по образцу крючка,

загнутого вверх».⁷⁾ Топоры подобного рода неизвестны, не похож этот предмет и на топорики-скипетры.⁸⁾ Необычность его отмечал еще М. И. Ростовцев. «...Не вполне обычен скипетр или секира, верхняя часть которого очень напоминает верхнюю часть лука».⁹⁾

Представляется возможным рассматривать предмет в руках воина как лук, а сцену, воспроизведенную на пластине, как процесс натягивания сложного лука, очень близкий по своей сути куль-обскому. Основное отличие [112] заключается в большей схематизации и условности рисунка на аксютинской пластинке, а в композиционном отношении помещение воина на табурете, а не присевшем на одну ногу. В левой руке (как и на куль-обском сосуде) воин держит лук, расположенный вертикально. Верхнее плечо его видно достаточно хорошо, частью лука является и то изображение, которое обычно объясняется как ритон. Нижняя часть лука зажата между ногами, ее не видно, так как она скрыта левой ногой. Часть нижнего плеча заметна на той пластине, которая издана в работе М. И. Ростовцева. В правой руке воин держит конец тетивы, подтягивая ее к концу лука. Петля тетивы, вероятно, находится на отведенном большом пальце, которым он хочет накинуть ее на конец лука. Нижняя часть тетивы не видна, ее вместе с нижним плечом лука закрывает левая нога.

Рис. 78. Натягивание тетивы на лук. 1 — ольвийская монета; 2, 6 — килики; 3 — сосуд из Лувра; 4 — греческая монета; 5 — монета из Фив.

Интересное объяснение сцены на воронежском сосуде (см. рис. 67) предложил П. О. Карышковский. Два беседующих скифа сидят на камнях. Молодой воин оперся на топор и смотрит на старого. Старый скиф протягивает лук молодому. П. О. Карышковский пишет, что «...очевидно, старый опытный воин только что показал способ натягивания лука и теперь возвращает несколько смущенному юноше его оружие».¹⁰⁾

Отметим, что у старого воина второй, его собственный лук, спрятан в горите, а у молодого лука нет. Большой интерес представляет и его замечание о том, что в эпосе «...испытание зрелости и подготовленности воина включает наряду со стрельбой в цель и сгибание [113] лука, и закрепление на нем тетивы». В качестве примера вслед за Д. Н. Анучиным приводятся «Одиссея» и «Махабхарата».¹¹⁾

Рис. 79. Золотая пластина из Аксютинцев.

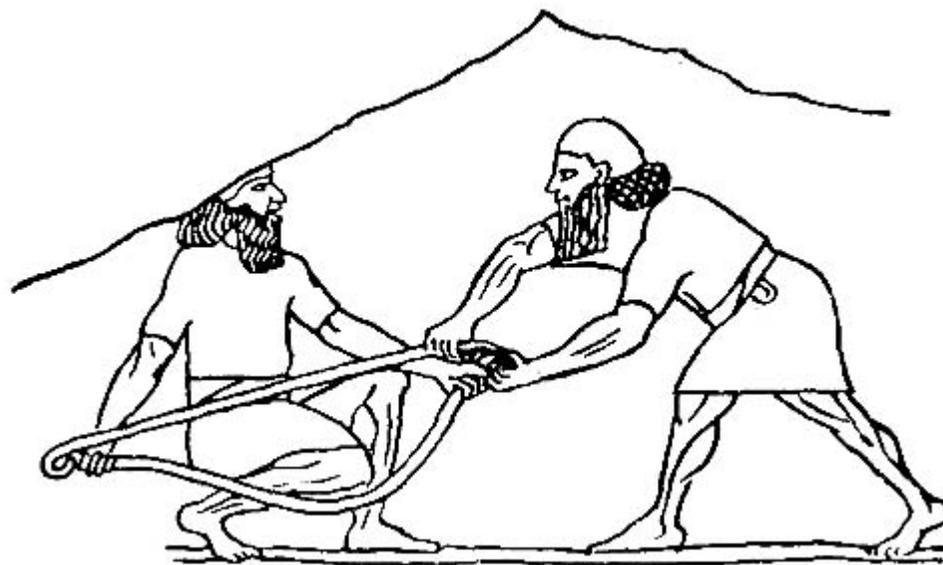
В «Одиссее» Пенелопа должна была выйти замуж за того из женихов, «...кто согнет, навязав тетиву Одиссеев мощный лук».¹²⁾ Попытки претендентов на руку Пенелопы заканчивались неудачно. «...Попытался на нем натянуть тетиву: и погнул он трижды его, но трижды он вновь разогнулся».¹³⁾ Однако натянуть лук смог только Одиссей.

...Из овечьих свитых тонко-тягучих кишек, без труда напрягает.
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.¹⁴⁾

Аналогичное сравнение в умении натянуть лук описывается и в «Махабхарате».¹⁵⁾ Геродот сообщает, что царь эфиопов, которым «...выбирают самого рослого и сильного из граждан...», предложил Камбизу — царю персов — начать с ними войну только после проведения испытаний силой, «...если персы так же легко сумеют натянуть столь большой лук, как я его натягиваю». Испытания персы не выдержали. Только брат Камбиза — Смердис «...единственный из персов мог почти на два пальца натягивать тетиву... лука эфиопского царя».¹⁶⁾

Очевидно, о таком же соревновании между скифами и персами сообщает Ктесий Книдский. Рассказывая о походе Дария в Скифию в конце VI в. до н. э., он пишет: «Они (скифы и персы. — *Е. Ч.*) послали друг другу луки, скифский лук оказался крепче. Поэтому Дарий обратился в бегство».¹⁷⁾ Сам факт, что, по рассказу Ктесия, судьба похода зависела от исхода подобного состязания, говорит о том, какое большое значение уделялось этому в древности.

Вообще древние луки были очень упругими и натянуть их было трудно. На рельефе времени Ассурбанипала изображена любопытная сценка, на которой два воина совместными усилиями с трудом натягивают лук¹⁸⁾ (рис. 80).

Рис. 80. Натягивание тетивы на лук (рельеф Ассурбанипала).

Безусловно, на сосуде из Куль-Обы мы видим иллюстрацию к скифскому эпосу, часть которого дошла до нас в рассказе Геродота. Сцену передачи лука старым скифом (Таргитаем) младшему сыну как атрибут власти Д. С. Раевский считает иллюстрацией этого рассказа.¹⁹⁾ Аналогично раскрывается им и изображение на воронежском сосуде. По его мнению, скиф, натягивающий тетиву, показывает сущность испытания, а сцена врачевания демонстрирует лечение травм, которые [114] можно получить при активных, но безуспешных попытках натянуть лук.²⁰⁾ Это же может произойти и в случае разрыва тетивы при чрезмерном ее натягивании. Именно такие травмы и врачуются на двух сценах сосуда.²¹⁾

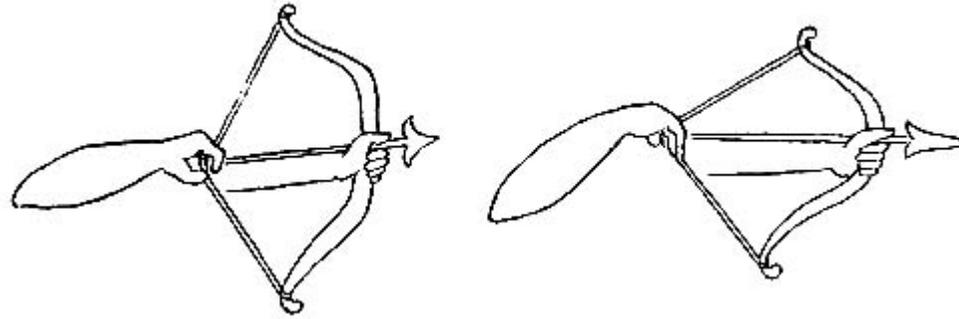

Рис. 81. Положение пальцев при стрельбе из лука. По изображениям на ножнах келермесского (1) и мельгуновского (2) мечей.

Лукиан Самосатский, отдавая должное мастерству скифских лучников, писал: «...скифы были искусными стрелками».²²⁾ Для того чтобы добиться быстрой, точной стрельбы, большей дальности полета, требовалось длительное обучение. Об учителе Геракла, скифе Тевтаре, научившего его в совершенстве владеть луком, писал Геродор Гераклеяский.²³⁾ Сцена обучения стрельбе из лука воспроизведена в левой части верхнего фриза изображений на горитах чертомлыкской серии. И уже как «...обычай скифов, которые не натягивают лук только левой рукой, а правой только накладывают стрелу, но одинаково применяют обе руки для обеих действий» описывал это, по-видимому, необычное для эллинов умение скифов стрелять с обеих рук Платон.²⁴⁾

Несмотря на четкое упоминание Платона об умении одинаково свободно пользоваться левой и правой руками для натягивания тетивы и накладки на лук стрелы, на немногих изображениях, где воспроизведены скифы, стреляющие из лука, лук зажат в левой, а стрела и тетива — в правой руке (бляшка стреляющих скифов из Куль-Обы, охота на сосуде из Солохи, монета Атея, пластина из Гюновки). В этом же положении показан лук и на ножнах мельгуновского и келермесского мечей, и в сцене обучения стрельбе на парадных горитах. Эти изображения небольшие, довольно схематичные, но позволяющие сделать некоторые выводы о расположении пальцев рук на луке и конце стрелы и тетиве.

Древнейшим изображением, где показана стрельба из лука скифского типа, являются фигурки фантастических существ с луками на ножнах мельгуновского и келермесского мечей (рис. 81, 1, 2). Луки держат в руках фантастические существа на основной части ножен мельгуновского и каждое четвертое существо келермесского мечей. На обоих мечах изображены характерные скифские асимметричные луки в боевом положении. Лук зажат в левой руке, правая держит стрелу. Благодаря тому, что мастера, изготавливавшие эти ножны, воспроизводили животных с обеих сторон, как бы разрезая их плоскостью поверхности на две дополняющие части — правую и левую, перенеся приемы, характерные для круглой скульптуры, на невысокий рельеф,²⁵⁾ имеется возможность видеть обе руки. [115]

Кисть левой руки фантастического существа плотно обхватила лук. При этом большой палец несколько поднят над уровнем остальных и охватывает лук справа. Остальные четыре пальца крепко сжимают лук. Древо стрелы при этом лежит слева от лука в небольшом углублении, образовавшемся между пальцами и луком.

Такой способ расположения пальцев левой руки на луке хорошо известен на многих древневосточных изображениях, начиная от фигуры Рамзеса II (рис. 82) в битве при Кадеше (1312 г. до н. э.) и до рельефов Сеннахериба и Ассурбанипала²⁶ (рис. 83).

Интересно положение пальцев правой руки, которой натягивается тетива и в которой зажат конец древка («яблоко»).

Рис. 82. Египетский стрелок из лука (Рамзес II).

Американец Е. С. Морз написал очень интересную работу о древних и современных ему способах стрельбы из лука.²⁷⁾ Эта работа, опубликованная в 1885 г., стала библиографической редкостью и обычно используется по рисункам, взятым из нее, и кратким описаниям, помещенным в работе Д. Н. Анучина.²⁸⁾ Е. С. Морз выделил пять способов натяжения тетивы в зависимости от взаимного расположения пальцев на ней и «яблоке» стрелы (рис. 84). Особый интерес представляет простейший (первый способ), названный Е. Морзом «первобытным». «Он состоит в том, что стрела захватывается вместе с тетивой, концом большого пальца и первым и вторым суставами согнутого указательного... При легком или слабом луке такой способ может быть вполне пригодным, и при пользовании им безразлично, с какой стороны, т. е. [116] справа или слева от лука, держится стрела. Но натяжение тугого лука таким способом представляет значительную трудность и требует громадной силы пальцев»²⁹⁾ (рис. 85). Таким способом держит стрелу Рамзес II на рельефе, воспроизводящем сцену битвы при Кадеше (см. рис. 82), воины на многих ассирийских рельефах³⁰⁾ (см. рис. 83) и существа на мельгуновском и келермесском мечях (см. рис. 81). Д. Н. Анучин вспоминает о двух приемах натяжения тетивы. Первый, когда лук сильно натянут, и правая рука, в которой зажаты тетива и конец стрелы, отходит далеко назад, тетива при этом оказывается за ухом, а левая вытянута на всю длину и наконечник при этом подходит к самому луку, и второй, когда лук лишь слегка натянут.³¹⁾ Первым способом натянут лук на ножнах древнейших скифских парадных мечей. Так натягивали лук на Древнем Востоке, судя по многочисленным изображениям, так стрелял из лука Пандар. Описание этого выстрела в «Илиаде» четко определяет и положение тетивы при выстреле, и положение наконечника у самого лука:

Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу...
Разом повлек он и уши стрелы и воловую жилу;
Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой.³²⁾

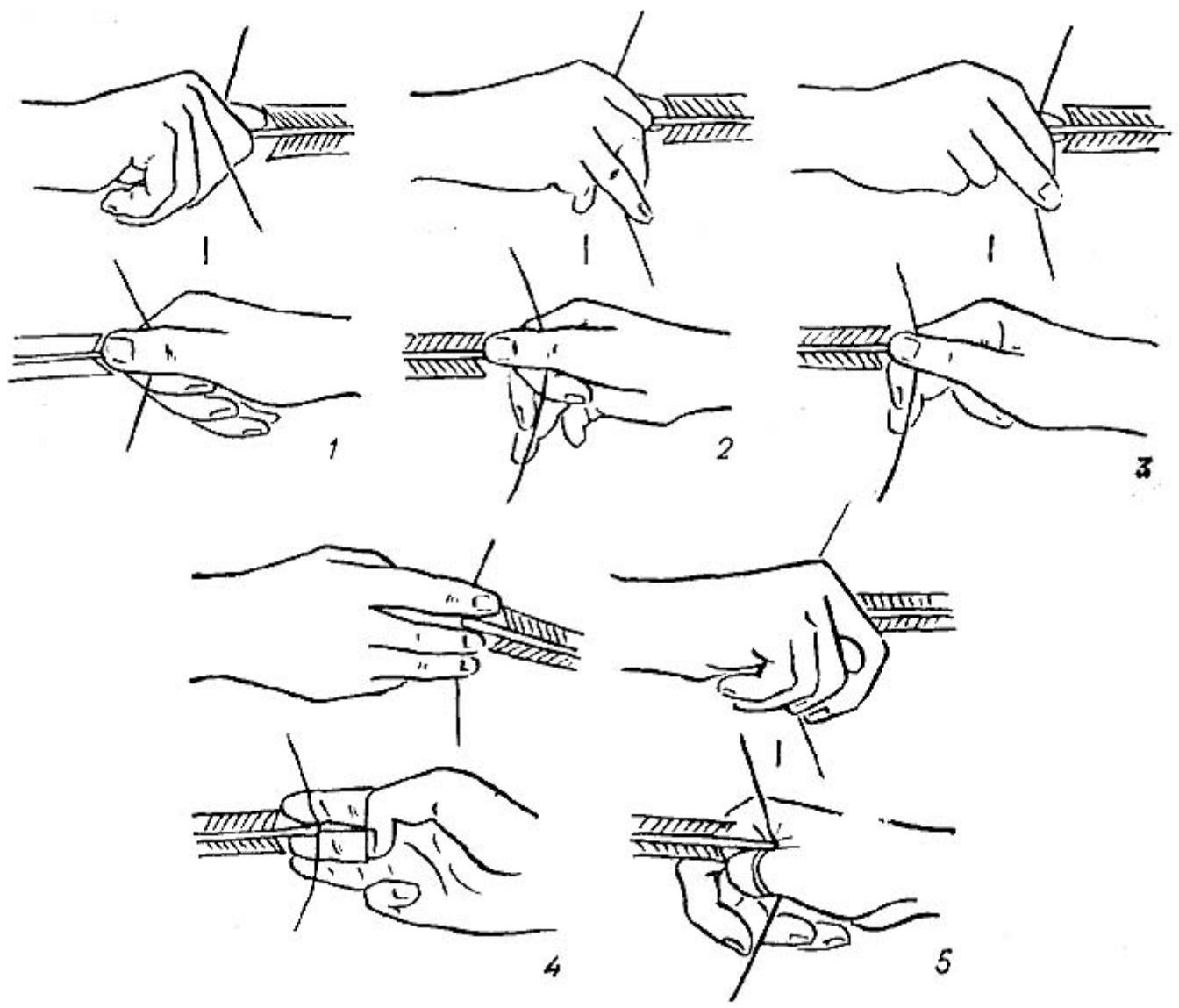

Рис. 83. Ассирийский стрелок из лука (рельеф Ассурбанипала).

Так же (по данным Помпея Трога³³⁾ и древним схолиям к «Илиаде»), судя по тому, что они выжигали правую грудь, мешавшую натянуть лук, стреляли амазонки.³⁴⁾ В этих же схолиях есть интересные данные о способах стрельбы из лука, применявшихся скифами: [117] «Поэт

описывает способ стрельбы из лука. Скифы натягивают лук к плечам и конским тетивам, а критяне — противоположные им и воловим тетивам». Далее упоминается «...скифский способ стрельбы, когда лук натягивается к плечу».³⁵⁾

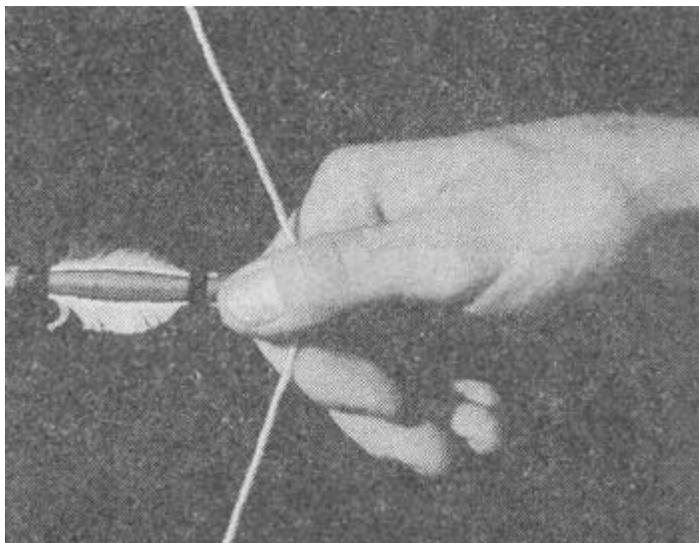
В древних схолиях к «Илиаде», говоря о Тевкре (герой «Илиады», который славился своим умением стрелять из лука), спрашивается «...тянет ли он тетиву к плечу, как скифы. Так думал Неотел (по словам В. В. Латышева, Неотел — греческий грамматик составивший схолии к Гомеру, которые использовались позднейшими греческими схолистами. Возможно, ученик Аристаха (II в. до н. э.³⁶⁾ — Е. Ч.), написавший целую книгу о стрельбе из лука в героический период и утверждающий, что критяне тянут тетиву к груди и делают натягивание округленным, тогда как скифы натягивают не к груди, а к плечу».³⁷⁾ Весьма интересно, что Неотел в книге о стрельбе из лука в «героический период», судя по дошедшим до нас фрагментам, использовал и сравнительные данные о приемах стрельбы, которые использовали скифы.

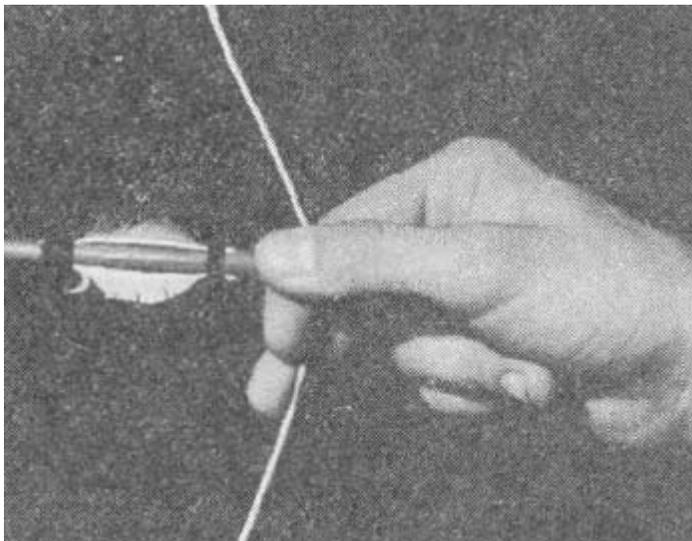
*Рис. 84. Способы наложения тетивы на ушко стрелы (по Е. Морзу).
1 — «первобытный»; 2 — второй; 3 — третий; 4 — средиземноморский; 5 — «монгольский».*

Неудобство стрельбы таким способом отметил Д. Н. Анучин. Если такие приемы создавали определенные трудности при стрельбе из сравнительно слабого простого лука египтян, то при стрельбе из более мощного лука скифского [118] типа требовались более совершенные методы и приемы натягивания лука, размещения на нем пальцев руки, которая держит сам лук, и пальцев руки, которыми этот лук натягивается.

Время перехода скифов к новым приемам нам неизвестно. Ясно только, что в начале VI в. до н. э., судя по изображениям на мечах, они стреляли так, как это было принято на Древнем Востоке («первобытный» способ, по Д. Н. Анучину, «первичный» — по Е. С. Морзу). Уже в IV в. до н. э. приемы стрельбы изменились. Е. С. Морз, чье мнение приводит Д. Н. Анучин, присоединяясь к нему, полагал, что скифы стреляли так называемым монгольским (пятым), наиболее совершенным способом (рис. 86). «При этом способе тетива натягивается согнутым большим пальцем, а указательный палец только помогает большому, нажимая на него сверху. Большой при этом просовывается концом между указательным и средним..., а стрела держится в глубине вырезки между большим и указательным пальцем. Такое держание тетивы содействует ее отклонению влево, поэтому при монгольском способе стрела помещается всегда вправо от лука».³⁸⁾ Подобный способ требовал использования средств защиты пальцев руки и всей руки в целом от травмирования тетивой, начиная от специальных перстней, применявшихся китайцами, персами, корейцами, и до перчаток, использовавшихся японцами.³⁹⁾

Рис. 85. «Первобытный» способ стрельбы.

Рис. 86. «Монгольский» способ стрельбы.

Рис. 87. Скифы-стрелки из лука на бляшке из Куль-Обы.

Изображений скифских стрелков из лука V в. до н. э., к сожалению, нет, как нет их и в торевтике этого же времени. Относящиеся к IV в. до н. э. немногочисленны. Это чаша из Солохи, бляшки из Куль-Обы и монета Атея. Однако монета Атея очень мелкая и на ней не видно расположение очень важных в данном случае пальцев правой руки. Бляшка из Куль-Обы, где показаны два скифа, стоящие спиной один к другому и стреляющие из луков, [119] тоже невелика. Хотя фигуры скифов и показаны с разных сторон — один справа, а другой — слева, пальцы рук (особенно правых) переданы очень схематично (рис. 87). На чаше из Солохи есть два изображения стреляющих из луков скифов. К сожалению, одно из них сохранилось плохо и положение пальцев на луке просматривается нечетко. Поэтому практически единственным полноценным источником, характеризующим приемы стрельбы скифских лучников, остается лишь изображение на чаше из Солохи.

Рис. 88. Скифы-стрелки из лука на чаше из Солохи (вид спереди, вид сзади).

На всех указанных выше изображениях хорошо видно положение пальцев левой руки, в которой зажат лук. Три пальца (средний, безымянный и мизинец) плотно сжали лук, указательный вытянут вперед перпендикулярно луку, большой (его положение хорошо видно на чаше из Солохи) сжимает лук справа. Стрела проходит справа от лука. С одной стороны от нее расположен лук, а с другой — большой палец (рис. 88).⁴⁰⁾

Говоря об изображениях луков и горитов на произведениях северопрichernоморской торевтики, где показана стрельба из лука, следует вспомнить еще один предмет. Это золотая пластина с изображениями скифов из коллекции ростовского коллекционера Романовича. В конце прошлого века пластину вместе с другими вещами пытались продать в Эрмитаж, но этого не случилось. Сотрудники его усомнились в подлинности вещи. Однако с части предложенных к продаже предметов сделали гальванокпии, которые и сейчас хранятся в Отделе истории первобытной культуры Эрмитажа. Сами [120] вещи попали за границу. Пластина, о которой идет речь, оказалась в одном из частных собраний Брюсселя. Впервые она была опубликована Р. М. Гиршманом.⁴¹⁾ Пластине, доказывая ее подлинность, посвятила статью В. А. Ильинская.⁴²⁾ На части пластины, опубликованной Р. М. Гиршманом и использованной В. А. Ильинской, изображен лук, который держит в руках один из воинов, и горит, висящий на дереве. Из лука стреляет воин на части (неопубликованной) пластины, хранящейся в Эрмитаже (рис. 89).

Сомнения в подлинности пластины высказывал М. И. Ростовцев.⁴³⁾ Доводы, приведенные в пользу подлинности пластины В. А. Ильинской, не представляются убедительными, надо полагать, что пластина является подделкой, к тому же не совсем удачной. Поэтому ее следует исключить из серии подлинных вещей северопрichernоморской торевтики с изображением скифов.

Как указывалось выше, положение пальцев правой руки, в которой зажаты стрела и тетива, на изображениях стреляющих скифов видно плохо.

Может быть, здесь действительно скифы стреляют так называемым монгольским способом, как полагали Е. Морз и Д. Н. Анучин. Общее положение пальцев руки, хотя и довольно нечеткое, не противоречит этому. Против использования классического «монгольского» способа стрельбы скифами IV в. до н. э. свидетельствует два обстоятельства. Как видно по положению пальцев правой руки левого скифа на бляшке

из Куль-Обы, большой палец поднят вверх несколько выше, чем это должно быть по схеме «монгольского» способа, предложенного Е. Морзом. Кроме того, по его мнению, которое разделял и Д. Н. Анучин, такой способ стрельбы предполагает широкое [121] использование средств защиты рук в виде специальных приспособлений — колец и перчаток. Однако подобных приспособлений нет ни на одном из изображений скифов, хотя в это время они довольно широко использовались лучниками племен татарской культуры. По данным Н. Л. Членовой, в татарских памятниках Минусинской котловины известно десять наперстков из бронзы, предохраняющих большой палец правой руки от травмирования при стрельбе⁴⁴⁾ (рис. 90). Бронзовый наперсток эпохи средневековья был найден во время разведки на р. Сейм Д. Я. Телегиным в 1953 г. (рис. 91).

Тетива могла травмировать и левую руку, в которой обычно держали лук. Защитить ее от этого могла одежда или нашивавшиеся на рукав пластины. Подобные бронзовые пластины известны у савроматов⁴⁵⁾ (рис. 92, 1) и, по мнению К. Ф. Смирнова, может быть и у ананьинцев⁴⁶⁾ (рис. 92, 2). Ничего подобного наперсткам татарской культуры, бронзовым пластинкам на савроматских и, возможно, ананьинским комплексам у скифов нет. Поэтому нет достаточных оснований говорить об использовании скифами «монгольского» способа стрельбы. Современное состояние имеющегося у нас источника не позволяет определенно решить этот вопрос.

Выше описывалось положение рук при стрельбе, когда лук был зажат в левой руке. В случае верности утверждения Платона, что скифы умели стрелять одинаково хорошо и левой и правой рукой,⁴⁷⁾ положение пальцев на тетиве и самом луке сохранялось.

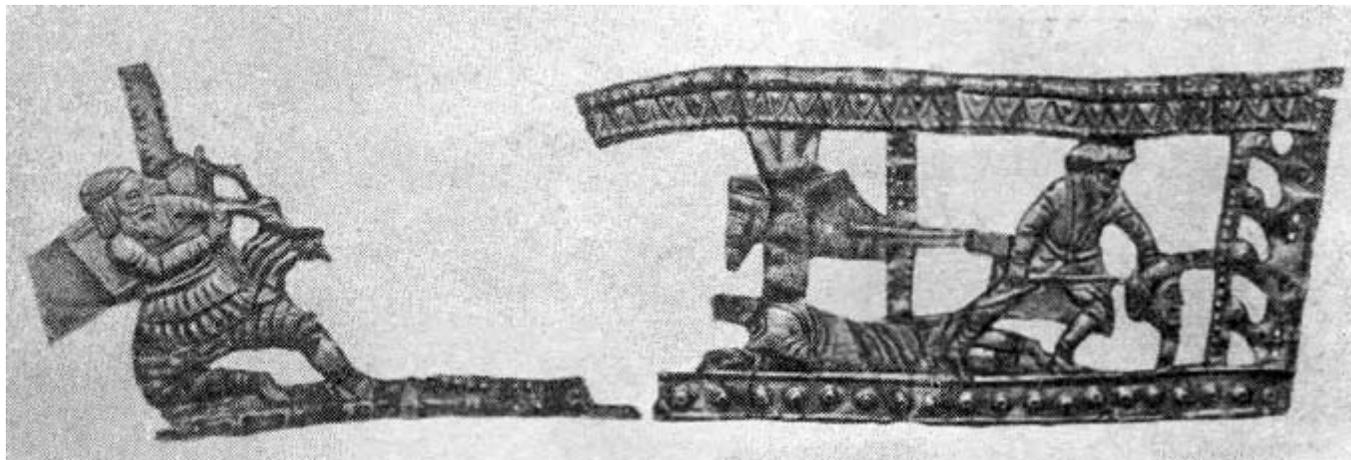
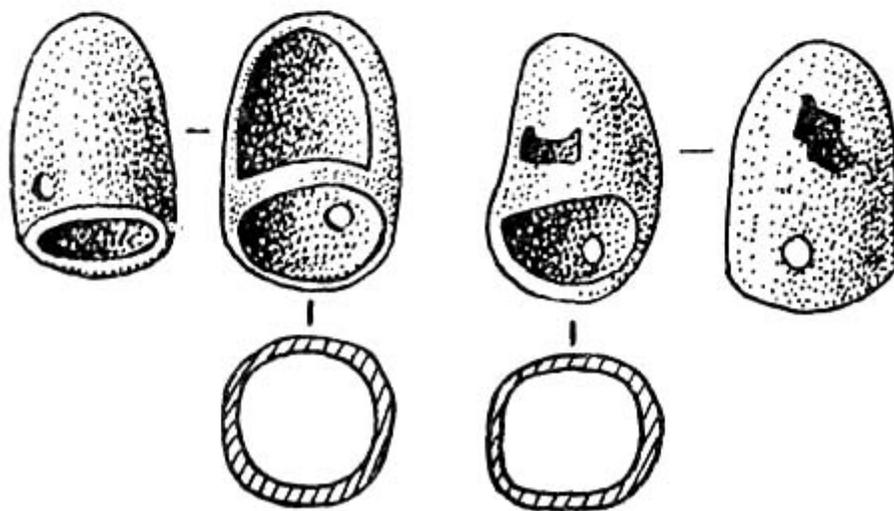
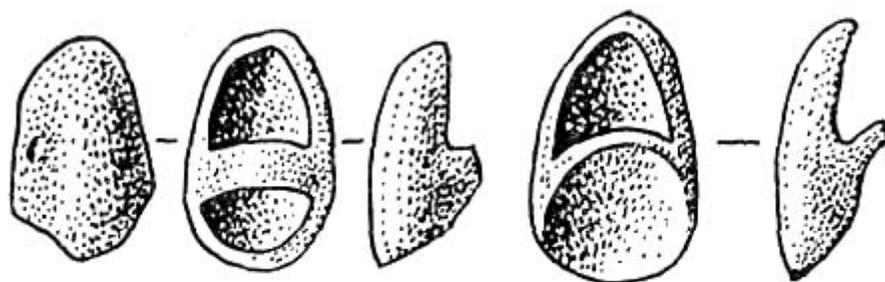
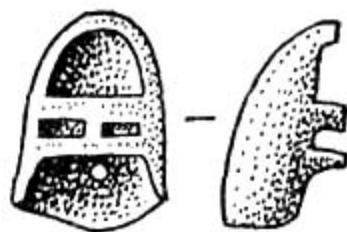

Рис. 89. Пластина из собрания Романовича (гальванокопия).

У античных авторов нередко можно встретить указание об отравлении скифами наконечников стрел. Первое подобное высказывание встречается у одного из учеников Аристотеля в сочинении «О чудесных слухах». «Рассказывают, что скифский яд, которым пропитывают стрелы, добывается из ехидны. Скифы ... подстерегают ... детенышей, ловят их и оставляют гнить несколько дней; когда им покажется все достаточно сгнившим, они наливают человеческую кровь в горшочек, закрывают его и зарывают в навоз, а когда и это сгниет, то водянистый отстой, образующийся над кровью, смешивают с гноем ехидны и делают смертоносный яд».⁴⁸⁾

В схолиях к труду Никандра «Противоядия» (II в. до н. э.) говорится: «...лучным называется такой яд потому, что он подобно стрелам убивает немедленно...; скифы, стреляя из луков, намазывают им наконечники стрел, ... он называется скифским ядом».⁴⁹⁾ «Скифские стрелы намазываются ядом»,— писал и Лукиан Самосатский.⁵⁰⁾ [122]

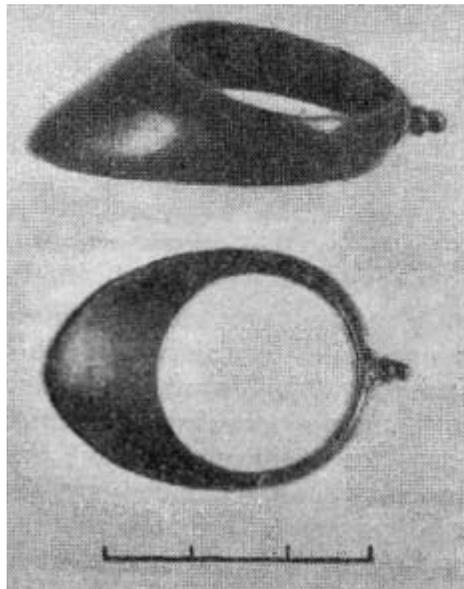

Рис. 90. Тагарские бронзовые наперстки для стрельбы из лука.

Очень часто отравленные стрелы вспоминает Овидий Назон: «... в летучем железе имеется впитанный яд»,⁵¹⁾ «... чтобы жестокой раной удвоить причину смерти, все стрелы намазаны змеиным ядом».⁵²⁾ Гай Плиний Секунд писал, что «скифы смачивают стрелы ядом змей и человеческой кровью. Это неотвратимое злое оружие и оно приносит немедленную смерть даже от легкого прикосновения».⁵³⁾

Более точных данных о применении скифами отравленных стрел нет, хотя уверенно можно говорить, что отравление всех стрел (Овидий) было не обязательным. На использование неотравленных стрел указывает погребение из кургана № 16 в курганной группе Широкое-III, где воин, раненный в голову двумя стрелами, прожил еще несколько лет после ранения.⁵⁴⁾

А. С. Лаппо-Данилевский считал, что имеющиеся на многих скифских бронзовых наконечниках стрел боковые отверстия использовались для вливания яда.⁵⁵⁾ Против этого решительно выступил Н. И. Веселовский, назвав эту мысль нелепой.⁵⁶⁾ До Н. И. Веселовского об этом писал Д. Н. Анучин.⁵⁷⁾

Рис. 91. Бронзовое кольцо для стрельбы из лука.

В действительности это отверстие образуется при литье, при недостаточно точной центровке стержня, вставляемого в литейную форму для образования втулки.

Лук и стрелы были «обычным и, по-видимому, обязательным оружием каждого скифа-воина».⁵⁸⁾ Это, безусловно, верное замечание А. И. Мелюковой находит полное подтверждение в материалах раскопок могильников скифского времени по всей территории Скифии. Даже, несмотря на то печальное обстоятельство, что основная часть погребений в Скифии на протяжении веков подвергалась опустошительным ограблениям, наконечники стрел, как это указывалось выше, являются самым массовым материалом. Следует [123] иметь в виду, что сами наконечники стрел нередко были целью ограбления. Во многих погребениях рядового населения Скифии остались лишь следы окислов от наконечников, которые убедительно свидетельствуют, что они лежали рядом с погребенным. Очень показательны в этой связи материалы могильников у сел Широкое и Шевченко Скадовского р-на Херсонской обл.⁵⁹⁾ Приведенная ниже табл. 4 дает некоторое представление о количестве находок наконечников стрел в погребениях степной Скифии, материалах из раскопок могильников, относящихся в основном к IV—III вв. до н. э. Конечно, картина, представленная на материалах таблицы, далеко не полная. Часть погребений подверглась опустошительному ограблению, и грабители забрали наконечники стрел, положенные вместе с погребенными. Прежде всего, это относится к погребениям, ограбленным вскоре после совершения погребения. Часть погребений детские. Наконечники стрел в этих погребениях редки. Другие — женские, в них наконечники стрел встречаются реже, чем в погребениях мужчин.

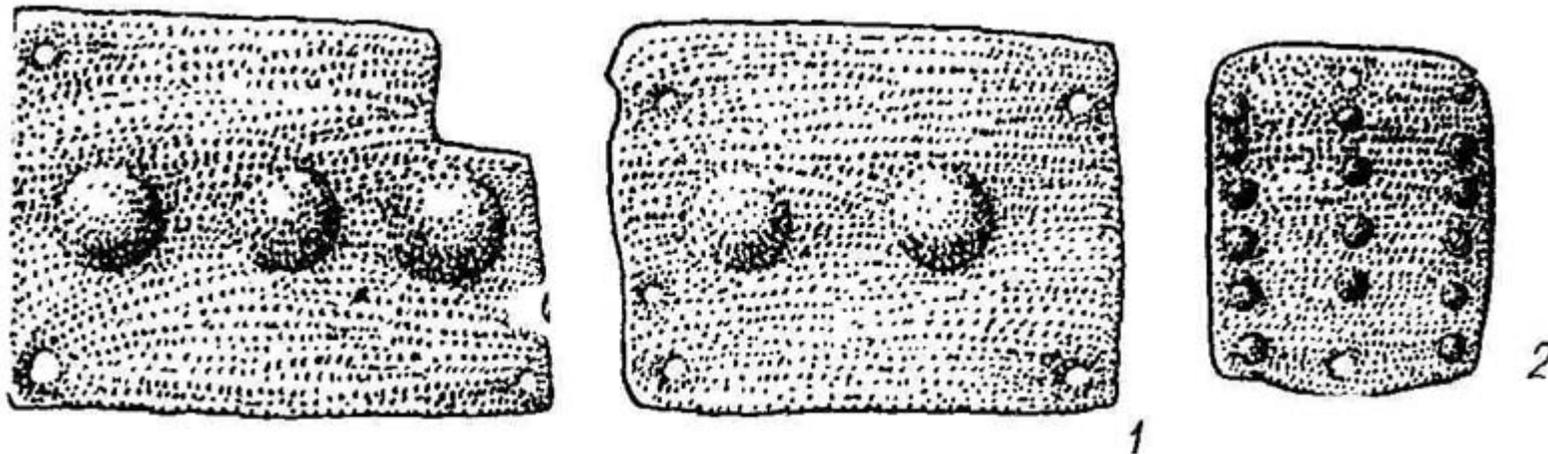

Рис. 92. Бронзовые защитные пластины для стрельбы из лука.
1 — савроматские; 2 — ананьинские.

Могильник	Количество погребений		Положение наконечников				где опубликовано
	всего	с наконечниками	не установлено	слева	справа	над головой, пр.	
Никопольское поле	86	43	38	4	1	—	МИА, 1962, № 115
Гайманово поле (1968 г.)	31	13	11	2	—	—	СиС
Носаки	18	9	5	4	—	—	КМ
Молочная	8	3	1	1	—	—	АП, т. 8
Кут	79	17	11	5	—	1	АП, т. 9
Капуловка	7	6	2	3	—	1	СД
Орджоникидзе ^а	31	17	1	5	—	1	Там же
В. Тарасовка-Владимировка (1974 г.)	65	22	14	7	1	—	КЮД
Кирово	5	5	5	—	—	—	ЗООА, т. 2 (35)
Широкое — Шевченко	143	53	22	29	1	1	КЮХ
Бориспольские ^б	25	11	7	1	1	1	СА, 1966, № 3
Николаевка	72	9	5	4	—	—	Поселение и могильник
Керченский п-ов ^в	62	23	19	4			Древности Восточного Крыма

По данным Е. П. Бунятян, из 37 неогранных детских погребений в могильниках у сел Широкое, Шевченко на Херсонщине, Кут на Никопольщине и могильников, исследованных в зоне строительства Верхнетарасовской [124] оросительной системы в Томаковском р-не Днепропетровской обл., исследованных новостроечными экспедициями Института археологии АН УССР под руководством Е. В. Черненко (1973 г.) и Н. Н. Чередниченко (1974 г.), наконечники стрел были выявлены в пяти погребениях, половую принадлежность которых определить не удалось.

Очень интересны и другие данные в работе Е. П. Бунятян. Так, оружие (прежде всего наконечники стрел) было выявлено в 13 из 35 неогранных погребений этих же могильников. Таким образом, каждое третье женское погребение имело в составе своего инвентаря наконечники стрел (37%). На основании этих данных Е. П. Бунятян делает совершенно обоснованный вывод об относительно высоком положении женщины в скифском обществе, выразившемся, помимо других признаков, в наличии оружия (в данном случае наконечников стрел) в составе инвентаря.⁶⁰⁾

Противопоставление савроматов, у которых довольно много (до 20%)⁶¹⁾ женских погребений с оружием (остальное 80% приходится на долю мужчин), скифам, у которых будто бы женских погребений с оружием мало, совершенно неправомерно. По данным Е. П. Бунятян, из общего числа погребений, в составе инвентаря которых присутствуют предметы вооружения, более 25% бесспорно женские.⁶²⁾

К сожалению, нет полных данных по определению возрастного состава погребений в могильниках, использованных в работе Е. П. Бунятян. Довольно близкая картина наблюдается и в других могильниках степной Скифии, например Елизаветовского, как верно отметила Э. В. Яковенко.⁶³⁾

Вооруженные женщины занимали заметное место в скифском войске. Несмотря на то, что могильники, на основании которых делала свои выводы Е. П. Бунятян, относятся в основном к IV—III вв. до н. э., очевидно, аналогичное положение было и в предшествующие периоды скифской истории.

Косвенным свидетельством могут быть слова Геродота, который при рассказе о войне скифов с персами Дария, вторгшегося в Скифию, говорит, что скифы отправили на север, подальше от будущего театра военных действий «повозки, в которых жили у них дети и жены»⁶⁴⁾ (весьма характерно употребление слова жены, а не вообще женщины). Интересно, что Геродот упоминает, что в войне с персами приняло участие «население» Скифии (в том числе и часть женщин).⁶⁵⁾

Важен вопрос и о том, какое другое оружие встречается в погребениях мужчин и женщин, помимо наконечников стрел. Для указанных выше могильников эти подсчеты сделала Е. П. Бунятян. Из 13 неграбленных женских погребений, где было найдено оружие, наконечники стрел присутствовали во всех. В двух погребениях, помимо наконечников стрел, обнаружены наконечники копий или дротиков, а в одном вместе с наконечниками стрел и копий — очень редкий для женских погребений меч.⁶⁶⁾ Примером погребения скифской «амазонки» является погребение 2 в кургане № 30 Елизаветовского могильника, где помимо наконечников стрел, найдены пара копий и меч.⁶⁷⁾

Из 16 неграбленных мужских погребений могильников, изученных Е. П. Бунятян, наконечники стрел были во всех комплексах. Одни лишь наборы стрел находились в девяти погребениях. В двух, кроме наконечников стрел, находились наконечники копий и мечи. В одной могиле были также наконечники копий и щит, в другой — топор, в третьей — топор и меч.⁶⁸⁾

Таким образом, в подавляющем большинстве мужских скифских погребений обязательными были наконечники стрел. Помимо них, в набор вооружения [125] части мужских погребений входили мечи, наконечники копий и дротиков, защитное вооружение разных видов.

Наконечники стрел являются обязательной принадлежностью всех погребений, которые с уверенностью можно отнести к дружинным. Ярким примером погребений подобного рода являются погребения у Новорозановки,⁶⁹⁾ Красного Подола,⁷⁰⁾ Жданова,⁷¹⁾ Александровки⁷²⁾ и др.

Нет ни одного погребения представителей скифской знати, среди наборов вооружения которых отсутствовали наконечники стрел. Они являются обязательной принадлежностью всех «царских» погребений Скифии. Количество наборов довольно значительно — до 10-16 (Пятибратний курган), а наконечники в них исчисляются сотнями.

«Скиф был конным стрелком (гиппотоксот по-гречески). Лук и стрела — его главное оружие», — писал Б. Н. Граков.⁷³⁾ Эти слова крупнейшего советского скифолога находят полное подтверждение в обязательном нахождении наконечников стрел в большем или меньшем количестве в тех комплексах, где встречены захоронения коней или предметы конской упряжи.

Как правило, в погребениях Скифии встречается по одному набору наконечников стрел, находившемуся, по-видимому, в горите вместе с луком. Однако известны случаи нахождения двух и более наборов. В данном случае речь идет не о погребениях, выделяющихся своим богатством, а о более или менее рядовых могилах. Примером может служить погребение в кургане у с. Ерковы под Киевом, где было найдено два набора наконечников.⁷⁴⁾ В кургане № 2 у с. Аксютинцы, раскопанном С. А. Мазараки, в двух наборах было около 400 бронзовых наконечников стрел.

Много наборов обнаружено в Чертомлыке. Здесь наконечники стрел «...были при всех мужчинах и при стражах царского покоя в угловых катакомбах 2, 3, и при слуге в катакомбе 1, при входе в камеру царя (5), и у конюших в могилах 6, 7, и при самом царе. Это стрелы из личных колчанов. В юго-западной катакомбе 1, кладовой царя... у стен стояло более ста стрел и лежало несколько колчанов. Всего здесь было не менее 350-400 стрел», — так описывал положение наборов наконечников стрел Б. Н. Граков.⁷⁵⁾ Судя по описанию И. Е. Забелина, в Чертомлыке было не менее десяти наборов. Однако число наконечников в каждом невелико. Несколько наборов было и в Солохе, из которых сохранилось более 600 наконечников.⁷⁶⁾ Четыре набора найдено в Толстой Могиле. После ограбления там сохранилось более 220 наконечников.⁷⁷⁾ Рекордное количество наборов — 16 обнаружено в Пятибратнем кургане. Число наконечников в них превышало тысячу.⁷⁸⁾

Очень важен вопрос о количестве наконечников стрел в скифских наборах. Тут преимущественно можно использовать лишь данные, относящиеся к IV—III вв. до н. э. Для более раннего времени у нас есть лишь немногие данные. Было бы очень интересно выяснить, какое количество наконечников стрел входило в наборы, находившиеся у воинов, относящихся к различным социальным слоям скифского общества, количество стрел разных типов в пределах одного набора соотношение внутри набора стрел, изготовленных из различных материалов.

В. А. Ильинская писала, что «...о том, был ли в могилу положен колчан или горит, можно судить по количеству и расположению стрел в том случае, если они сохранились непо потревоженными на первоначальном месте». Из того факта, что в нескольких погребениях (два — у с. Капуловки, два — у с. Любарцы курганы № 2 и [126] 4), относящихся к IV в. до н. э.,⁷⁹⁾ и погребение у с. Крячковки (V в. до н. э.), где были обнаружены наборы из 52 наконечников,⁸⁰⁾ лежавших полосой около 12 см, был сделан вывод, что именно это число стрел характерно для колчанов, а большее количество наконечников, лежащих в непо потревоженном виде,⁸¹⁾ может свидетельствовать о наличии горита в

погребении. Следуя за В. А. Ильинской, В. И. Ключко тоже считает, что в кургане Репяховатая Могила блоки наконечников стрел, насчитывавшие 90, 120 и 155 наконечников, лежавших шириной 20-30 см, находились в горитах.⁸²⁾ Выше (см. главу «Гориты и колчаны») отмечалось, что количество наконечников стрел и ширина блока, который они образовывали сами по себе, не могут быть достаточным основанием для выделения колчанов и горитов. Напомним, что колчаны, судя по всему, не получили заметного распространения в скифском воинском быту и господствующим видом снаряжения скифа-лучника были гориты.

С целью выяснения норм количества наконечников и наборов произведен учет наконечников в разных погребениях в соответствии с различными районами распространения скифской культуры — Степь Северного Причерноморья, Правобережье и Левобережная Лесостепь. Внутри каждого района выделение колчаных наборов в пределах различных хронологических отрезков не проводилось. В нашем распоряжении есть лишь единичные (особенно для степи) наборы, относящиеся к VI—V вв. до н. э., а комплексы этого же времени, исследованные в Лесостепи, недостаточно хорошо документированы.

При составлении приложений 5-7, где собраны эти данные, использованы в основном опубликованные комплексы из курганов, раскопанных за последнее десятилетие новоостроечными экспедициями Института археологии АН УССР. Учтены комплексы наконечников из неогрбленных погребений или погребений, подвергшихся ограблению, но в которых остались ненарушенными блоки наконечников и они находились на своем первоначальном месте. Погребения, в которых в ненарушенном положении лежал один-два наконечника, не учитывались. Учет начинался с тех, где находилось три и более наконечников. Следует отметить, что погребений с небольшим числом наконечников стрел сравнительно немного. Обычными, очевидно, были наборы с 15-20 наконечниками. Из приложений 5-7 видно, что в одном наборе, распределенные в порядке возрастания их численности, они образуют почти непрерывный ряд чисел начиная с 3 и до 160. В пределах этого ряда встречаются наборы из разных комплексов, но с равным числом наконечников. В трех погребениях найдены наборы из 3, 7, 13, 14, 27, 52, 64, 67 наконечников, в четырех 50 и 110, в пяти — по 11.

Из учтенных комплексов в скифской степи* (162 погребения) более 150 наконечников находились лишь в наборах, происходящих из 14 комплексов. Характерно, что половина из них относится к сравнительно немногочисленной группе погребений V в. до н. э. Больше всего наконечников в одном наборе известно из кургана 1С у с. Марицино (377 экземпляров). Не исключено, однако, что это ошибка, и в данном случае мы имеем дело не с одним, а двумя наборами. Весьма показательны, что в погребениях, раскопанных за последние годы, где фиксация проведена на современном уровне, [127] таких больших наборов нет. Число наконечников в наборах из этих погребений не превышает 200. Как пример можно указать погребения в кургане у Архангельской Слободы (два набора по 165 и 166 наконечников), курган № 6 у с. Александровка (183 экз.), курган № 4, погребение 2 в группе Страшной Могилы (185 экз.). В кургане у Новорозановки точный подсчет наконечников не проводился, и автор публикации этого интереснейшего комплекса — О. Г. Шапошникова — ориентировочно называет около 200 экземпляров.

Во втором погребении кургана № 12 группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе было найдено около 500 наконечников стрел. При публикации этого комплекса они условно разделены на два набора (в первом — 279 и во втором более 200 наконечников стрел).^{83]} Погребение ограблено, и грабители в поисках золота перерыли всю эту скромную по размерам могилу. Очевидно, к данным о столь большом количестве наконечников в каждом наборе этого комплекса следует подойти крайне осторожно. Не исключено, что наборов здесь было намного больше. Достаточно напомнить, что в могиле при одном погребенном оружии было больше, чем для снаряжения одного воина.

До обнаружения очень больших наборов наконечников стрел (более 200) в неограбленных комплексах следует с большой осторожностью относиться к данным, полученным в этом кургане и в других, раскопки которых проводились в дореволюционные годы. Это же в полной мере относится и к комплексам с большим числом наконечников, происходящим из Лесостепи. Имеется в виду погребение у с. Гришенцы (257), курган № 400 у Журовки (463), Старшей Могилы (209), Битовой Могилы (238), курган № 1, раскопанный в 1897—1898 гг. у с. Волковцы (250), и др.

Очевидно, носить большое количество наконечников в одном горите или колчане просто не имело смысла. Они были достаточно тяжелы, пучок из сотен древков имел довольно большую толщину. Такой колчан или горит мешал воину. Запас стрел можно было носить отдельно. А сотни-полторы стрел вполне хватало для боя.

В приложениях 5-7 приведены данные о материале, из которого сделаны наконечники каждого набора. Хорошо видно, что во всех преобладают наконечники, изготовленные из бронзы. В скифских курганах степи из 177 приведенных в приложении наборов в 148 есть только бронзовые наконечники. В девяти наборах, помимо бронзовых, были и железные наконечники. Число их в наборе невелико — от одного до восьми — десяти. В большинстве наборов бронзовых наконечников намного больше, чем железных. Лишь в наборе из кургана № 2 у с. Старое на Киевщине железные преобладали (40 железных и 37 бронзовых). В кургане № 16 группы Широкое-III под Скадовском на Херсонщине бронзовых наконечников не было. Из 26 происходящих оттуда наконечников 24 были сделаны из железа, а 2 — из кости.

В 19 погребениях находились костяные наконечники. Обычно их в наборе немного — от одного до четырех (13 наборов). В погребении № 18 у с. Николаевки на Одесчине насчитывалось 18, лишь на один наконечник больше, чем бронзовых. Наборов в степи, где бронзовых наконечников меньше, чем костяных, нет. Обычно костяные наконечники встречаются в сочетании с бронзовыми в пределах одного набора. Исключением является отмеченное выше погребение в кургане у с. Широкое-III, где были только железные и костяные наконечники. В кургане № 2 у с. Марьинское лишь четыре костяных наконечника. [128]

Из приведенных в приложении 5 данных видно, что погребения, в составе наборов которых есть наконечники, изготовленные из бронзы, железа и кости, очень редки. Это погребение в кургане № 6 у с. Башмачка под Днепропетровском (из 51 наконечника 42 бронзовых, 8 железных и один костяной), один из наборов Пятибратнего кургана (из 67 наконечников 50 бронзовых, 4 железных и 13 костяных) и набор наконечников из кургана № 1 (погребение 2) в группе Гайманово поле (из 112 наконечников только по одному железному и костяному). В

остальных случаях в составе одного набора присутствуют лишь наконечники из бронзы и железа или из бронзы и кости. Следует отметить, что в очень больших наборах, число стрел в которых превышает 150, есть только бронзовые наконечники. Лишь в Карагодеуашхе на 169 бронзовых пришелся только один железный наконечник.

Изучение состава наборов из скифских комплексов еще раз подтвердило мнение о преимущественном использовании в Степной Скифии бронзовых наконечников стрел и очень редком из железа и кости.

При составлении приложения 6, где собраны данные о 32 ненарушенных наборах наконечников стрел из курганов днепровского Лесостепного Правобережья, использованы материалы отчетов о дореволюционных раскопках⁸⁴⁾ и раскопках недавних лет (раскопки А. И. Тереножкина и Г. Т. Ковпаненко). В общем и здесь наблюдается та же картина распределения наконечников стрел, изготовленных из разного материала в наборах, что и среди памятников Степи. Ценность их заключается в том, что здесь гораздо полнее представлены материалы, относящиеся к VI—V вв. до н. э., лишь эпизодически встречаемые в Степи. К сожалению, к ним следует относиться осторожно, так как подавляющая часть получена при старых раскопках, когда уровень фиксации был довольно низок.

Как и для комплексов степной Скифии, здесь нельзя выделить норму наконечников, обычных для разных наборов. Обычно преобладают наборы со сравнительно небольшим числом наконечников. Рекордное число стрел (463 экз.) известно из кургана № 400 у с. Журовки. Конечно, это много для одного набора. Скорее всего, их здесь было два или даже больше.

Из 32 наборов только бронзовые были в 28 комплексах. Бронзовые, железные и костяные были найдены лишь в одном кургане № 406 у с. Журовки. Из 129 обнаруженных здесь наконечников 52 бронзовых (очень редкий случай преобладания железных над бронзовыми), 70 железных и 7 костяных. Железные наконечники численно преобладали и в погребении 2 кургана № 1 у с. Петровка на Кировоградщине⁸⁵⁾ (на 9 бронзовых приходилось 63 железных). В погребении 1 кургана № 4 у того же с. Петровка было 75 только железных. Это один из двух наборов в Скифии, состоявших исключительно из железных наконечников.

В приложении 7 собраны данные о 24 наборах наконечников стрел, обнаруженных в курганах Днепровского Лесостепного Левобережья. В основном это материалы старых раскопок. Во многом работу облегчила очень тщательная проработка материалов Посулья, проделанная В. А. Ильинской. Ее материалы легли в основу данной сводки. В монографическом исследовании Г. Т. Ковпаненко собраны материалы скифского времени из Поворскля о 13 комплексах, в которых найдены наконечники стрел.⁸⁶⁾

В материалах с этой территории наблюдается аналогичная картина. Как и в других районах Скифии, абсолютное большинство в наборах составляют [129] бронзовые наконечники. Только в кургане №8 у с. Поповки находки составили одни железные наконечники (47 экз.). В кургане № 4 у того же села железные наконечники численно преобладали над бронзовыми — из найденных 38 наконечников 22 сделаны из железа. Костяные наконечники (6 экз.) найдены только в кургане у с. Луки вместе с бронзовыми (21 экз.).

Таким образом, для всей Скифии начиная от VI в. до н. э. и до начала III в. до н. э. характерно повсеместное распространение бронзовых наконечников и эпизодическое включение в состав наборов, в которых преобладали бронзовые, наконечников, изготовленных из кости и железа. Наборы, с преобладанием железных, встречаются редко, как и наборы, состоящие из одних железных наконечников. Костяные наконечники встречаются лишь вместе с бронзовыми или железными. Очень редки находки деревянных наконечников. Обычно они повторяют форму бронзовых. Очень немного деревянных стрел, каплевидное расширение на конце которых выполняет функции наконечников. Но они составляют одно целое с древком. Примером подобных стрел могут быть стрелы из кургана № 13 (вторая могила) у Богдановской обогатительной фабрики под г. Орджоникидзе.⁸⁷⁾

Представление об обычном для IV в. до н. э. количестве стрел в наборах и распределении их по характеру материала, из которого они изготовлены, дает Пятибратний курган, где найдено 16 наборов, больше, чем в любом другом кургане Скифии. Материалы этого комплекса дважды изданы В. П. Шиловым.⁸⁸⁾ В первой публикации приведены данные о десяти наборах. Во второй — состав всех наборов. Данные о количестве наконечников в каждом наборе и о их составе публикуются также в работах А. И. Мелюковой⁸⁹⁾ и Б. Н. Гракова.⁹⁰⁾ К сожалению, во всех четырех публикациях есть известные расхождения относительно общего числа наконечников во всех наборах, состава наборов в зависимости от материала, из которого изготовлены наконечники. Здесь используются данные второй работы В. П. Шилова.⁹¹⁾ Укажу численность наборов по мере возрастания числа наконечников — 7, 34, 36, 39, 48, 49, 58, 67 (два набора), 74, 83, 87, 88, 107, 110, 118. Бронзовые были в 12 наборах; бронзовые, железные и костяные лишь в одном, соответственно 50, 14 и 13. Бронзовые и железные в трех, соответственно 5 и 2, 10 и 48 108 и 2. В. П. Шилов сообщает общее число наконечников во всех наборах — 1064, однако оно на 8 наконечников меньше, чем дает суммарный подсчет численности наконечников по колчанам или горитам.

Интересно положение горитов или колчанов в могиле по отношению к погребенному. В так называемых царских курганах они лежали не только рядом с погребенным (Чертомлык, Солоха, Толстая Могила и др.), а и в тайнике (Мелитопольский курган), в отдельных камерах (Чертомлык, Первый и Второй Мордвиновские курганы), у входа в погребальную камеру (Толстая Могила). 16 колчанов или горитов из Пятибратнего кургана как бы окружают со всех сторон погребенного.⁹²⁾ Слева от него лежали два набора, в том числе и парадный горит с золотой обивкой. Справа было положено семь наборов (два у черепа, три у плеча, два у локтя), один набор лежал в северо-западном и шесть — в северо-восточном углах.

В таблице 4 собраны данные о положении колчанов или горитов в могильниках Степной Скифии, относящихся в основной массе к IV в. до н. э. Учтены материалы из неограбленных могил и из тех погребений, которые подверглись ограблению, но положение наконечников в них осталось неизменным. Данные [130] получены из материалов опубликованных могильников Никопольского курганного поля,⁹³⁾ Гайманова поля (раскопки 1968 г.),⁹⁴⁾ курганной группы Иосаки у с. Балки,⁹⁵⁾ погребения на р. Молочной,⁹⁶⁾ могильника у с. Кут,⁹⁷⁾ Капуловки и у г. Орджоникидзе,⁹⁸⁾ у сел В. Тарасовка-Владимировка,⁹⁹⁾ Кирово,¹⁰⁰⁾ Широкое-Шевченко,¹⁰¹⁾ курганы у г. Борисполь,¹⁰²⁾ с. Николаевки,¹⁰³⁾ Керченского п-ова.¹⁰⁴⁾

Как видно из приведенной табл. 4 наконечники стрел обычно лежат по отношению к погребенному в трех местах. Чаще всего они положены слева от погребенного, обычно у бедра (в 69 случаях из 78). Наконечники лежат так, как они были положены в горит или колчан — острями вниз. Сам горит или колчан, судя по положению наконечников, лежал на участке от плеча до голени. Чаще всего наконечники находятся у голени. В пяти рядовых погребениях они лежали над головой.*

В четырех погребениях наконечники лежали справа от погребенного.* Очевидно, это не совсем обычное положение наконечников в могиле можно объяснить тем, что в ней был похоронен левша.¹⁰⁵ Отношение погребений, в которых встречено это положение наконечников, в общем близко отношению людей с выраженной «леворукостью» к «праворуким». По разным данным это отношение колеблется от 1 до 4,8%.¹⁰⁶

В общем в тех же местах лежат остатки горитов или колчанов и в погребениях сопровождающих лиц «царских» курганов. Слева наконечники стрел лежали у воина из Страшной Могилы¹⁰⁷ и у «конюха» из Толстой Могилы.¹⁰⁸ У «охранника» из бокового погребения Толстой Могилы у бедра справа.¹⁰⁹ Слева у головы лежали наконечники у «оруженосца» из Солохи.¹¹⁰

В погребениях, которые уверенно можно связать с дружинниками, наконечники стрел и другие остатки горитов также находились слева от погребенного (Жданов, курган № 7,¹¹¹ Новая Розановка¹¹²) или над его головой (курган у Александровки¹¹³). Об этом говорят и изображения скифов на предметах торевтики, и горитов на монументальной каменной скифской культуре.

Для ношения горита на боевом портупейном поясе к нему пришивали кожаный ремень. Другой конец ремня пришивался или привязывался к гориту. Это хорошо видно на изображениях горитов, воспроизведенных в торевтике, и на остатках пояса из погребения у с. Гришенцы на Поднепровье.¹¹⁴ В памятниках скифского времени на Среднем Дону и Северном Кавказе известны железные крючки, которые, по мнению ряда исследователей, использовали для закрепления на нем горита или колчана.¹¹⁵ Возможно, эти же функции выполняла и часть крючков, украшенных в зверином стиле.¹¹⁶ В самой Скифии железные ключки для подвешивания к поясу горита, по-видимому, распространения не получили. Их находки в комплексах Северного Причерноморья практически отсутствуют.

Выше приводились данные о довольно большом количестве наконечников стрел в скифских наборах. Нередко в [131] скифских курганах встречаются погребения, в составе инвентаря которых наконечники исчисляются сотнями и более. Интересно, как обстоит дело с численностью наконечников в составе наборов других племен Евразии в скифское время.¹¹⁷

В определенной мере со скифскими могут быть сопоставлены, пожалуй, лишь наборы савроматов. В работе К. Ф. Смирнова, к сожалению, отсутствуют данные о численности наборов наконечников стрел в погребениях савроматских воинов.¹¹⁸ Некоторые данные по этому вопросу сообщает Б. Н. Граков, не называя, однако, комплексов, из которых они происходят. Один набор, в составе которого было более 200 наконечников, нашел он сам. По его же словам, В. В. Гольмстен сообщила о находке в кургане бывшей Соболевской волости Самарской

губернии более 380 наконечников. Осталось, правда, неясным, сколько здесь было наборов — один или несколько. «От 50 до 100 стрел содержали колчаны савроматов очень часто».¹¹⁹⁾ Картину, близкую той, что дают скифские могильники, можно увидеть на примере материалов из двух савроматских могильников, недавно опубликованных К. Ф. Смирновым. Это могильник Пятимары-I. В кургане № 8 было найдено 74 бронзовых, а в кургане № 9 — 185 бронзовых и один железный наконечник. В Мечетсайском могильнике в непо потревоженных при ограблении наборах было найдено: 6 экземпляров (курган 7, погребение 12), около 10 (курган 6, погребение 6), 10 (курган 6, погребение 7), более 20 (курган 2, погребение 4), 26 (курган 7, погребение 8), 53 (курган 2, погребение 2), 95 (курган 8, погребение 5).¹²⁰⁾ Сходные данные получены и в Новокумакском могильнике (численность наконечников в наборе по мере возрастания их количества — 7, 8, 18, 21, 41, 56, 83, 106, 146).¹²¹⁾ Это количество наконечников в составе наборов савроматов вполне сопоставимо с данными о наконечниках стрел в рядовых скифских могильниках, таких, как могильники у сел Широкое, Шевченко, Кут и др. О распространении стрел в сакских могильниках говорят данные могильника Уйгарак. В непо потревоженном положении наконечники стрел лежали в курганах № 39, 43, 83, 34 (соответственно 30, 20, 4 и 36 экз.).¹²²⁾ Эти данные в общем тоже близки скифским. Правда, наборов с числом наконечников более 40 на этой территории не встречено. Близко и соотношение бронзовых и костяных наконечников. Из 137 наконечников, найденных в курганах Уйгарака, лишь четыре сделаны из кости, остальные — бронзовые.¹²³⁾ Бедны наконечниками стрел и тагарские памятники. Если в VII—VI вв. до н. э. в среднем на могилу приходится по четыре наконечника, а в отдельных погребениях найдено 13-16 наконечников, то в V в. лишь в одной могиле было два наконечника, а в остальных — по одному. Могилы, в составе инвентаря которых были наконечники, немногочисленны.¹²⁴⁾

Очень показательны для татарских памятников данные о количестве наконечников стрел в могильнике Серебряково. В 10 курганах этого могильника было найдено всего 58 наконечников стрел.¹²⁵⁾ Среди наконечников преобладают экземпляры, изготовленные из кости.¹²⁶⁾ Из 783 учтенных А. М. Кулемзиным наконечников 454 сделаны из кости.¹²⁷⁾ Бронзовых меньшинство. Изготовление наконечников из кости у племен тагарской культуры, по-видимому, препятствовало распространению наборов с большим числом наконечников.

В курганах Алтая наконечники стрел находят крайне редко. В третьем Пазырыкском кургане, судя по сохранившимся древкам, было обнаружено 24 стрелы.¹²⁸⁾ [132]

Немного наконечников и среди памятников Памира и Ферганы. В обстоятельном разделе о наконечниках стрел в монографии Б. А. Литвинского типология наконечников построена не на сериях наконечников, происходящих из могильных комплексов, а на единичных экземплярах, найденных на поселениях и в могильниках.¹²⁹⁾

На территории распространения ананьинской культуры с конца VI — начала V в. до н. э. появляются луки и наконечники стрел скифского типа. Однако их немного. В Ананьинском могильнике в пяти погребениях найдено только 10 бронзовых наконечников, а в других — 12.¹³⁰⁾

«В могильниках племен кобанской культуры скифского времени... стрелы и другое оружие было северных скифо-меото-савроматских видов (неясно, что именно Б. Н. Граков имел в виду, говоря о меото-савроматских видах оружия. — *Е. Ч.*), в колчаны клали некоторое количество стрел».¹³¹⁾ Это «некоторое» количество было очень невелико. К примеру, в могильнике Каррас, раскопанном Д. Я. Самоквасовым, вспоминает Б. Н. Граков, было от двух до десяти наконечников, в Нестеровском — от одного до шести. По данным В. Б. Виноградова, лишь в десяти погребениях зафиксировано более десяти наконечников, а максимальное число их не превышало 25. «Все это лишний раз оттеняет весьма существенную ограниченность использования стрел и лука в похоронном обряде горцев (вряд ли стоит все сводить к похоронному обряду. Очевидно, число наконечников, положенных в могилу, довольно точно отражало реальную роль лука в составе вооружения. — *Е. Ч.*) не только на фоне кочевнических метрополий (Скифии, Сарматии), но и (и это показательно!) в сравнении с курганными погребениями номадов в равнинных районах Предкавказья».¹³²⁾ В. Б. Виноградов прав. Действительно, в равнинных районах Предкавказья погребений, содержащих в инвентаре наконечники стрел, больше, как и самих наконечников в наборе. Если погребения в горных районах, в которых встречены наконечники стрел, составили 11%, то в равнинных — 61 %. Из 28 наборов в девяти было больше 10 наконечников. В хорошо известных Гойтинских курганах было найдено 16, 26, около 50, не менее 60 наконечников, в Бамутском кургане — 164.¹³³⁾ Наборы с таким количеством наконечников близки скифским.

О распространении лука и стрел у меотов свидетельствуют данные Усть-Лабинского могильника. Среди могил V в. до н. э. только в одном погребении 11 (раскопки 1938 г.) было обнаружено 10 наконечников. В погребении 3 (раскопки 1938 г.), относящемуся к IV—III вв. до н. э., всего пять. Они железные, втульчатые.¹³⁴⁾

Мало наконечников стрел в таврских могильниках. Даже учитывая значительную ограбленность могил, создается впечатление о немногочисленности их у тавров. В могильниках Байдарской долины найдено 72 наконечника, в Черкес-Керменском могильнике — 48. А для памятников позднего этапа таврской культуры известно только 8 наконечников — 5 бронзовых и 3 железных.¹³⁵⁾

Данные о количестве наконечников стрел в фракийских погребениях приводит А. И. Мелюкова. В археологическом музее Варны хранится 22 архаических наконечника из Князево Провадийско, в известном богатом кургане Башева Могила найдено 40 наконечников. В комплексах, откуда происходят довольно полные наборы защитного оружия (Юруклер, Червенкова Могила), найдено соответственно 11 и 20 экземпляров. Из числа фракийских погребений, очень бедных находками стрел, выделяется Рахманлий, где найдено 500 наконечников.¹³⁶⁾ К [133] сожалению, неясно, сколько наборов было в этом кургане, неясно и количество наконечников в каждом наборе.

В целом материалы, характеризующие лук и стрелы фракийцев, очень бедны и находятся в явном противоречии с тем, как изображает их А. П. Манцевич, рисуящая фракийцев прославленными стрелками.¹³⁷⁾ Весьма показательно, что Г. Михайлов, характеризуя вооружение фракийцев, в главе, где много внимания уделено военному делу и оружию фракийцев, смог лишь упомянуть наличие у них луков.¹³⁸⁾

Рис. 93. Изображение скифа-лучника на античной вазе.

Мы располагаем немногими данными о нахождении наконечников стрел в некрополях античных городов Северного Причерноморья. Лучше других центров данные по этому вопросу представлены в некрополе Ольвии. Они собраны в работах В. М. Скудной и Ю. И. Козуб.¹³⁹⁾ К сожалению, в этих работах не указано, из каких комплексов (нарушенных или ненарушенных) они происходят, а также остается неясным, идет ли речь о числе наконечников, найденных в погребениях вообще, или же о количестве наконечников, хранящихся в музейных собраниях. Число наконечников в некрополе Ольвии колеблется от 5 до 64 экземпляров (погребение 10, раскопки 1914 г., и 82, раскопки 1911 г.).¹⁴⁰⁾ Преобладают погребения (13 из 22), в которых количество колеблется от 20 до 45 экземпляров.¹⁴¹⁾ В статье В. М. Скудной приведены данные лишь о погребениях, раскопанных в дореволюционное время. Ю. И. Козуб говорит о наконечниках, происходящих из 27 погребений. Судя по тому, что тут упоминаются погребения, раскопанные в 20-х годах, она учитывает и послереволюционные раскопки.

В. Д. Блаватский сообщает о частых находках наконечников стрел в некрополе Ольвии, что, по его мнению, свидетельствует о большой роли лучников. Он же отмечает и то обстоятельство, что в слоях боспорских городов наконечники встречаются гораздо реже, чем в Ольвии.¹⁴²⁾ Данные о находках наконечников стрел в некрополях других (кроме Ольвии) античных центров Северного Причерноморья практически отсутствуют. В работе, посвященной некрополю Тирамбы, лишь упоминается присутствие в нем погребений с наконечниками стрел.¹⁴³⁾ Это же относится и к публикациям обобщающих работ по некрополю Пантикапея, где приводятся обычно лишь данные о наличии в погребениях оружия, но не называется, какое именно.¹⁴⁴⁾

Говоря о появлении луков скифского типа в Греции, А. И. Мелюкова писала, что «греки познакомились с ним от скифов».¹⁴⁵⁾ В пользу этого свидетельствует и античная традиция. Имеется в виду приведенное выше свидетельство Геродора Гераклейского. Со скифами связывала эта же традиция и само появление лука. Подтверждением этого являются слова Плиния Старшего, что «лук и стрелы изобрел Скиф, сын Юпитера».¹⁴⁶⁾ Очень интересно выражение, [134] которое Плутарх приписывает скифскому мудрецу Анахарсису: «...луки сочувствуют скифам, лиры же и флейты — эллинам».¹⁴⁷⁾

Скифские рабы-стрелки из лука служили в Афинах в роли полицейских (рис. 93). Лучники появляются и в составе греческих войск. Оратор первой половины IV в. до н. э. Андокид говорил, что после победы на Марафонском поле «в первый раз... мы (афиняне. — Е. Ч.) организовали отряд всадников в 300 человек и купили 300 скифов-лучников».¹⁴⁸⁾ Позднее их число увеличилось до 1200.¹⁴⁹⁾

Опыт персидских войн, когда грекам пришлось столкнуться с воинами, вооруженными луками скифского типа, показал грекам силу этого оружия. В битве при Платеях Павсаний просил у афинян: «окажите нам услугу, послав стрелков из лука». ¹⁵⁰ В этой битве греки несли большой урон от конных лучников персов. Геродот писал, что персидские всадники «прискакали и стали наносить большой урон всему эллинскому войску своими дротиками и стрелами: это были конные лучники и поэтому к ним было нелегко подступиться». ¹⁵¹ Еще до боя у Фермопил греки вспомнили рассказ одного из своих товарищей: «если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца». ¹⁵² Персидские лучники интенсивным обстрелом сломили последнее героическое сопротивление спартанцев у Фермопил. Спартанцы сражались до тех пор, «...пока варвары не засыпали их градом стрел». ¹⁵³

Рис. 94. Изображение скифов-лучников и гоплитов на античной вазе.

Несмотря на очевидные преимущества лука в бою, в Греции лук и стрелы так и не стали одним из основных видов оружия. Об этом красноречиво свидетельствует вазовая живопись. Из многих сотен изображений воинов в батальных сценах, воспроизведенных в полном

вооружении, вряд ли найдется [135] несколько греков, вооруженных луками. С луками и стрелами, как правило, изображают лишь пеших или конных воинов, одетых в «скифский» или «персидский» костюмы.^{[154\)](#)}

Рис. 95. Воин из кургана у Новорозановки (реконструкция доспехов М. В. Горелика).

В вазовой росписи можно увидеть на батальных сценах греческих гоплитов, сражающихся рядом со скифскими лучниками. В античном искусстве мощная фигура гоплита заслонила собой фигуру лучника. Однако реальные факты боевого опыта, показавшего способность лучников наносить урон фаланге, не мог пройти бесследно. «Взаимодействие» гоплитов и лучников иллюстрирует аттическая краснофигурная амфора позднего VI в. до н. э.¹⁵⁵ (рис. 94). Совсем не случайно один из популярнейших героев древней Греции — Геракл — считался искусным лучником.

Очень образно соперничество гоплита и лучника описал Эврипид. В его пьесе «Геракл» есть интересный диалог двух героев — Лика и Амфитриона, в котором Лик, упрекая Геракла, говорит:

...разве взял он щит или копье когда,
Готовясь к бою?
Трусливая стрела — его оружие,
Военное искусство — в быстрых пятках.
Да может ли, скажите мне, стрелок
Из лука храбрым быть? Нет, чтобы мужем
Быть истинным, спокойным оком надо,
Не выходя из воинских рядов.
Следить за копьями врагов, и мускул
В твоём лице пусть ни один не дрогнет...

Защищая Геракла, Амфитрион объясняет преимущества, которые имеет лучник по сравнению с гоплитом:

...ты не хотел признать
От лука пользы: слушай и учись!
Гоплит — он в вечном рабстве у своих
Доспехов: сломится ль копье в сраженье,
Он беззащитен, и случись с ним трусы,
Храбрый из гоплитов пропадет.
Ну, а владелец лука может смело
Разить врагов: всегда довольно стрел
В его распоряженье для защиты.

Вот первая из выгод. А затем
Незримой зрячих пагубой сражая,
И тела он не отдает врагу,
В прикрытии надежном оставаясь.
А это высшее искусство в битве —
Вредя врагам, опасности не ведать
И случаю не доверять себя.¹⁵⁶⁾

О распространении в Греции луков «скифского» типа свидетельствует еще [136] одно обстоятельство. Интерес представляет эволюция наконечников стрел, использовавшихся на территории Греции в эпоху поздней бронзы и начального этапа раннего железного века. Для эпохи бронзы и ранней архаики характерны бронзовые черешковые наконечники стрел.¹⁵⁷⁾ В VI в. до н.э. происходит смена форм наконечников и вместо черешковых появляются втульчатые характерных скифских типов,¹⁵⁸⁾ как следствие влияния скифов или персов. Характерно, что типичный скифский наконечник найден на поле Марафонской битвы.¹⁵⁹⁾ Одновременно с появлением скифских наконечников стрел распространяется и лук «скифского» типа. Об этом убедительно свидетельствует вазовая живопись.¹⁶⁰⁾

Ю. В. Шанин приводит очень интересные строчки древнегреческого поэта Архилоха:

...не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.
В бое подобном они опытни боле всего —
Мужи, владыки Евбеи, копейщики славные...¹⁶¹⁾

Совершенно справедливо он подчеркивает, «... что эвбейская аристократия судьбу сражений решала мечом, весьма неохотно прибегая к луку и праще».¹⁶²⁾

В войнах древнегреческими государствами принимались меры, запрещающие пользоваться в бою луком. Так, Страбон писал о том, что Халкида и Эретрея даже пришли к соглашению по этому вопросу, заключив договор, «... запрещающий пользоваться дальнобойным метательным оружием».¹⁶³⁾

Как сказано выше, лук и стрелы были массовым и наиболее распространенным оружием в Скифии.¹⁶⁴⁾ Они стали основным и очень эффективным оружием конных и пеших воинов. Не случайно Геродот, говоря о скифах, применяет термин «конный лучник».¹⁶⁵⁾ Помимо обязательных находок частей лука, остатков горитов или наборов наконечников стрел в погребениях, которые сопровождают захоронения

коней или в составе инвентаря которых присутствуют предметы конской узды, символизирующие положение коня, широкое распространение этого оружия среди конных воинов подтверждают и памятники изобразительного искусства — предметы северопричерноморской торевтики.

Очевидно, на основании того, что лук и стрелы не встречаются в комплексах Средней Азии, Г. А. Пугаченкова сделала вывод, что это оружие не характерно для тяжеловооруженных конников.¹⁶⁶⁾ С этим утверждением согласиться нельзя. В общем оно может быть верным лишь для тяжелой греческой конницы до эпохи Александра.¹⁶⁷⁾ Среди оружия, которое обязательно для конников, как писал об этом крупнейший военный теоретик и практик древней Греции Ксенофонт, лук и стрелы даже не упоминаются.¹⁶⁸⁾ Правда Ксенофонта подтверждается и данными греческой вазовой живописи. Среди многих десятков ваз, на которых изображены конники-греки, лука нет. В этом отношении весьма показательна сцена на афинской вазе (565 г. до н. э.), где греческие конники, вооруженные парой копий (в соответствии с рекомендациями Ксенофонта), сражаются с конными варварами, вооруженными луками.¹⁶⁹⁾

Иначе дело обстояло в Скифии. Ни в одном из погребений, число которых сейчас превышает 300, и в которых найдено тяжелое защитное вооружение (в основном панцири), нет ничего, что указывало бы на отсутствие в них лука и стрел. Красноречивой иллюстрацией этого может быть гребень из Солохи. В состав вооружения всадника входят шлемы, панцири, щиты, боевые пояса, гориты и поножи (см. рис. 66). [137]

Интересно мнение Б. Н. Гракова о возможности использования наконечников стрел не по их прямому — боевому — назначению. На основании широкого применения на территории Фракии своеобразных монет-стрелок в качестве мелкой разменной монеты, он писал: «Фракийские монеты-наконечники из бронзы появились на рубеже VI—V вв. до н. э. Этот народ заимствовал свои стрелы от скифов и придал их форму одному из видов своих первых монет. Запасы стрел входили как особая категория в состав заупокойного имущества богатого и простого скифского воина, появились они в Скифии раньше фракийских монет-стрелок. Не могли ли они служить скифам первобытной разменной монетой на манер раковины каури, железных вещей Африки, вампума индейцев Северной Америки и т. п.? Не первый ли поголовный налог взимал Ариант? Не дал ли он, отливая котел из наконечников, пример, объясняющий нам то, что вслед за золотом и серебром в разных видах, кроме денег, имущество и казна накапливались и в виде дорогой медной утвари и в виде стрел? Легенда об Арианте и фракийские стрелки-деньги говорят, по-видимому, что первичной формой таких денег были практически применяемые наконечники». Для расчетов, по мнению Б. Н. Гракова, скифы могли использовать не только сами наконечники, но и снаряженные стрелы. «У народов скифской культуры колчан служил кошельком и для роковой расплаты с врагом на поле боя, и для покупки редкого и ценного чернотравяного сосудика».¹⁷⁰⁾

Рис. 96. Монета Атея.

Можно упомянуть еще один способ употребления наконечников стрел не по их прямому назначению. В нескольких случаях стрелами расклинивали древко копья, заходящее в подток для его закрепления на древке. К примеру, можно указать на подтоки из кургана № 6 под Ждановым, погребения № 3 Кичкасского могильника, кургана у с. Омельник на Кировоградщине (раскопки Н. М. Бокий), могилы 2 в кургане № 12 группы 22-ой шахты под г. Орджоникидзе.

Об очень оригинальном использовании луков писал Плутарх — «разве скиф, когда пьет, не прикасается часто к луку и не пощипывает тетиву, призывая этим пропадающее от опьянения сознание?».¹⁷¹⁾

Сложный лук был достаточно мощным и обеспечивал большую дальность полета стрелы. По подсчетам П. Д. Львовского, стрела, пущенная из лука, могла пролететь расстояние до 500 м.¹⁷²⁾ Верность такого подсчета подтверждается свидетельствами древних авторов и другими источниками. Аргишти, сын Русы, выстрелил на расстояние около 476 м.¹⁷³⁾ Вегеций сообщал о соревнованиях стрелков на дистанцию 400 м.¹⁷⁴⁾ Дальноточность скифских луков отмечал Эсхил.¹⁷⁵⁾ Особую ценность имеет надпись из Ольвии о выдающемся достижении Анаксагора, сына Димагора, пославшего стрелу на [138] расстояние в 282 оргии (около 521,6 м).¹⁷⁶⁾ Безусловно, этот выстрел был сделан из скифского лука, получившего повсеместное распространение в северопричерноморских колониях, и особенно в Ольвии.

Рис. 97. Атака скифской конницы (реконструкция М. В. Горелика).

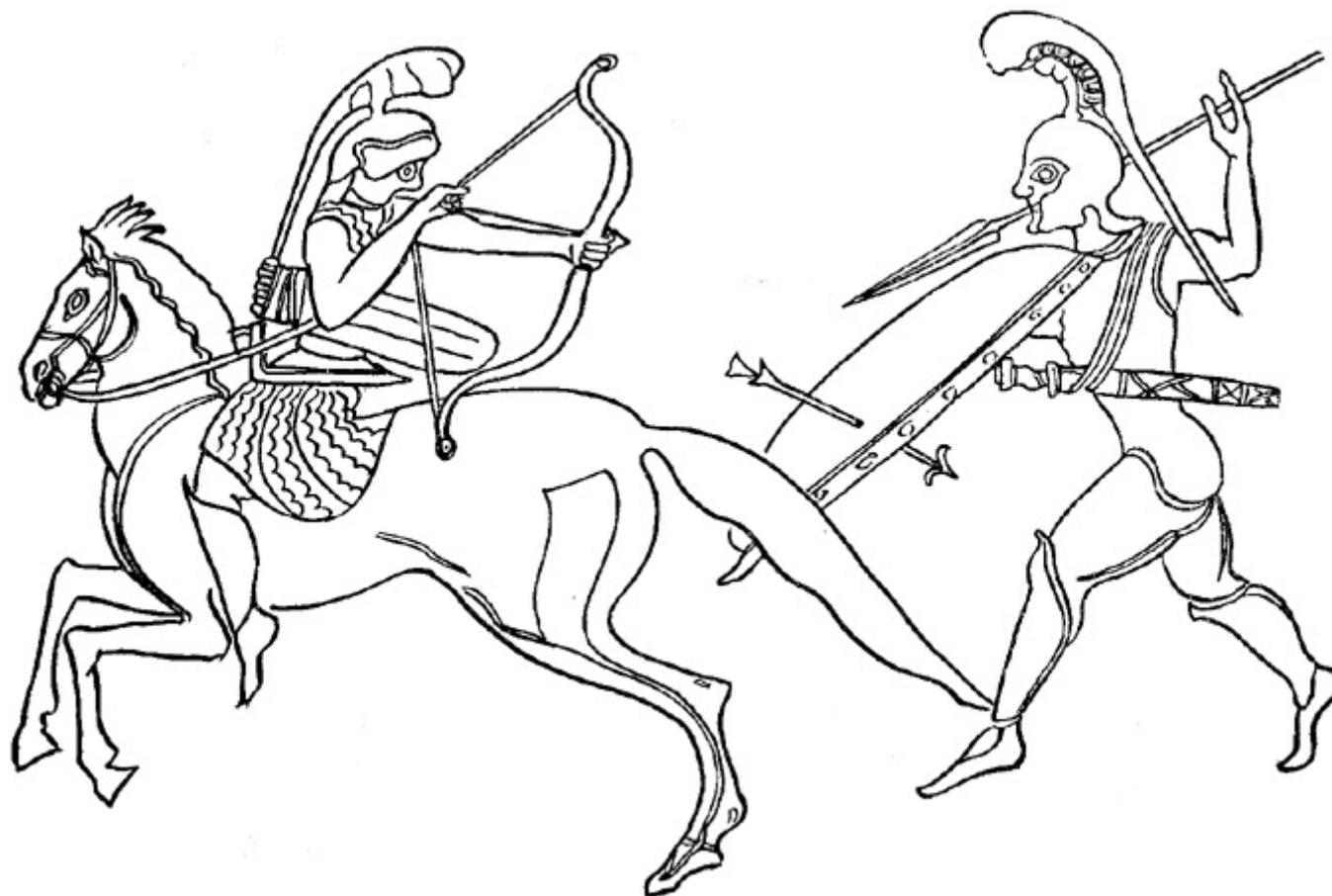
Очевидно, в скифское время, как и в раннее средневековье, существовала даже какая-то мера длины — «полет стрелы»¹⁷⁷ или «перестрел» и «стрелище» — древней Руси.¹⁷⁸ Вероятно, в пользу этого можно использовать упоминание о снятии греками моста через Дунай во время

похода Дария в Скифию в конце VI в. до н. э. на «... расстоянии выстрела из лука». ¹⁷⁹⁾ Это расстояние было, по-видимому, довольно значительным. Геродот, рассказывая об этом эпизоде, упоминает, что «в свите Дария был один египтянин, обладавший чрезвычайно громким голосом; этому человеку Дарий приказал стать на берегу Истра и кликнуть Гистиея милетянина; так он и сделал». ¹⁸⁰⁾

Записи рекордов дальности стрельбы из луков на площади Ок-Майдан (площадь Стрел) в Стамбуле сообщает о выстреле на 878,5 м, ¹⁸¹⁾ а «один член турецкого посольства в Англии мог стрелять из своего лука на расстояние 900 м». ¹⁸²⁾ Современные спортивные луки не позволяют стрелять на такое расстояние. Мировой рекорд дальности полета стрелы, установленный перед второй мировой войной, равнялся 440 м. ¹⁸³⁾ Это намного меньше не только рекордов турецких лучников, но и почти на 100 м меньше выстрела Анаксагора из Ольвии.

Недавно журнал «Вокруг света» сообщил, что лучник Х. Дрейк из специально изготовленного мощного лука выстрелил на дистанцию в 1 км. ¹⁸⁴⁾ Этот рекордный лук был, конечно, изготовлен из современных упругих материалов — металла и пластмасс.

Конечно, отмеченные выше рекордные выстрелы из луков были доступны [139] лишь очень немногим выдающимся мастерам. Обычная дальность выстрела, доступная массе воинов, была намного ниже. Стрельба в боевых условиях также снижала и дальность и меткость. Многовековой опыт стрельбы из лука, накопленный к XV в., подытожен в уже упоминавшемся арабском средневековом трактате и сведен к четкой формуле, по-видимому, близкой и опыту и практике лучников скифского времени — «лучники всего мира соглашаются, что практически кратчайшей дистанцией для стрельбы в цель является дистанция в 25 локтей; пределом же, за которым точная стрельба невозможна, является дистанция в 300 локтей». По подсчетам А. Ф. Медведева, эти дистанции соответственно равны приблизительно 12,6 м и 144-156 м. ¹⁸⁵⁾

Рис. 98. Батальная сцена на античном сосуде.

Отмечу, что максимальная дистанция, на которую проводят сейчас соревнования по прицельной стрельбе из современных спортивных луков, равна 90 м. Вероятно, эти дистанции были обычны и для скифов. Следует учитывать, что скифы, по-видимому, чаще всего стреляли, сидя на коне. Об этом свидетельствуют и монета Атея (рис. 96), и изображения охотящегося скифа на чаше из Солохи. И слова Геродота скорее всего относятся не только к тому, что скифские лучники ездили на конях («каждый — конный стрелок»), но и к тому, что и стреляли они из этого положения. Стрельба с коня, особенно в движении, вероятно, сокращала дистанцию полета стрелы, снижала точность стрельбы,

ее темп. Эти недостатки при стрельбе по единичной цели были не столь ощутимы при стрельбе по массе пешего или конного противника. Особенно эффективным обстрел из луков был при нападении на малоподвижный строй пеших воинов, каким была [140] фаланга. Интересно свидетельство Ксенофонта о том, как во время перехода греческих наемников Кира по Малой Азии их строй был обстрелян лучниками, которые стали «...пускать стрелы и никто из них не промахнулся, — а промахнуться было трудно даже при большом желании».¹⁸⁶⁾

Мы не располагаем данными о скорострельности скифских лучников. Учитывая большой опыт лучших лучников древности, вряд ли она была ниже скорострельности лучников средневековья, которые за минуту делали 10-12 выстрелов.¹⁸⁷⁾ Такая скорострельность была возможна, главным образом, при почти бесприцельной стрельбе по групповой цели, когда, по словам Ксенофонта, «...промахнуться было трудно даже при большом желании». Оценивая воздействие обстрела, которое оказывала на противника масса лучников, стреляющих с коня на ходу, следует учитывать и огромное психологическое давление конной массы закованных в металл воинов, идущих на стремительное сближение и несущей смерть тучей стрел (рис. 97).

Стрела, выпущенная из лука скифского типа, имела большую поражающую силу. При раскопках нередко находят наконечники стрел, засевшие глубоко в костях погребенного, наконечники, которые не смогли извлечь даже в том случае, если ранение не стало причиной смерти и человек продолжал жить. Вот несколько примеров. В погребении из кургана № 16 у Широкого Скадовского р-на Херсонской обл. у мужчины-воина было выявлено два ранения в голову — обломки бронзовых наконечников застряли в лобной и теменной костях. Их не смогли извлечь из черепа, после ранения человек прожил несколько лет, а вокруг наконечников образовался нарост кости.¹⁸⁸⁾ В лобной части черепа мужчины из погребения в кургане № 22 у Холодного Яра также торчала стрела.¹⁸⁹⁾ В центральном погребении кургана № 22 у с. Вильна Украина Каховского р-на Херсонской обл. в позвонке воина торчал наконечник стрелы, вонзившийся на половину своей длины.¹⁹⁰⁾ О том, что стрела пробивала щит и панцирь, писал Ксенофонт.¹⁹¹⁾ Подчеркивая большую поражающую силу стрелы, Фукидид писал, что «от стрел не защищали... войлочные панцири, о которые ломались метательные дротики».¹⁹²⁾ Это хорошо видно в сценах битв, воспроизведенных на античных сосудах — щиты и панцири многих воинов пробиты стрелами¹⁹³⁾ (рис. 98). Луки «скифского» типа, широко использовавшиеся народами Евразии начиная со скифского времени, применялись и в дальнейшем на протяжении столетий. Удачная и совершенная конструкция не претерпела существенных изменений в первом тысячелетии новой эры. По-видимому, правы те исследователи, которые видят много общего у скифских луков с так называемыми гуннскими и сложными луками Евразии вплоть до позднего средневековья. [141]

[Назад](#) [К оглавлению](#) [Дальше](#)

- ¹⁾ Геродот, IV.9. — ВДИ, 1947, № 2, с. 260.
- ²⁾ *Карышковский П. О.* О монетах с надписью EMINAKO. — СА, 1960, № 1, с. 184, рис. 3, 1, 4.
- ³⁾ *Анучин Д. Н.* Древние лук и стрелы, с. 359.
- ⁴⁾ Там же.
- ⁵⁾ *Карышковский П. О.* Указ. соч., рис. 3, 3.
- ⁶⁾ *Іллінська В. А.* Скіфські сокири. — Археологія, 1961, 12, с. 43, рис. 10; *Черненко Є. В.* Скіфські бойові пояси. — Археологія, 1964, 16, с. 31, рис. 2.
- ⁷⁾ *Іллінська В. А.* Скіфські сокири, с. 43.
- ⁸⁾ Там же, рис. 11. В общем его форма близка форме топоров, изображенных на ольвийских монетах. — МИА, 1951, № 16, табл. 32, 15-21.
- ⁹⁾ *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 1918, вып. 65, с. 9.
- ¹⁰⁾ *Карышковский П. О.* Указ. соч., с. 193.
- ¹¹⁾ Там же, с. 192.
- ¹²⁾ Одиссея. XIX.575.
- ¹³⁾ Одиссея. XXI.125.
- ¹⁴⁾ Там же.
- ¹⁵⁾ Махабхарата. Адипарва, М., Л., 1950, гл. 176, 10, 34-36, гл. 177, 15-18; гл. 179, 14-20.
- ¹⁶⁾ Геродот, III.21, 30, с. 144, 147.

- ¹⁷⁾ Ктесий Книдский. История Персии, 29. — ВДИ, 1947, № 2, с. 299.
- ¹⁸⁾ *Barnett R. D., Forman W.* Assyrische palastreliefs. Praha, Abb. 56.
- ¹⁹⁾ *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. — СА, 1970, № 3, с. 94-95. {В книге знак сноски не проставлен; здесь место для него выбрано из общих соображений. HF}
- ²⁰⁾ Там же.
- ²¹⁾ *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 35.
- ²²⁾ ВДИ, 1949, № 1, с. 307.
- ²³⁾ ВДИ, 1947, № 2, с. 293.
- ²⁴⁾ Платон. Законы, 7.5. — ВДИ, 1947, № 2, с. 318.
- ²⁵⁾ *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи. — В кн.: Скифия и Кавказ, с. 15-16.
- ²⁶⁾ *Анучин Д. Н.* Указ. соч., с. 29; *Barnett R. D., Forman W.* Assyrische palastreliefs. Abb. 83.
- ²⁷⁾ *Morse E. S.* Ancient and modern Methods of arrow-release, — From the Bulletin of the Essex Institute, vol. 18, Oct.-Dec. 1885.
- ²⁸⁾ *Анучин Д. Н.* О древнем луке и стрелах, с. 368-374, рис. 36-44.
- ²⁹⁾ *Анучин Д. Н.* Указ. соч., с. 369; *Morse E.S.* Op. cit., fig. 1, 2.
- ³⁰⁾ *Анучин Д. Н.* Указ. соч., рис. 29.
- ³¹⁾ Там же.
- ³²⁾ Илиада, 118-126, с. 69. {так. HF}

- [33\)](#) Помпей Трог. Сокращения М. Юния Юстина, II.4.11. — ВДИ, 1949, № 1, с. 251.
- [34\)](#) Древние схолии к «Илиаде» Гомера, кн. III.189. — ВДИ, 1947, № 1, с. 282.
- [35\)](#) Древние схолии к «Илиаде» Гомера, кн. IV.122, VIII.325. — ВДИ, 1947, № 1, с. 283.
- [36\)](#) Там же, примеч. 1.
- [37\)](#) Там же, кн. VIII.361.
- [38\)](#) *Morse E.S.* Op. cit., fig. 11-12. *Анучин Д. Н.* Указ. соч., с. 371, рис. 38. На рисунке Д. Н. Анучина ошибка — он повернут на 180°. Так же ошибочно рисунок из работы Д. Н. Анучина воспроизведен в работе Н. Л. Членовой (*Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, рис. 3).
- [39\)](#) *Анучин Д. Н.* Указ. соч., с. 371, рис. 39-40; *Morse E.S.* Op. cit., fig. 15, 16.
- [40\)](#) *Веселовский Н. И.* Серебро скифского царя из кургана Солоха. Спб., 1914, с. 30.
- [41\)](#) 7000 ans d'art en Iran. Paris, 1961, № 731, p. 124.
- [42\)](#) *Ильинская В. А.* Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича. — СА, 1978, № 3.
- [43\)](#) *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 329.
- [44\)](#) *Членова Н. Л.* Указ. соч., с. 65, табл. 15, 9-14.
- [45\)](#) *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 36, рис. 9, 3-4.
- [46\)](#) Там же. А. В. Збруева, однако, связывает ананьинские пластины с поясным набором (*Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, № 30, с. 79, табл. 17, 5).
- [47\)](#) Платон. Законы, 7.5. — ВДИ, 1947. № 2, с. 348.

- ⁴⁸⁾ Аристотель. О чудесных слухах, 141. — Там же, с. 328.
- ⁴⁹⁾ Никандр. Схолии к «Противоядиям», 27. — Там же, № 3, с. 303.
- ⁵⁰⁾ Лукиан Самосатский. «Нигрин», § 79. — ВДИ, 1948, № 1, с. 299.
- ⁵¹⁾ Печальные песни, III.10.60; IV.1.75, 80; V.7.15. — ВДИ, 1949, № 1, с. 775.
- ⁵²⁾ «Письма с Понта», I.2.20, 85; IV.9.75. — ВДИ, 1949, № 1, с. 780. [162]
- ⁵³⁾ Естественная история, XI.279. — ВДИ, 1949, № 2, с. 312.
- ⁵⁴⁾ Черненко Е. В., Симоненко А. В. Курганная группа Широкое-III. — В кн.: Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977, с. 29.
- ⁵⁵⁾ Лаппо-Данилевский А. С. Курган Карагодеуашх. — МАР, 1894, № 13, с. 55.
- ⁵⁶⁾ Веселовский Н. И. Свистящие стрелы. — ИАК, 1909, вып. 30, с. 161.
- ⁵⁷⁾ Анучин Д. Н. Указ. соч., с. 405, прим. 4.
- ⁵⁸⁾ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 14.
- ⁵⁹⁾ Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977, с. 5-128.
- ^a Материалы могильников группы Страшной Могилы, Богдановской обогатительной фабрики, 22-й шахты, Степного кургана, Нагорное.
- ^b Курганы у сел Иванков, Старое, Любарцы, Ерколцы (последний издан в кн. Скифский мир).
- ^b Могильники у сел Ленино, Ильичеве, Зеленый Яр, Астанино, Бранное поле, Кирово. {В книге сноски в таблице обозначены звездочками. HF.}
- ⁶⁰⁾ Бунятян Е. П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников. — В кн.: Теория и методика археологических исследований. Киев, 1981, с. 136-184.

- ⁶¹⁾ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 201.
- ⁶²⁾ *Бунятян Е. П.* Указ. соч., с. 136-184.
- ⁶³⁾ *Яковенко Э. В.* Женские погребения Елизаветовского могильника. — Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978, с. 64.
- ⁶⁴⁾ Геродот, IV.121. — ВДИ, 1947. № 2. с. 282.
- ⁶⁵⁾ Геродот, IV.720. — Там же, с. 281.
- ⁶⁶⁾ *Бунятян Е. П.* Указ. соч., табл. 4.
- ⁶⁷⁾ *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону. — КСИА, 1973, вып. 133, с. 60.
- ⁶⁸⁾ *Бунятян Е. П.* Указ. соч., табл. 4.
- ⁶⁹⁾ *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул. — СА, 1970, № 3.
- ⁷⁰⁾ *Полин С. В.* Скифский курган у с. Красный Подол на Херсошщине. — Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг., с. 87.
- ⁷¹⁾ *Черненко Є. В.* Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. — Археологія, 1970, 23.
- ⁷²⁾ *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С, Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978, с. 12-14.
- ⁷³⁾ *Граков Б. И.* Скифы, с. 90.
- ⁷⁴⁾ *Мозолевский Б. Н.* Скифский курган у с. Ерковцы на Киевщине, с. 213.
- ⁷⁵⁾ *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арианте, с. 111.
- ⁷⁶⁾ Там же.

⁷⁷⁾ Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы, с. 152-154.

⁷⁸⁾ Шилов В. П. Золотой клад скифского кургана. с. 54-60, 68.

⁷⁹⁾ Здесь В. И. Ильинская ошиблась. У Любарцев был раскопан только один курган (№ 4), в котором было не 52, а 51 наконечник (*Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя. — СА, 1966, № 3, с. 159*). Список погребений, в которых найдено 52 наконечника можно было бы пополнить набором из Пятибратнего кургана. Перечень курганов, количество наконечников в которых колебалось в пределах 50-60, см. в приложениях 5-7.

⁸⁰⁾ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 96.

⁸¹⁾ В этот перечень В. А. Ильинская включает курган у с. Санжары, где было найдено 50 наконечников (*Ильинская В. А. Скифы ..., с. 96*).

⁸²⁾ Клочко В. И. Скифские колчаные наборы VI—V вв. до н. э. (по материалам Посульских курганов). — В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976, ч. 1, с. 25; Клочко В. И. Новые данные о типах скифских горитов ..., с. 50.

* Вместе со скифскими памятниками степной части Скифии рассмотрены и погребения IV в. до н. э., происходящие из района Борисполя на Киевщине (села Старое, Любарцы, Ерковцы, Мирное и др.), по единодушному мнению исследователей, являющиеся бесспорно скифскими.

⁸³⁾ Тереножкин А. И. Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины. — В кн.: Скифские древности, с. 169.

⁸⁴⁾ Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.; Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья. — САИ, 1977, вып. Д1—33; Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясьмин. Киев. 1975; Ковпаненко Г. Т. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977; Ильинская В. А., Мозолевский Б. И., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. — В кн.: Скифия и Кавказ, с. 31-63.

⁸⁵⁾ Бокий Н. М. Скифские курганы в бассейне р. Большая Высь на Кировоградщине. — В кн.: Скифы и сарматы, с. 203-206. рис. 2, 1-7.

⁸⁶⁾ Ковпаненко Г. Т. Племена скифського часу на Ворсклі, с. 139-141.

⁸⁷⁾ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Указ. соч., с. 162, рис. 13, 12.

- ⁸⁸⁾ *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г., с. 157-163; *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана, с. 55-60.
- ⁸⁹⁾ *Милюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 27.
- ⁹⁰⁾ *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арпанте, с. 112.
- ⁹¹⁾ *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана, с. 55-60.
- ⁹²⁾ Там же, с. 68.
- ⁹³⁾ *Граков Б. Н.* Скифские погребения Никопольского курганного поля. — МИА, 1962, № 115, с. 56-113.
- ⁹⁴⁾ *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., [163] Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово Поле. — В кн.: Скифы и сарматы, с. 152-199.
- ⁹⁵⁾ *Бидзиля В. И., Болтрик О. В., Мозолевский Б. И., Савовский И. П.* Курганный могильник в уроч. Носаки. В кн.: Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977, с. 61-158.
- ⁹⁶⁾ *Вязьмитина М. І., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипів-ка і радгоспу «Аккермень», — АП, 1980, 8. с. 22-135.
- ⁹⁷⁾ *Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. — АП, 1980, 9, с. 39-87.
- ⁹⁸⁾ *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины. — В кн.: Скифские древности, с. 113-187.
- ⁹⁹⁾ Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 59-150.
- ¹⁰⁰⁾ *Черненко Е. В.* Скифские курганы на Никопольщине. — ЗОАО, 1967, 2, с.179-191.
- ¹⁰¹⁾ Курганы южной Херсонщины, с. 5-128.

¹⁰²⁾ *Ильинская В. А.* Скифские курганы у г. Борисполь, с. 152-171; *Яковенко С. В.* Некрополь скифського часу біля м. Бориспіль. — *Археологія*. 1965, 18, с. 150-160; *Мозолевский Б. Н.* Скифский курган у с. Ерко́вцы на Киевщине, с. 211-217.

¹⁰³⁾ *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.

¹⁰⁴⁾ *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. — В кн.: *Древности Восточного Крыма*. Киев, 1971, с. 136-179.

* Аккермень, курган 16, погребение 2; Кут, курган 21, погребение 3; Капуловка, курган 13; группа Богдановской обогатительной фабрики у г. Орджоникидзе, курган 13, погребение 2; Широкое, курган 9, погребение 1; Старое, курган 2.

* Никопольское курганное поле, курган 24; В. Тарасовка, курган 58; Широкое, курган 71, погребение 4; Люберцы, курган 4. К ним можно добавить упоминаемое ниже погребение «охранника» из Толстой Могилы; Любимовка, курган 38, погребение 3; Двугорбая Могила у с. Приморское под Ждановым, погребение 6; Новая Одесса, курган 2, погребение 1.

¹⁰⁵⁾ Благодарю антрополога Е. И. Данилову за подбор литературы и консультацию по этому вопросу. Очевидно, этими же причинами следует объяснить необычное положение мечей или кинжалов в некоторых погребениях Скифии.

¹⁰⁶⁾ *Капустин А. А.* Детская леворукость и проблема воспитания левой руки. — *Русская клиника*, 1924, № 3, с. 341; *Лирия А. Р.* Травматическая афазия. М., 1977, с. 31.

¹⁰⁷⁾ *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Указ. соч., с. 146.

¹⁰⁸⁾ *Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине. — *СА*, 1972, № 3, с. 271.

¹⁰⁹⁾ Там же, с. 304.

¹¹⁰⁾ *Манцевич А. П.* Парадный меч из кургана Солоха. — *МИА*, 1969, № 150, с. 97.

¹¹¹⁾ *Черненко С. В.* Скифські кургани V ст. до н. е. ..., с. 179.

¹¹²⁾ *Шапошникова О. Г.* Указ. соч., с. 213.

- ¹¹³⁾ Ковалева И. Ф., Волкобой С. С, Костенко В. И., Жалобудов В. И. Указ. соч., с. 331.
- ¹¹⁴⁾ Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 62, рис. 33.
- ¹¹⁵⁾ Либеров П. Д. Указ. соч., табл. 20, 12-13; Пузикова А. И. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. — МИА, 1969, № 151, рис. 4, 8-9; Абрамова М. П. Указ. соч., рис. 3, 21.
- ¹¹⁶⁾ Гуляев В. И. Зооморфные крючки скифского периода. — МИА, 1969, № 151, с. 127.
- ¹¹⁷⁾ Черненко Е. В. Гориты и колчаны у воинов евразийских степей скифского времени. — В кн.: Тез докл. Всесоюз. археолог. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979, с. 70-71.
- ¹¹⁸⁾ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 31-66.
- ¹¹⁹⁾ Граков Б. И. Легенда о скифском царе Арианте, с. 113.
- ¹²⁰⁾ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке, с. 31, 35, 128, 118, 90, 121, 82, 140. {Так — HF.}
- ¹²¹⁾ Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников, с. 3-41.
- ¹²²⁾ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 88.
- ¹²³⁾ Вишневская О. А. Указ. соч., с. 88.
- ¹²⁴⁾ Членова И. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, с. 51-52.
- ¹²⁵⁾ Кулемзин А. М. Тагарские костяные наконечники стрел. — В кн.: Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976, вып. 7, с. 34.
- ¹²⁶⁾ Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979, с. 52.
- ¹²⁷⁾ Кулемзин А. М. Указ. соч., с. 30.

- [128\)](#) Руденко С. И. Культура населения горного Алтая..., с. 261.
- [129\)](#) Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира», с. 89-105.
- [130\)](#) Збруева А. В. История населения Прикамья..., с. 90.
- [131\)](#) Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте, с. 113.
- [132\)](#) Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 94-95.
- [133\)](#) Там же, с. 94-95.
- [134\)](#) Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. — МИА, 1951, № 23, с. 162, 166.
- [135\)](#) Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, с. 110.
- [136\)](#) Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 32. [164]
- [137\)](#) Манцевич А. П. Горит из кургана Солоха, с. 117.
- [138\)](#) Михайлов Г. Траките. София, 1972, с. 145.
- [139\)](#) Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. К., 1974, с. 108-109; Скуднова В. М. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии. — ЗОАО, 1960, т. 1. В этой работе, несмотря на то, что в названии V в. до н. э. не упоминается, речь идет и о погребениях этого времени.
- [140\)](#) Скуднова В. М. Указ. соч., с. 73-74.
- [141\)](#) Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии..., с. 108.
- [142\)](#) Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 79.
- [143\)](#) Коровина А. К. Тирамба. — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1968, вып. 4, с. 71.

- ¹⁴⁴⁾ *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. — МИА, 1951, № 19, с. 67, 68, 70; *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. — МИА, 1959, № 69, 269-270.
- ¹⁴⁵⁾ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 15.
- ¹⁴⁶⁾ *Скржинская М. В.* Указ. соч., с. 103.
- ¹⁴⁷⁾ Плутарх. Пир семи мудрецов, 21. — ВДИ. 1952, № 2, с. 287.
- ¹⁴⁸⁾ ВДИ. 1947, № 2, с. 321. О том, почему выполнение полицейских функций в Афинах доверено чужеземцам-рабам, в частности скифам, писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унижительной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному рабу, лишь бы самому не заниматься таким позорным делом» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 118-119).
- ¹⁴⁹⁾ *Валлон А.* История рабства в античном мире. М., 1941, с. 78; *Доватур А. И.* Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980, с. 48.
- ¹⁵⁰⁾ Геродот, VII.226, с. 373.
- ¹⁵¹⁾ Геродот, IX.60, с. 432.
- ¹⁵²⁾ Геродот, VII.226, с. 373.
- ¹⁵³⁾ Геродот, VII.225, с. 373.
- ¹⁵⁴⁾ *Snodgrass A.* Arms and Armour of the Greeks. London, 1967, fig. 40; *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare, fig. 74.
- ¹⁵⁵⁾ *Snodgrass A.* Arms and Armour..., fig. 38.
- ¹⁵⁶⁾ Эврипид. Пьесы. М., 1960, с. 165-166.
- ¹⁵⁷⁾ *Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons. Edinburgh, 1964, fig. 9.
- ¹⁵⁸⁾ Ibid., fig. 10.

- ¹⁵⁹⁾ ιστορία του ελληνικού έθνους. Τ. Β, 'Αρχαϊκος ελληνισμος, 'Αθηναϊ, 1971, ρισ. на с. 30g.
- ¹⁶⁰⁾ *Марченко И. Д.* Указ. соч., с. 153.
- ¹⁶¹⁾ Эллинские поэты. М., 1963, с. 205.
- ¹⁶²⁾ *Шанин Ю. В.* Олимпийские игры и поэзия эллинов. Киев, 1980, с. 117.
- ¹⁶³⁾ Страбон. География, 448, 12. М., 1964.
- ¹⁶⁴⁾ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 30.
- ¹⁶⁵⁾ Геродот, IV.46. — ВДИ, 1947, № 2, с. 266.
- ¹⁶⁶⁾ *Пугаченкова Г. А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. — ВДИ, 1966, № 2, с. 930.
- ¹⁶⁷⁾ *Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии. — МИА, 1971, № 177, с. 36.
- ¹⁶⁸⁾ Ксенофонт. О коннице, XII.11-12.
- ¹⁶⁹⁾ *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. Cambridge, 1973, p. 115, fig. 58.
- * Собирая наконечники от каждого скифа для отливки котла. — *Е. Ч.*
- ¹⁷⁰⁾ *Граков В. Н.* Легенда о скифском царе Арианте, с. 112-113.
- ¹⁷¹⁾ Плутарх. Предисловие относительно здоровья, 20. — ВДИ, 1952, № 2, с. 287.
- ¹⁷²⁾ *Львовский П. Д.* Баллистические качества древнейших образцов метательного оружия. — В кн.: Изв. Арт. акад. РККА. Л., 1932, т. 1, с. 215.
- ¹⁷³⁾ *Погребова М. Н.* Вооружение и войско народов Центрального и Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965, с. 19.

- [174\)](#) ВДИ, 1940, № 1, с. 254.
- [175\)](#) Эсхил. Прикованный Прометей, 729-761. — ВДИ, 1947, № 1, с. 303.
- [176\)](#) IOSPE, I, № 195, с. 212-213.
- [177\)](#) *Маврикий*. Тактика и стратегия. Спб., 1903, с. 68.
- [178\)](#) *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 30.
- [179\)](#) Геродот, IV.139. — ВДИ, 1947, № 2, с. 285.
- [180\)](#) Геродот, IV.141. — ВДИ, 1947, № 2, с. 286.
- [181\)](#) *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 31.
- [182\)](#) *Вейлэ К.* Элементы человеческой культуры. Пг.; М., 1923, с. 81.
- [183\)](#) *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 31.
- [184\)](#) *Ремов С.* Долгий полет стрелы. — Вокруг света, 1971, № 12, с. 65.
- [185\)](#) *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 30-31.
- [186\)](#) Ксенофонт. Анабасис, III.15. М.; Л., 1951.
- [187\)](#) *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 34.
- [188\)](#) *Черненко Е. В., Симоненко А. В.* Указ. соч., с. 29.
- [189\)](#) *Покровська Є. Ф.* Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу Сміли. — Археологія, 1957, 10, с. 77.
- [190\)](#) *Лесков О. М.* Скарби кургашв Херсонщини, с. 83.

¹⁹¹⁾ Ксенофонт. Анабасис, IV.11, 28, с. 101.

¹⁹²⁾ Фукидид. История, IV.34.3.

¹⁹³⁾ *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare, fig. 76

Приложения

Приложение 1*. Изображения луков и горитов на скифских стелах

Место находки	Горит		Где опубликовано
	с луком	без лука	
Сибюара	+	—	<i>Канарак В.</i> Археологический музей в Констанце. Бухарест, 1967, с. 24.
с. Буторы	+	—	<i>Шульц П. Н.</i> Скифские изваяния. — В кн.: Художественная культура Северного Причерноморья. М., Л., 1976.
Первомайское	+	—	<i>Харлампович П. В.</i> Материалы з історії Первомайщини. — Вісник Одеської комісії краєзнавства, 1930, вип. 4-5, с. 65
Терновка	+	—	<i>Елагина Н. Т.</i> Скифские антропоморфные стелы. — СА, 1959, № 2, с. 187-196
Калиновка	+	—	Там же
Медерово	—	+	<i>Бокий Н. М.</i> Скифский курган у с. Медерово. — С А, 1974, № 4
Станишино	+	—	<i>Ястребов В. Н.</i> Раскопки близ с. Станишино. — ТМАО, т. 13, вып. 1, 1889
Эрделевка	+	—	<i>Ястребов В. Н.</i> Каменная баба. — ТМАО, т. 11, вып. 2, 1886
Кировоградский музей	+	—	Не опубликовано
Ольховчик	+	—	<i>Тахтай О. К.</i> Скiфська статуя з с. Ольховчик Донецької обл. — Археологія, 1964, 17, с. 205-206

Елизаветское	—	+	<i>Миллер А. А.</i> Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. — ИРАИМК, 1925, 4
Ждановское	+	—	<i>Мелюкова А. И.</i> Каменная фигура скифа-воина — КСИИМК, 1952, вып. 58, с. 125-128
Бесскорбное	+	—	<i>Навротский Н. И.</i> Каменное изваяние воина из ст. Бесскорбной. — АО 1970 г. М., 1971
Краснодарское-1	+	—	Там же
хут. Ковалевский	—	+	<i>Шульц П. П., Навротский Н. И.</i> Прикубанские изваяния скифского времени. — СА, 1973, № 4
с. Дятловка	+	—	<i>Шульц П. Н.</i> Скифские изваяния Причерноморья. — В кн.: Античное общество. М., 1967
Вишневка	—	+	Там же
Черноморское-I	—	+	»
Черноморское-II	лук без горита		<i>Шульц П. Н.</i> Скифское изваяние, найденное у городища «Чайка». — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968
«Чайка»	+	—	Не опубликовано
Киевский музей	+	—	Не опубликовано
Нововасильевка	+	—	Курьер ЮНЕСКО, 1977, № 1
Золотая Балка	+	—	Не опубликовано
ст. Сенная	лук без горита		Не опубликовано
Днепропетровск-1	+	—	Не опубликовано
Семеновка	+	—	Не опубликовано [142]
Преградная	+	—	<i>Шульц П. Н.</i> Скифские изваяния Причерноморья
Краснодарское-II	+	—	<i>Миллер А. А.</i> Указ. соч.
Приветное	+	—	Евпаторийский музей
Калининское	+	—	Сообщение Г. Л. Евдокимова

Приложение 2. Изображения луков и горитов на предметах северопричерноморской торевтики.

Место находки, предмет	Лук		Горит	
	в горите	в руках	с луком	без лука
Келермесс, ножны меча (4) ^а	—	X	—	—
Мельгунов, ножны меча (7) ^б	—	X	—	—
Солоха, гребень (2)	—	—	—	X
Там же, чаша (4)	X(2)	X(2)	X(2)	—
» горит (1)	X	—	—	—
Чертомлык, ваза (2)	X	—	X	X
Там же, ножны меча (1)	—	X	—	—
Куль-Оба, сосуд (7)	X	X	X	—
Там же, бляшка-стрелки (2)	—	X	X	—
» бляшка-скиф (1)	—	—	—	X
Воронеж, сосуд (6)	X	X	X	—
Гайманова Могила, сосуд (2)	X	—	—	—
Толстая Могила, пектораль (2)	X	—	X	—
Гермесов курган, пластина (2)	X	—	X	—
Сахновка, диадема (2)	X	—	X	—
Карагодеуашх, пластина (2?)	X	—	X	—
Гюновка, пластина (1)	—	X	—	X
Аксютинцы, бляшка (1)	—	X	—	X
Гориты чертомлыкской серии (1)	—	X	—	—

Приложение 3. Костяные «гвоздики» и «столбики» от горитов

Место находки	«Столбики», шт.	«Гвоздики», шт.	Место хранения	Рис. 20	Где опубликовано
Луки	—	3	^в	1	Археологія, т. 21, с. 148
Поповка, к. 13	–	1		2	СДЛЛ, табл. 52, 21
Роменский уезд	—	2	КИМ	3	Смела, т. 3, табл. 8, 9
уроч. Дарьевка	6	3	КИМ	4	Смела, т. 2, табл. 14, 7
Журавка, к. 432	8	—		5	ИАК, вып. 17, с. 88
Новоселки	1	3		6	<i>Sulimirskj</i> , табл. X
Оситняжка, к. 474	3	—	ГЭ	7	СДП, табл. 15. 14
Осняги	2	—		8	Тр. XIV АС, табл. 3, 36-37
Перебыковцы, к. 2	2	3	ГЭ	9	Тр. ГЭ, т. 20, с. 48, рис. 10, 16-20 [143]
Медвин-III, к. 3	—	1	ИА АН УССР	10	СиС, с. 65, рис. 3, 2
Медвин-I, к. 3	1	1	»	11	СиС, с. 48, рис. 4, 11
Никополь, к. 5, п. 12				12	МИА, № 115, с. 109. рис. 8, 4
Темир-Гора	8	—	ГЭ	13	СА, 1972, № 3, с. 262, рис. 1, 1
Серогозы	—	4		14	ИАК, вып. 19, с. 85, рис. 6, 9
Новоалексеевка	1	—	ИА АН УССР	15	АО 1974 г., с. 370
Койсуги, к. 5, п. 3	2	8		16	СА, 1978, № 3, с. 180, рис. 3, 5
Бельское городище, зольник 1	1			17	ПСНВ, рис. 32, 25
Репяховатая Могила, а. 1	3	4	ИА АН УССР	18	СиК, с. 39, рис. 6, 35-37, 39-41
Репяховатая Могила, п. 2, горит 2	7	2	ИА АН УССР	19	СиК, с. 43-44, рис. 14, 19-21
Журавка, к. 406	1(?)	8(?)		— ^г	ИАК, вып. 14, с. 31
Эшкакон, Муртаз-Коч., п. 4	3	—	ИА АН СССР	21	АО 1977 г., с. 123
Эшкакон, Муртаз-Коч., п. 10	1	—	»	—	Раскопки В. Б. Ковалевской
Красное знамя, к. 9	1	—	»	22	Раскопки В. Г. Петренко

Новоалександровка, к. 7		—		—	АО 1977 г., с. 127
Минеральные Воды	—	более 50		—	КСИИМК, № 53, с. 53-55, рис. 16, 17

Приложение 4. Застежки горитов

Место находки	Материал ^д	Рисунок	Где хранится	Где опубликовано
Мальгунов курган	б., з.	21	ГЭ	МАР, № 31, с. 20, рис. 14
Келермесс	з.	22, 7	Там же	<i>Артамонов М. И.</i> Сокровища скифских курганов, с. 104, рис. 52
Там же	з	22, 2	»	Там же
»	б., з.	22, 3	»	»
Темир-Гора	б., з.	22, 4	»	СА, 1972, № 3, с. 262, рис. 1, 2
Макеевка, курган 4	б.	23, 7	ИА	АП, т. 11, табл. 20, 12
Огородное, курган 9	б.	23, 2	ОАМ	МАСП, вып. 6, рис. 17, 13, с. 152
Ольвия	б.	23, 3	ГЭ	МИА, № 50, с. 174, рис. 17, 2
Бобовича	б.	23, 4	Там же	ОАК за 1895 г., с. 16, рис. 31
Гришенцы	б.	23, 5	»	ПСП, табл. 4, 24
бывш. Роменский уезд	б.	23, 6	КИМ	Там же
Там же	б.	23, 7	Там же	»
Старшая Могила	б.	23, 8	»	СДЛЛ, с. 97, табл. V, 1
Обиточная	б., з	23, 5	»	ВДИ. 1956, № 1, с. 163
Старшая Могила	к.	24, 2	»	СДЛЛ, с. 25, табл. II, 1
Белоглинка	к.	24, 2	ГЭ	СА, т. 27, рис. 2, 4 с. 233
Пруссы	к.	24, 3	КИМ	ДП, т. 3, табл. XI, IX, № 533
Журавка, курган 447	к.	24, 4	Там же	ИАК, вып. 17, 94, рис. 32

Там же, курган 432	к.	24, 5	»	Там же, с. 88, рис. 15
» курган 406	к.	24, 6	»	» [144]
Три брата	к.	24, 7	Керчь	СД, с. 247, рис. 2, 1
Осняги, курган 1	к.	24, 5		Тр. XIV АС, т. 3, табл. III, 37
Дарьевка	к.	24, 9	КИМ	Смела 2, табл. XIV, 7
Дарьевка	к.	24, 10	КИМ	Смела 2, табл. XIV, 7
Перебыковцы	к.	24, 11	ГЭ	Тр. ГЭ, т. 20, с. 48, рис. 10, 21 [143]
Койсуги, курган 5	к.	24, 12		СА, 1978, № 3, с. 169, рис. 3, 7
Репяховатая Могила	к.	24, 13	ИА	СиК, с. 39, рис. 6, 38
Там же	к.	24, 14	ИА	Там же, с. 43-44, рис. 14, 20
»	к.	—	ИА	» рис. 14, 10
Журавка, курган 432	к.	24, 16	КИМ	ИАК, вып. 17, с. 88
Луки	к.	24, 17		Археология, 21, с. 148, рис. 2, 9
Койсуги, курган 5	к.			СА, 1978, № 3, с. 180, рис. 3, 2
Комаровский могильник	к.	24, 18		Там же, 1974, № 2, рис. 2, 4
Журавка, курган 401	б., з.	24, 19		ИАК, вып. 14, с. 31, рис. 72
Там же;	к.	24, 20		Там же, рис. 73
Бельское городище, зольник № 1	к.	24, 21		ПСНВ, с. 157, рис. 53, 109
Скоробор, курган 1	к.	—		Там же, с. 157
Кириковка, курган 13	к.	—		Тр. XII АС, с. 685
Эшкакон, Муртаз-Коч, п.4	к.	—		АО 1977 г., с. 122
хут. Красное знамя, курган 1	м.	25, 4		Раскопки В. Г. Петренко
Там же	зм.	25, 5		Его же
» курган 9	ме.	25, 6		»
Залесье, поселение	к.	—	КИМ	Раскопки О. Д. Ганиной

Приложение 5. Наконечники стрел в курганах Степной Скифии

Место находки	Наконечники стрел				дата, в. до н.э.	Где опубликовано
	бронза	железо	кость	всего		
Никополь, группа Серко, 6	3			3	IV	МИА, № 115
Шевченко-III, к. 7, п. 1	3			3	»	КЮХ, с. 102
Широкое-II, к. 27, п. 2	3			3	»	Там же, с. 49
Башмачка, к. 10, п. 2	4			4	»	Раскопки И. Ф. Ковалевой
Марьинское, к. 2, п. 2	4		4	4 ^е	»	Ее же
Чертомлык, камера 7	5			5	»	ДГС, с. 87
Шевченко-III, к. 8, п. 5	5			5	»	КЮХ, с. 105
Михайловка, п. 6	6			6	»	СД, с. 239
Шевченко-III, к. 8, п. 1	6			6	»	КЮХ, с. 104
Вольная дружина, к. 6, п. 6	6			6	»	Раскопки Г. Л. Евдокимова
Любимовка, к. 48, п. 3	7			7	»	Раскопки А. М. Лескова
Пятибратний	5	2		7	»	ВС, с. 27
Старое, к. 15	7			7	»	СА, 1966, № 3, с. 161
Николаевка, п. 43	8			8	»	Поселение..., с. 91
Широкое-II, к. 71, п. 1	8			8	»	КЮХ, с. 89
Широкое-III, к. 2	9			9	»	Там же, с. 8 [145]
Широкое-III, к. 13, п. 4	9			9	»	КЮХ, с. 22
В. Тарасовка, 52, 1	10			10	»	КЮД, с. 58
Михайловка, п. 5	10			10	»	СД, с. 239
Солоха, конюх	11			11	»	ОАК 1913 г., с. 131
Кут. к. 21, п. 4	11			11	»	АП, т. 9, с. 67

Николаевка, п. 58	11			11	»	Поселение..., с 98
Широкое-II, к. 27	11			11	»	КЮХ, с. 47
В. Тарасовка, к. 48	11			11	»	КЮД, с. 104
Огородное, к. 9, п. 5	8		4	12	»	МАСП, т. 6, с. 152
В. Украина, к. 5, п. 1	13			13	»	Раскопки А. М. Лескова
Николаевка, к. 3, п. 2	13			13	»	Поселение..., с. 107
Кут, к. 21, п. 3	13			13	»	АП, т. 9, с. 67
Там же, к. 5	14			14	»	Там же, с. 49
Никополь-II, к. 21, п. 1	14			14	»	МИА, № 115
Шевченко-III, к. 21, п. 2	14			14	»	КЮХ, с. 15
Любимовка, к. 58, п. 1	15			15	»	Раскопки А. М. Лескова
Балтазаровка, к. 4, п. 2	14		1	15	»	СД, с. 256
Марьинское, к. 5, п. 2	15			15	»	Раскопки И. Ф. Ковалевой
В. Тарасовка, к. 31, п. 1	15	1		16	»	КЮД, с. 76-78
Широкое-III, к. 9, п. 1	17			17	»	КЮХ, с. 14
Шевченко-III, к. 33	16		1	17	»	Там же, с. 127
Кут, к. 91	18			18	»	АП, т. 9. с. 59
Широкое-II, к. 45	18			18	»	КЮХ, с. 64
Широкое-II, к. 71, п. 4	20			20	»	Там же, с. 92
Аккермень-I, к. 16, п. 2	более 20			более 20	»	АП, т. 8, с. 65
Любимовка, к. 48, п. 36	22			22	»	Раскопки А. М. Лескова
Любимовка, к. 58, п. 2	22			22	»	»
В. Тарасовка, к. 14	22			22	»	Раскопки Е. В. Черненко
Отрадное, к. 3, п. 2	24			24	»	Раскопки О. Г. Шапошниковой
Широкое-II, к. 71, п. 3	24			24	»	КЮХ, с. 92

Капуловка, к. 1	24			24	»	СД с. 129
Широкое-III, к. 16	24		2	26	»	КЮХ, с. 29
Любимовка-II, к. 40, п. 1	27			27	»	Раскопки А. М. Лескова
Нагорное, к. 11, п. 2	27			27	»	СД, с. 206
Никополь-II, к. 25, п. 1	27			27	»	МИА, № 115
В. Тарасовка, к. 58, п. 2	28			28	»	КЮД, с. 120-121
Ерковцы, к. 1, п. 2	29			29	»	СМ, с. 215
В. Украина, к. 1, п. 2	30			30	»	Раскопки А. М. Лескова
Талаевский, к. 2	30			30	»	ВС, с. 20
Шевченко-III, к. 11, п. 1	32			32	»	КЮХ, с. 107
Золотая Балка, к. 13, п. 7	28		5	33	»	Раскопки А. И. Кубышева
Козел	33			33	»	ВС, с. 26
Новая Одесса, к. 13	33			33	»	Раскопки О. Г. Шапошниковой
Талаевский, к. 1, п. 3	34			34	»	ВС, с. 24
Пятибратний	34			34	»	АРД, с. 60
Владимировка, к. 11	35			35	»	КЮД, с. 150
Кут, к. 21, п. 4	36			36	»	АП, т. 9, с. 67
Пятибратний	36			36	»	АРД, с. 60
Двугорбая Могила	35		1	36	»	АО 1978 г., с. 391
Группа Солоха, к. 14, п. 1	36			36	»	ВС, с. 26
Николаевка, п. 8	19		18	37	»	Поселение...
Пятибратний	39			39	»	АРД, с. 60 [146]
Львово, к. 18, п. 1	39			39	IV	Раскопки С. В. Полина
Шевченко-III, к. 6	39			39	»	КЮХ, с. 100
Новокиевка, к. 2, п. 2	38		2	40	»	Раскопки Г. Л. Евдокимова

Мельгунов	40			40	VI	МАР, № 31, с. 18
Кичкас, п. 17	40			40	V	Раскопки А. В. Добровольского
Широкое-II, к. 36, п. 2	41			41	IV	КЮХ, с. 55
Отрадное, к. 3, п. 1	43			43	»	Раскопки О. Г. Шапошниковой
Владимировка, к. 4, п. 2	43			43	»	КЮД, с. 132
Мирное, к. 3	45			45	»	Раскопки В. А. Круца
Любимовка, к. 28, п. 1	48			48	»	Раскопки А. М. Лескова
Там же, к. 51, п. 1	47			47	»	Его же
Подолье, к. 7, п. 1	48			48	»	Раскопки В. А. Круца
Пятибратний	48			48	»	СА, 1961, № 1, с. 161
Там же	49			49	»	Там же, с. 162
Широкое-II, к. 39	46		3	49	»	КЮХ, с. 60-61
Любимовка, к. 45	50			50	»	СКХ, с. 63
Там же	50			50	»	Там же
В. Гарасовка, к. 58, п. 5	50			50	»	КЮД, с. 124
Николаевка, п. 13	более 13 ^ж		1	50	»	Поселение., с. 173
Люберцы, к. 4, п. 1	51			51	»	СА. 1966, № 3, с. 159
Львово, к. 18, п. 1	51			51	»	Раскопки С. В. Полина
Башмачка, к. 6	42	8	1	51	»	ВС, с. 26
Пятибратний	48		4	52	»	АРД, с. 60
Капуловка, к. 13, п. 1	52			52	»	СД, с. 122
Там же, п. 2	52			52	»	Там же, с. 126
Трехбратний курган	48		4	52	»	» с. 245
Любимовка, к. 57, п. 2	53			53	»	Раскопки А. М. Лескова
Деев курган	53			53	»	Его же

Толстая Могила, конюх	42		11	55 ³	»	СМ, с. 152
Чертомлык, камера 7	55			55	»	ДГС, с. 87
Никополь-1, к. 2, п. 17	56			56	»	МИА, № 115
Широкое-II, к. 56	57			57	»	КЮХ, с. 73
В. Украина, к. 1, п. 1	58			58	»	Раскопки А. М. Лескова
Пятибратний	48	10		58	»	АРД, с. 60
Мирное, к. 4	59			59	»	Раскопки В. А. Круца
Нововладимировка, к. 3	59			59	»	СД, с. 265
Новая Одесса, к. 2. п. 1	54	6		60	»	Раскопки О. Г. Шапошниковой
Никополь, Серко, к. 2/1	61			61	»	МИА, № 115
Николаевка, п. 14	62			62	»	Поселение., с. 173
Иванков, к. 3, п. 1	63			63	»	Археологія, т. 18, с. 152
Гр. Солоха, к. 2/25, п. 3	64			64	»	ВС, с. 26
Чертомлык, 6-я гробница	64			64	»	Там же
Широкое-II, к. 70, п. 1	64			64	»	КЮХ, с. 88
Новогригорьевка	65			65	V	ВС, с. 24
Широкое-III, к. 14, п. 2	65			65	IV	КЮХ, с. 25
Подолье, к. 3, а. 2	66			66	»	Раскопки В. А. Круца
Пятибратний	50	4	13	67	»	АРД, с. 60
Там же	67			67	»	СА, 1961. № 1, с. 157
Чертомлык, С-В могила	67			67	»	ДГС, с. 99
Кут, к. 7, п. 9	69			69	»	АП, т. 9, с. 53
Толстая Могила (боковая)	70			70	»	СМ, с. 153
Каланчак	71			71	»	Раскопки Г. Л. Евдокимова [147]

Шевченко-III, к. 27	72			72	IV	КЮХ, с. 121
Вольная дружина, к. 3, п. 5	73			73	»	Раскопки Г. Л. Евдокимова
Пятибратний	74			74	»	СА, 1961, № 1, с. 157
Старое, к. 2	34	40		74	»	Там же, 1966, № 3, с. 156
Чертомлык, гробница 2	78			78	»	ВС, 26
Подолье, к. 3, п. 3	78			78	»	Раскопки В. А. Круца
Гайманово поле, 29	80			80	»	Раскопки В. И. Бидзили
Солоха, 2/25, п. 3	81			81	»	ВС, с. 26
Гайманово поле, к. 29, п. 1	более 80			более 80		СиС, с. 190
Келермесс, к. 1	81			81	VI	ВС, с. 26
Никополь, к. 2, п. 3	83			83	IV	МИА, № 115; ВС, с. 26
Пятибратний	83			83	»	СА, 1961, № 1, с. 157
Краснокутский	84			84	»	ВС, с. 26
В. Цимбалка	69		15	84	»	Там же
В. Украина, к. 18, п. 2	85			85	»	Раскопки А. М. Лескова
Шевченко-III, к. 28	85			85	»	КЮХ, с. 123
Пятибратний	87			87	»	СА, 1961, № 1, с. 157
Кут, к. 7, п. 9	87			87	»	АП, т. 9, с. 55
Пятибратний	89			89	»	СА, 1961, № 1, с. 157
Аккермень-1, к. 17, п. 9	меньше 90			меньше 90	»	АП, т. 8, с. 124
Никополь, группа Сулицкого	94			94	»	МИА, № 115
Шевченко-III, к. 14	94			94		КЮХ, с. 110
Солоха, к. 14, п. 2	95			95	»	ВС, с. 26
Ерковцы, к. 1, п. 2	97			97	»	СМ, с. 213
Чертомлык, Ю-В камера	около 100			около 100	»	ДГС, с. 93

Чертомлык, могила 6	100			100	»	Там же, с. 87
Никополь-II, к, 19/2	100			100	»	МИА, № 115
Молоха, 11/4, п. 2	105			105	»	ВС, с. 26
Пятибратний	108			108	»	СА, 1961, № 1, с. 158
Там же	108			108	»	Там же, с. 161
Гайманова Могила, основное погребение, воин	110			110	IV	
Николаевка, п. 7	110			110	»	Поселение..., с. 72
Толстая Могила	110			110	»	СМ, с. 154
Курган Пастака, 1	110			110	V	ВС, с. 27
Гайманово поле, к. 1. п. 2	110	1	1	112	IV	СиС, с. 157
Пятибратний	114			114	»	СА, 1961, № 1, с. 162
Кут, к. 24	118			118	»	АП, т. 9, с. 72
Залки, группа Носаки, к. 12, п. 2	119			119	»	КМ, с. 143
Чмырева Могила	116		4	120	»	ВС, с. 26
Страшная Могила, воин	127			127	»	СД, с. 146
Любимовка, к. 38, п. 3	135			135	»	СКХ, с. 63
Золотой курган	139			139	V	ВС, с. 20
Калининское, к. 1, п. 2	140			140	IV	АО 1977 г., с. 324
Архангельская Слобода 5	150			150	V	СКХ, с. 74
Балабаны, к. 6	более 150			более 150	IV	АИМ 1970—1971 гг., с. 115
Петровка, к. 2, п. 3	более 150			более 150	»	Раскопки М. Л. Швецова
Шевченко-III, к 23	163			163	»	КЮХ, с. 117 [148]
Архангельская Слобода 5	165			165	V	СКХ, с. 71
Там же	166			166	»	Там же
Карагодеуашх	169	1		170	IV	ВС, с. 26

Солоха	180			180	»	ОАК, 1913, с. 124
Александровка, к. 6	183			183	V	АО 1977 г., с. 331
Группа Страшной Могилы, к. 4, п. 2	185			185	IV	СД, с. 143
Новорозановка	около 200			около 200		СА, 1970, № 3, с. 212
Карамеркит	216 (?)			216 (?)	»	ВС, с. 24
Кекуватского	236 (?)			236 (?)	»	Там же, с. 27
Марицино 1G	377 (?)			377 (?)	V	» с. 20

Приложение 6. Наконечники стрел в курганах Днепровского Лесостепного Правобережья

Место находки	Наконечники стрел				Дата, в. до н. э.	Где опубликовано
	бронза	железо	кость	всего		
Гуляй-Город, к. 308	19			19	VI	РКТ, с. 16
Кулешовка, к. 425	28			28	V	ЖРБ, с. 143
Берестняги, к. 4	30			30	»	ПСЦ, с. 65
Жаботин, к. 524	31			31	VI	РКТ, с. 20
Холодный Яр, к. 20	32			32	IV	Археология, т. 10, с. 69
Теклино, к. 346	29		4	33	VI	РКТ, с. 41
Гуляй-Город, к. 48	40			40	»	Там же, с. 16
Холодный Яр, к. 20	47			47	IV	Археология, т. 10, с. 66
Медвин, к. 1	52			52	»	СиС, с. 52
Макеевка, к. 487	53			53	»	ЖРБ, с. 131
Яблоновка, к. 4	54			54	VI—V	ПСЦ, с. 61

Журавка, к. 423	56			56	VI	Там же, с. 65
Берестняги, к. 5	60			60	V	»
Журавка, к. 396	64			64	»	ИАК, вып. 14, с. 4
Березовка, к. 377	66			66	IV	ПСЦ, с. 81
Макеевка, к. 1, п. 1	69			69	»	Там же, с. 71
Петровка, к. 2, п. 1	9	63		72	»	СиС, с. 203
Там же, к. 4, п. 1		75		75	»	Там же, с. 206
Колонтаево, п. 14	77			77	»	Археология, т. 12, с. 134
Репяховатая Могила, п. 1	83	5	4	92	VI	СиК, с. 37
Рыжановка, к. 3	96			96	ц	ПСЦ, с. 89
Журавка, к. 409	111			111	IV	Там же, с. 85
Там же, к. 432	119			119	VI	РКТ, с. 25
Репяховатая Могила	124			124	VI	СиК, с. 44
Журавка, к. 406	52	70	7	129	»	ИАК, вып. 14, с. 31
Там же, к. 425	136			136	»	ПСЦ, с. 65
Журавка, 423	142			142	V	Там же, с. 77
Гуляй-Город, к. 38	150			150	VI	РКТ, с. 14
Репяховатая Могила, п. 2	151		4	155	»	СиК, с. 43
Макеевка, к. 491	174			174	»	ПСЦ, с. 65
Грищенцы	257			257	V—IV	Там же, с. 69
Журавка, к. 400	463			463	V	ИАК, вып. 14, с. 11 [149]

Приложение 7. Наконечники стрел в курганах Днепровского Лесостепного Левобережья

Место находки	Наконечники стрел				дата, в. до н.э.	Где опубликовано
	бронза	железо	кость	всего		
Скоробор, к. 6	4			4	VI	ПСЧНВ, с. 96
Осняги, к. 7	14			14	V	Там же, с. 141
Плавинищи к. 4	16			16	VI	СДЛЛ, с. 57
Настельный-III, к. 1	19			19	IV	ПСЧНВ. с. 106
Мачухи, к. 13	27			27	V	Там же, с. 99
Луки	21		6	27	VI	СДЛЛ, с. 56
Кулешовка, к. 425	28			28	V	Там же, с. 54
Лихачевка, к. 8	32			32	VI	ПСЧНВ, с. 140
Поповка, к. 4	16	22		38	»	СДЛЛ, с. 58
Хитцы	43			43	»	Там же, с. 62
Поповка, к. 8		47		47	»	» с. 59
Крячковка	52			52	V	» с. 54
Аксютинцы (1883—85 гг.)	60			60	»	» с. 34
Аксютющы, к. 4 (1886 г.)	66			66	VI	» с. 36
Старшая Могила	96			96	V	» с. 26
Осняги, к. 4	90			90	»	ПСЧНВ, с. 141
Аксютинцы, к. 3	около 100			около 100	»	СДЛЛ, с. 28
Аксютинцы, к. 2	100			100	»	Там же, с. 27
Глинище	123			123	VI	ПСЧНВ, с. 140
Протопоповка, к. 5	142			142	»	Раскопки В. Г. Бородулина
Опишлянка	147			147	»	ПСЧНВ, с. 141
Старшая Могила	209 (?)			209 (?)	»	СДЛЛ, с. 25
Витова Могила	238 (?)			238 (?)	»	ПСЧНВ, с. 141

[Назад К оглавлению](#)

---

* Приложение 1 составлено В.П.Белозером.

^a В скобках указано количество изображений лука или горита.

^b Первые два предмета относятся к концу VII—VI вв. до н.э., остальные — к IV—III вв. до н.э. {в книге примечания к таблице обозначались звездочками — *HF*.}

^b Пустые ячейки были таковыми в книге — *HF*.

^г Так — *HF*.

^д з. — золото: б. — бронза: к. — кость: зм. — змеевик: м. — мрамор: ме. — мергель.

^е Эта строка — явная опечатка. Но поскольку не знаю, как правильно, приходится оставить как есть — *HF*.

^ж Так — *HF*.

^з Эта строка — явная опечатка. Но поскольку не знаю, как правильно, приходится оставить как есть — *HF*.

^и Пустая ячейка в книге - *HF*.

1 руб. 50 к.

СКИФСКИЕ ЛУЧНИКИ

„Наукова думка“

